

Учредитель Института
В.В. Жириновский

ISSN 2587-6236

ВЕСТНИК ИНСТИТУТА МИРОВЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Том 12 № 2 (31) 2021

Москва
2021

ВЕСТНИК ИНСТИТУТА МИРОВЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Том 12 № 2 (31) 2021

Научный журнал

Председатель редакционного совета

Жириновский Владимир Вольфович,
доктор философских наук, профессор,
член Государственного Совета
Российской Федерации,
Заслуженный юрист Российской Федерации

Заместитель председателя редакционного совета

Слоботчиков Олег Николаевич,
кандидат политических наук, профессор,
ректор Института мировых цивилизаций, г. Москва

Редакционный совет:

Алиев Тигран Тигранович,
доктор юридических наук, профессор,
почетный адвокат России,
Институт мировых цивилизаций, г. Москва

Артеменков Михаил Николаевич,
кандидат исторических наук, доцент, ректор
Смоленского государственного университета,
заведующий кафедрой теории
и истории государства и права

Волох Владимир Александрович,
доктор политических наук, профессор,
Государственный университет управления,
г. Москва

Глушко Алексей Николаевич,
доктор психологических наук, профессор,
Заслуженный врач РФ,
Институт мировых цивилизаций, г. Москва

Кирсанов Константин Александрович,
доктор экономических наук, профессор,
Институт мировых цивилизаций, г. Москва

Кокорева Елена Анатольевна,
первый проректор,
Институт мировых цивилизаций, г. Москва

Костина Анна Владимировна,
доктор философских наук, доктор культурологии,
профессор, проректор по научной работе,
директор Института фундаментальных
и прикладных исследований,
Московский гуманитарный университет

Кузнецов Вадим Федорович,
доктор политических наук, профессор,
Институт мировых цивилизаций, г. Москва

Курдюмов Александр Борисович,
кандидат экономических наук, доцент,
член Центральной избирательной комиссии
Российской Федерации

Своински Эугениуш,
доктор экономических наук,
Естественно-Технологический университет,
г. Быдгощ (Польша)

Чичулин Николай Александрович,
доктор политических наук, профессор,
Институт мировых цивилизаций, г. Москва

Шатохин Михаил Викторович,
доктор экономических наук, профессор,
Институт мировых цивилизаций, г. Москва

ВЕСТНИК ИНСТИТУТА МИРОВЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Том 12 № 2 (31) 2021

Научный журнал

Редакционная коллегия

Главный редактор

Слоботчиков Олег Николаевич,
кандидат политических наук, профессор,
Институт мировых цивилизаций, г. Москва

Заместитель главного редактора

Шатохин Михаил Викторович,
доктор экономических наук, профессор,
Институт мировых цивилизаций, г. Москва

Брега Александр Васильевич,

доктор политических наук, профессор,
Финансовый университет при Правительстве РФ

Волох Владимир Александрович,

доктор политических наук, профессор,
Государственный университет управления,
г. Москва

Герасимов Владимир Иванович,

кандидат филологических наук,
Институт научной информации
по общественным наукам РАН

Жахов Николай Владимирович,

доктор экономических наук, доцент,
Юго-Западный государственный университет

Кирсанов Константин Александрович,

доктор экономических наук, профессор,
Институт мировых цивилизаций, г. Москва

Кондратович Ирина Валентиновна,

доктор экономических наук, доцент,
Российский новый университет

Пронская Ольга Николаевна,

доктор экономических наук, профессор,
Курский государственный университет

Расторгуев Сергей Викторович,

доктор политических наук, профессор,
Финансовый университет при Правительстве РФ

Сироткина Наталья Валерьевна,

доктор экономических наук, профессор,
Воронежский государственный технический
университет

Слатинов Владимир Борисович,

доктор политических наук, доцент,
Курский государственный университет

Толстых Татьяна Олеговна,

доктор экономических наук, профессор,
Национальный исследовательский технологический
университет «Московский институт стали и сплавов»

Периодичность выхода — 4 номера в год.

Издается с 2010 года.

Научный периодический журнал «Вестник Института мировых цивилизаций» публикует статьи по следующим группам научных специальностей:

23.00.02. Политические институты, процессы и технологии;

23.00.04. Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития;

08.00.05. Экономика и управление народным хозяйством.

Учредитель издания — Негосударственная автономная некоммерческая организация высшего образования «Институт мировых цивилизаций».

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77 — 70521 от 25.07.2017.

Подписку на журнал «Вестник Института мировых цивилизаций» можно оформить в почтовых отделениях на территории Российской Федерации. Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» — 10591

Журнал включен в базу РИНЦ

(Российский индекс научного цитирования)

www.elibrary.ru

Научные статьи, публикуемые в журнале, подлежат обязательному рецензированию.

Авторы опубликованных материалов несут полную ответственность за подбор и точность приведенных фактов, собственных имен, цитат, статистических данных и иных сведений.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей. При перепечатке материалов и использовании их в любой форме, в том числе и в электронных СМИ, ссылка на журнал «Вестник Института мировых цивилизаций» обязательна.

Журнал рассчитан на профессиональных исследователей, аналитиков, практиков в области международных отношений, политических процессов и технологий, экономики и управления народным хозяйством, а также на широкий круг читателей, интересующихся российской и зарубежной внешней политикой, экономическими науками.

Адрес редакции:

119049, г. Москва, Ленинский проспект, д. 1/2, корп. 1.

Контактный телефон: +7 (495) 632-17-60

E-mail: izdimc@mail.ru <http://imc-j.ru>

© НАНО ВО «ИМЦ», 2021

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Акиева П.Х.	
Россия и Прибалтика:	
предыстория взаимоотношений.....	6
Деметрадзе М.Р., Шорохова С.П.	
Истоки современной геополитики:	
христианские корни и средневековая	
преемственность	13
Кузнецов В.Ф.	
Балтийские государства:	
состояние и противоречия	22
Маслакова-Клауберг Н.И.	
Дипломатия «Большой тройки»	
и вопросы послевоенного	
мироустройства.....	26
Мусаев В.И.	
Особенности социально-политической	
и этноконфессиональной ситуации	
в Литве во второй половине XIX —	
начале XX в.	39
Тихонов Б.В.	
Механизм провозглашения	
и становления независимого	
государства — Украина	
в условиях распада СССР	46
Фурсова Е.Б.	
Славянофильский взгляд	
на Прибалтийский край	51
Чичулин Н.А.	
Пути возможного объединения	
Прибалтики с Россией	
(на примере Латвии)	58
Цыбаков Д.Л.	
Тенденции и перспективы	
милитаризации постсоветского	
пространства в XXI столетии:	
вызовы для национальной	
безопасности России	64

POLITICAL SCIENCE

Akieva P.H.	
Russia and the Baltic States:	
the prehistory of relations.....	6
Demetradze M.R., Shorokhova S.P.	
The Origins of Modern Geopolitics:	
Christian Roots and Medieval	
Continuity	13
Kuznetsov V.F.	
Baltic states:	
state and contradictions.....	22
Maslakova-Clauberg N.I.	
Diplomacy of «The Big three»	
and postware world order	26
Musaev V.I.	
Features of the socio-political	
and ethno-confessional situation	
in Lithuania in the second half	
of the XIX — early XX century	39
Tikhonov B.V.	
The mechanism of the proclamation	
and formation of an independent state —	
Ukraine in the conditions	
of the collapse of the USSR.....	46
Fursova E.B.	
Slavo-philian look	
at the Baltic region	51
Chichulin N.A.	
Ways of possible unification	
of the Baltic states with Russia	
(on the example of Latvia)	58
Tsybakov D.L.	
Trends and prospects	
of militarization	
of the post-soviet space	
in the XXI century:	
challenges to Russia's national	
security	64

Гончаренко С.Н.

Обоснование эффективности
реализации модели перехода
на новые процессы управления
персоналом промышленного
предприятия.....73

Рыбкин С.А.

Факторы экстремальности
арктического региона и методы
их формализации81

Шатохин М.В., Булавина М.А.

Региональные аспекты механизма
цифровизации управления
социально-экономическим
развитием территории86

К сведению авторов95

Goncharenko S.N.

Justification of the effectiveness
of the implementation of the model
of transition to new processes
of personnel management
of an industrial enterprise.....73

Rybkin S.A.

Extreme factors in Arctic and how
to formalize them81

Shatokhin M.V., Bulavina M.A.

Regional aspects of the digitalization
mechanism of management
of socio-economic development
of the territory86

Notice to the authors95

П.Х. Акиева

доктор исторических наук, профессор,
Институт мировых цивилизаций, Москва,
Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук им. Ч. Ахриева, Магас

РОССИЯ И ПРИБАЛТИКА: ПРЕДЫСТОРИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

P.H. Akieva

Doctor of Historical Sciences, Professor,
Institute of World Civilizations, Moscow,
Ingush Research Institute of Humanities named after Ch. Akhriev, Magas
E-mail: petim@yandex.ru

RUSSIA AND THE BALTIC STATES: THE PREHISTORY OF RELATIONS

Аннотация. В статье рассматривается историческая эволюция взаимоотношений между Россией и странами Прибалтики. Автором предпринята попытка выявить причины включения в состав империи, а затем и советского государства прибалтийских земель, а также показать характер этого процесса в разные исторические периоды. События 1772, 1793 и 1795 годов иллюстрируют экспансионистскую политику России, Пруссии и Австрии в отношении Речи Посполитой. В статье обосновывается тезис о заинтересованности России не только в стратегическом положении территорий польско-литовского государства, но и этнокультурными особенностями населения Белой Руси. Обретение государственности литовцами, эстонцами и латышами произошло благодаря революционным преобразованиям в России 1917 года, Первой мировой и гражданской войн. В 1930-х годах геополитические процессы мировых держав вновь привели к тому, что прибалтийские страны, как и Польша, стали заложниками их амбиций. Каждое из государств в переговорах с Германией соглашалось пожертвовать прибалтийским блоком, Чехословакией и Польшей. В итоге летом 1940 г. советские войска вводятся в Литву, Латвию и Эстонию, к власти приходят «народные» правительства, принимающие решение о вступлении в состав Советского Союза. Причинами предпринятых Советским Союзом действий автор считает особенности внутриполитического режима Сталина, диктовавшего необходимость упреждающего удара в расчете на истощение держав в противоборстве друг с другом, после которого виделась возможной реализация идеи мировой революции, а также — единственного способа избежать интервенции Германии и подъема антибольшевистских выступлений внутри страны.

Ключевые слова: империя, экспансионистская политика, колониальные державы, геополитические интересы, Советская Россия, мировая революция, пакт, Литва, Эстония, Латвия, современность.

Abstract. The article research the historical evolution of relations between Russia and the Baltic countries. The author made an attempt to identify the reasons for the inclusion of the Baltic lands into the Russian empire, and then the Soviet state, and also to show the nature of this process in different historical periods. The events of 1772, 1793 and 1795 illustrate the expansionist policies of Russia, Prussia and Austria towards the Polish — Lithuanian Commonwealth. The article substantiates the thesis of Russia's interest not only in the strategic position of the territories of the Polish-Lithuanian state, but also in the historical and cultural peculiarities of the population of Belaya Rus. The acquisition of statehood by Lithuanians, Estonians and Latvians took place thanks to the revolutionary transformations in Russia in 1917, the First World War and the Civil War. In the 1930s, the geopolitical processes of the world powers again led to the fact that the Baltic countries, like Poland, became hostages of ambitions. Each of the states in negotiations with Germany agreed to sacrifice the Baltic bloc, Czechoslovakia and Poland. As a result, in the summer of 1940, Soviet troops were deployed to Lithuania, Latvia and Estonia, and “people's” governments came to power and decided to join the Soviet Union. The author considers the reasons for the actions taken by the Soviets

to be the peculiarities of the Stalin regime, which dictated the need for a preemptive strike, counting on the exhaustion of the powers in confrontation with each other, after which it seemed possible to implement the idea of a world revolution, as well as the only way to avoid foreign intervention by Germany and the rise of anti-Bolshevik uprisings inside the country.

Key words: empire, expansionist policy, colonial powers, geopolitical interests, Soviet Russia, world revolution, pact, Lithuania, Estonia, Latvia, modernity.

Сегодня проблема взаимоотношений России с бывшими прибалтийскими советскими республиками с каждым днем приобретает бóльшую актуальность. Политическая ориентация стран Балтии на европейскую интеграцию под лозунгом “Return to the West” (Возвращение на Запад), вхождение Эстонии, Латвии и Литвы в НАТО, а затем и в ЕС вывела эти государства на международный уровень. Положив в основу своего государственностроительства тезис о возрождении своего суверенитета, утраченного в 1940 году из-за секретного соглашения о разграничении сфер влияния согласно договору между Германией и СССР о ненападении 23 августа 1939 г., внешнеполитическую деятельность государств Балтийского региона отличают элементы неприязни к России как правопреемнице СССР. По сути, они требуют «покаяния» от России за Пакт, приведший к «советской оккупации», требуют выплаты компенсации за нанесенный материальный ущерб [20, с. 53].

Учитывая сказанное, 300-летие включения Прибалтики в Россию в странах Балтийского региона отмечать вряд ли будут.

Напомним, что это событие состоялось между Русским государством и Шведским королевством согласно Ништадтскому договору, ставшему результатом окончания Северной войны (1700–1721 гг.). Противостояние Шведскому королевству, начатое еще в конце XV века Иваном III (русско-шведская война 1495–1497 гг.), закончилось два века спустя победой русского оружия.

Это событие превратило Россию в имперскую державу и выдвинуло ее в число ведущих политических стран на мировой арене. Согласно Ништадтскому договору Швеции возвращалась практически вся Финляндия, за Россией закреплялась Прибалтика и Карельский перешеек. «Его королевское высочество уступает сим за себя и своих потомков и наследни-

ков <...> в совершенное непрекословное вечное владение и собственность <...> завоеванные провинции «Лифляндию, Эстляндию, Ингерманландию и часть Карелии с дистриктом Выборгского лена <...> и всеми прочими к упомянутым провинциям надлежащими городами, крепостями, гаванями, местами, дистриктами, берегами с островами Эзель, Дарго и Меном» и острова по линии Ревель-Выборг [18, с. 420–421]. В пункте 5 этого договора дается ссылка на артикул сепаратный, по которому «по размене ратификаций» Россией выплачивается денежная компенсация за Лифляндию (сегодня это бóльшая часть территории Латвии и часть Эстонии) в размере 2 млн ефимков (талеров) (или 56 тонн серебра). Таким образом, приобретение прибалтийских земель, как военных завоеваний, подкреплялось финансовой частью договора, что сегодня, в рамках международного права, можно рассматривать как законное приобретение.

Отметим и тот факт, что население прибалтийских земель в рамках Российской империи и после, в советское время, имело политически и экономически привилегированное положение в сравнении с другими народами, включенными в орбиту российского влияния. Так, согласно Ништадтскому договору, за прибалтийскими помещиками сохранялись их владения, права и привилегии, оставалось самоуправление городов и провинций, признавалось влияние протестантской церкви и свобода вероисповедания, устанавливалась свободная торговля между купцами, в том числе и шведскими, и т.д.

Что касается территории современной Литвы, то эти земли окончательно вошли в состав Российской империи в результате третьего и последнего раздела польско-литовского государства Речи Посполитой. События 1772, 1793 и 1795 годов иллюстрируют экспансионистскую политику России, Пруссии и Австрии в отношении

польско-литовского государства. Собственно ее продолжение видится и в противостоянии западного и советского военно-политических блоков.

Надо сказать, что такая политика была характерна для ведущих абсолютистских государств периода XVII–XVIII веков, когда закладывались основы мировой колониальной системы. Россия в этом плане, как и Пруссия, сыграла решающую роль в развале польско-литовского федеративного по своему устройству государства. В ходе Ливонской войны (1558–1583 гг.), объединившись в унию (Люблинская уния 1569 г.) с Польским королевством, Великое княжество Литовское под управлением единого монарха и сейма, хоть и сохранило свою титулатуру монарха, армию, казну, систему управления и даже право, но все же лишь номинально.

Как в XVI веке политическая эволюция мира заставила Великое княжество Литовское делать выбор между Москвией и Польшей, так и в XVII веке уже Речь Посполитая (Польша и другие пограничные лимитрофы), находящаяся на стыке двух систем, Западной Европы и России, раздираемая внутренними противоречиями (чему, в частности, способствовало право свободного вето (*liberum veto*), восстание Б. Хмельницкого, война со Швецией (1655–1660 гг.) и Турцией, участие в Северной войне), стала разменной монетой интересов ведущих держав.

Отметим, что интересы России определялись не только стратегическим положением Речи Посполитой, но и ее историко-культурными и конфессиональными особенностями. Ведь Великое княжество Литовское, Русское и Жамойское (далее — ВКЛ), как оно называлось, включало в себя земли Белой Руси (это территории современных государств Литвы, Белоруссии и Украины и ряд собственно русских земель), православное население которой долгое время сохраняло свои особенности, внутреннюю структуру и язык.

Процесс социокультурного взаимодействия в княжестве был сложен. Огромное, по европейским стандартам, государство было этнически неоднородным (здесь проживали литовцы, украинцы, белорусы, русские, евреи, пруссы и т.д.) и поликон-

фессиональным. Позже, в своем письме во время поездки по белорусским землям, Екатерина II напишет: «Здесь население самое разнородное, сплошь да рядом обитают православные, католики, униаты, евреи, русские, чухонцы, немцы, курляндцы, словом, не увидишь двух крестьян одинаково одетых и говорящих правильно на одном наречии; смешение племен и наречий напоминает Вавилонское столпотворение» [2, с. 323].

Балтские князья, как в свое время Рюриковичи, исполняли роль правящей элиты над местным православным населением. Не имея собственной государственности и письменности, балтские племена перенимали культурные достижения местного населения (подтверждением тому можно назвать употребление великокняжеской канцелярией смеси старобелорусского и польского языков, а также язык Статута ВКЛ).

Ввиду своей малочисленности западно-русская знать не смогла противостоять литовским князьям, которые этнически четко отделяли себя от местного населения. А принятие литовскими князьями католичества в конце XIV века (Кревская уния 1385 г.) окончательно закрепило политический вектор государства. Сползание прибалтийских земель в сторону Запада, сравнимое разве что с политикой современных прибалтийских государств, не могло не волновать Москву. И, несмотря на то, что в Статуте ВКЛ 1588 г. прописывается равенство «всех жителей» вне зависимости от национальности (раздел 1), а также давалась гарантия «мир между разными религиями оберегать» (раздел 3) [17], с конца XIV века начинаются различного рода притеснения православных. Собственно вопрос защиты православных стал официальным обоснованием для прямых действий России против Речи Посполитой.

В результате разделов Речи Посполитой Пруссия и Австрия приобретали польские земли (Пруссия — западную и центральную Польшу, западную часть Литвы; Австрия — южную Польшу), а России отходили в основном белорусские и литовские земли (восточная, центральная и западная Белоруссия, Южная Латвия, Волынь, большая часть Литвы и Курляндия) [12].

Если на новых прусских землях создавались прусские территориальные единицы — провинции (Западная, Южная, Новая Восточная Пруссии), то российские были преобразованы в губернии, которые сохранили этнические и топонимические названия: Курляндская (западная часть современной Латвии) — наименование от этнонима балтов-куршей, одного из предков нынешних латышей; Виленская и Гродненская — от центральных городов Вильна (ныне Вильнюс) и Гродно.

Если Пруссия вводила прусское земское право, прусское образование и официальным языком был признан немецкий, то Россия сохранила выборность судей, маршалков, действие местного законодательного корпуса — литовского Статута, провозглашалась веротерпимость. При этом местное дворянство, духовенство и буржуазия, происходившие в основном из немцев, активно использовались на государственной службе и впоследствии стали влиятельным национальным меньшинством в империи.

«Присоединение Прибалтики (Эстляндии и Лифляндии) в 1710 году (юридически оформлено в 1721 году), а также близкой к ним Курляндии (после разделов Польши) базировалось на двух основных принципах российской колониальной политики — сохранении статус-кво и кооперации с местной элитой», — пишет И.В. Бахлов [1, с. 37]. Автономия в рамках губерний [6, с. 153, 154, 199] просуществовала до царствования Александра III, когда начались административные и судебные реформы, когда русский язык стал обязательным в образовании, управлении и судопроизводстве. Но даже в условиях проводившейся в это время русификации сохранялась широкая культурная и этноконфессиональная самостоятельность, а также значительная самоорганизация местного населения [6, с. 38]. Реформы, по сути, были направлены против немецко-балтийского дворянства, при этом самодержавие активно содействовало эмансипации эстонцев и латышей.

Пребывание в составе Российской империи было, пожалуй, более экономически благоприятным периодом в жизни прибалтийского населения. Достаточно

привести несколько фактов, иллюстрирующих вклад страны: крепостное право в Эстляндской и Лифляндской губерниях было отменено в 1819 году, к концу 1840-х подавляющая часть промышленности работала на паровых машинах, развивалось строительство железных дорог, проводилась переустройство и развитие портов [4, с. 131], в конце XIX века в Латвии производилось 5,5% промышленной продукции, выпускавшейся в империи (в химической промышленности — 17,7%, деревообрабатывающей — 12,8%, металлообрабатывающей — 9,9%) [21]. В целом по уровню культурного развития и промышленного производства третье место в империи занимали Рига и Киев (после Санкт-Петербурга и Москвы). В конфессиональном вопросе обращение в православие с освобождением от податей в пользу лютеранского духовенства началось в Лифляндской губернии в начале 40-х годов XIX века и чуть позже, в начале 80-х — в Эстляндской. Однако к началу нового столетия здесь насчитывалось около 2 млн лютеран, около четверти тысяч католиков и больше полумиллиона православных [15, с.157].

Конечно, значение указанных событий как велико, так и неоднозначно. Колониальная политика России, с одной стороны, приводила к увеличению территорий, усиливала ее международный потенциал, но, с другой, закладывала основу будущих внутривнутриполитических конфликтов многонационального Российского государства. Особо обострившиеся во время распада СССР, они, к сожалению, находят выражение в политической жизни современных государств.

Если возвратиться к основному вопросу — обретению государственности литовцами, эстонцами и латышами, то это случилось благодаря революционным преобразованиям в России 1917 года, Первой мировой и гражданской войнам. Договоры 1920 года юридически закрепляли создание независимых государств Латвии, Литвы и Эстонии. Самостоятельность окунула эти государства во внутривнутриполитическую нестабильность, привела к радикализации и установлению авторитарных режимов, а также к необходимости выбора союзников из числа мировых держав: для Латвии

и Эстонии в 1920 г. таковыми стали Великобритания и США, а с 1930-х они вместе с Литвой стали придерживаться прогерманской ориентации. Осложнил ситуацию и мировой экономический кризис 1929–1933 гг., сильно подорвавший аграрно-индустриальное хозяйство стран Балтии.

В итоге в 1930-х годах геополитические процессы привели к тому, что прибалтийские страны, как и Польша, снова стали заложниками имперских амбиций, разменной монетой в игре мировых держав. Можно сказать, что нацистский режим позволял прибалтийским народам не больше, а даже меньше, чем это делал советский. Достаточно вспомнить гитлеровский план создания на базе трех республик административного образования Остланд с центром в Риге и официальным немецким языком.

«Германия и СССР рассматривали себя проводниками собственных интересов в Европе, и их сближение должно было закончиться вместе с окончанием «“Раппальского десятилетия”» (апрель 1922 г.), — пишут Ю. Кантор и М. Волос [8, с. 82]. Позиция дистанцирования от СССР Великобритании и Франции, даже перед лицом возможной войны с Германией, привела в итоге к подписанию пакта Молотова-Риббентропа (23 августа 1939 г.), который сопровождался отказом от взаимных идеологических претензий и давал временную отсрочку Германии и СССР. В секретном протоколе пакта Литва становилась зоной влияния Германии, а Латвия, Эстония и Финляндия — СССР.

Собственно каждое из государств коалиции, как и СССР, ведя трехсторонние переговоры, прорабатывало второй вариант — сепаратное соглашение с Германией. И каждая из сторон в этих переговорах соглашалась пожертвовать прибалтийским блоком с их политикой нейтралитета, Чехословакией и Польшей. Ведь и Чемберлен, и Даладье думали, что в результате Мюнхенской договоренности им удалось «откупиться» от войны странами Восточной Европы, а также направить экспансию Гитлера на Восток.

Надо сказать, что пакт не был непродуманным дипломатическим актом. Потребность нового передела сфер влияния

объединяла Германию, жаждущую реванша после версальского унижения, и СССР, который стремился реализовать идею мировой революции. А.Г. Донгаров отмечает, что стратегически важным для сталинского режима было не создание системы коллективной безопасности в Европе в 1935–1939 гг., а экспорт революции методами «принуждения к социализму» [3, с. 325]. Именно поэтому основным условием участия в трехстороннем соглашении СССР выдвигал требование о праве ввода своих войск на территорию восточноевропейских стран при любой, прямой или косвенной, угрозе германской агрессии. Недаром СССР в том же 1939 г. не раз заявлял о готовности выполнить свои обязательства перед Чехословакией по пакту о взаимной помощи, даже если Франция не выполнит свой договор [11, с. 103], но Польша и Румыния, как мы знаем, отказалась пропустить советские войска через свою территорию. Собственно аналогичное (введение советских войск) произошло и после подписания Пакта с Германией, когда в Эстонию и Латвию вошли 25- и 21-тысячные советские гарнизоны.

Почему же ультиматумы, от которых ведут отсчет потери независимости современные прибалтийские страны, были выдвинуты советским правительством только в июне 1940 г.? Напомним, что в общем виде было два главных требования — сформировать «советское» правительство и пропустить советские войска на свою территорию (без указания их количества) [19, с. 95]. Ведь то же самое СССР мог потребовать сделать сразу. Ответ видится в том, что уже к середине июня 1940 г. стало понятно, что вопрос с Францией решен и теперь у Германии развязаны руки для восточного направления. Этим, например, выражает обеспокоенность 17 июня 1940 года нарком обороны маршал С.К. Тимошенко, предлагая «немедленно занять нашими пограничными войсками границу с Восточной Пруссией и побережье Балтийского моря», быстрее решить вопрос с «правительством», провести расформирование их армий, населения, полиции, наконец, «решительно» приступить к их советизации [10, с. 167–168]. В результате в июне 1940 г., помимо ввода дополнительного контингента советских

войск, в Литве, Латвии и Эстонии к власти приходят «народные» правительства про-советской ориентации, в июле заседания сеймов Литвы и Латвии и Государственной Думы Эстонии в новом составе принимают Декларации о вступлении в состав Советского Союза. Надо сказать, что оценка действий советского правительства в то время не была столь категоричной, как сейчас, например Великобритания их поддержала, рассматривая как оборонительные против Германии, а США выразили лишь мягкое недовольство [9, с. 46].

Насаждение социалистических порядков Советами было в русле распространения генерирующей идеи — мировой революции. Расчет был на истощение империалистических держав, а главное — их населения, в противоборстве друг с другом, и тогда «мы (СССР. — П.А.) выступим бросить решающую гирю на чашу весов, гирю, которая могла бы перевесить» [16, с. 14] и вызвать социальную революцию. В дневниках Г. Димитров приводит слова Сталина, сказанные в беседе с ним: «Мы не прочь, чтобы они подрались хорошенько и ослабили друг друга. Не плохо, если руками Германии было распатано положение богатейших капиталистических стран (в особенности Англии). Гитлер, сам этого не понимая и не желая, расшатывает, подрывает капиталистическую систему... Мы можем маневрировать, подталкивать одну сторону против другой, чтобы лучше разодрались». А оправдывая predetermined «дополнительным протоколом» раздел Польши, Сталин говорит: «Что плохо было бы, если бы в результате разгрома Польши мы распространили социалистическую систему на новые территории и население?» [7, с. 779–781].

Второй важный момент состоит в том, что особенности внутривластного режима Сталина диктовали необходимость упреждающего удара как единственно возможного способа избежать интервенции Германии, возможности подъема антибольшевистских выступлений внутри страны, а также последствий развала Красной Армии. Недаром квинтэссенцией советской военной доктрины был лозунг «бить врага на его собственной территории», так как отступающая армия представляла бы

самостоятельную угрозу для существования советского режима [3, с. 342].

С позиций сегодняшнего дня балтийские ученые и политики однозначны в своих оценках, квалифицируя события 1940 года как «агрессию, военную оккупацию и аннексию» [5, с. 19]. Аргумент нелегитимности создания прокоммунистических органов власти, на основании обращения которых были созданы прибалтийские советские республики, смысляется фактом антидемократической сущности самого сталинского режима. В годы перестройки вопрос о секретном протоколе Пакта Молотова-Риббентропа стал объектом острейшей политической борьбы, вылившейся в движение за выход из состава СССР прибалтийских республик.

24 декабря 1989 года Съезд народных депутатов СССР, несмотря на жесткую полемику, дал оценку секретному дополнительному протоколу и другим договоренностям с Германией, осудив и назвав их «актом личной власти», признав «юридически несостоятельными и недействительными с момента их подписания» [13]. 6 сентября 1991 года Постановлением Госсовета СССР была признана независимость прибалтийских республик. В сентябре 2019 года Европарламент принимает резолюцию «О важности европейской памяти для будущего Европы», в которой, со ссылкой на это Постановление, на Германию и СССР возлагается равная ответственность за развязывание Второй мировой войны. В ответной статье Владимир Путин дал свою оценку событиям 1939 года, объясняя их подписание «стратегическими военными оборонительными целями», а включение Литвы, Латвии и Эстонии в СССР — соответствием «международному праву того времени» [14].

Сегодня, к сожалению, международная обстановка и геополитические интересы продолжают определять характер и содержание такого рода споров. Перспектива улучшения отношений России со странами Прибалтики видится совсем неопределенной.

Список литературы

1. Бахлов И.В. Прибалтика и Финляндия в территориальной системе Российской империи:

- специфика статуса и этнополитической ситуации // Финно-угорский мир. — 2009. — № 1.
2. Брикнер А.Г. История Екатерины II. — М., 2004.
 3. Донгаров А.Г. Пакт Молотова — Риббентропа: запланированный экспромт // Труды по руссиеведению. — 2016. — № 6.
 4. Воробьева Л.М. Прибалтика на разломах международного соперничества. От нашествия крестоносцев до Тартуского мира 1920 г. — М., 2013.
 5. Восстановление независимости Эстонской республики. Подборка правовых актов. 1988–1991. — Таллинн, 1991.
 6. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. — М., 1983.
 7. Из дневника Г. Димитрова об указаниях И.В. Сталина по вопросу о характере начавшейся мировой войны и задачах Коммунистических партий // Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943. Документы. — М., 2004. — Док. № 495.
 8. Кантор Ю., Волос М. Треугольник Москва-Варшава-Берлин: Очерки истории польско-германских отношений в 1918–1939 гг. — СПб., 2011.
 9. Мальков В.Л. Прибалтика глазами американских дипломатов. 1939–1940 гг. (Из архивов США) // Новая и новейшая история. — 1990. — № 5. — С. 46.
 10. Мировые войны XX века. Кн. 3. Вторая мировая война: исторический очерк. — М., 2002.
 11. Новые документы из истории Мюнхена // Документы внешней политики СССР. — М., 1977.
 12. О присоединении на вечные времена к Российской империи Княжеств Курляндского и Семигальского, также округа Пильтенского и о приглашении уполномоченных в Сенат для учинения присяги на верность подданства: Манифест Екатерины II от 15 апр. 1795 г. // URL.: www.elibrary.tambovlib.ru/?ebook=4432 (Дата обращения 23.08.2021)
 13. Постановление Съезда народных депутатов СССР от 24 декабря 1989 года № 979-1 «О политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года» // Известия. — 27 декабря 1989. — № 9.
 14. Путин В.В. 75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим // URL: tass.ru/Политика/8765179 (Дата обращения 25.08.2021).
 15. Розенберг Л.И. Российский фактор в прибалтийском крае (XIX — начало XX вв.) // Россия и современный мир. — 2007. — № 1 (54).
 16. Сталин И.В. Сочинения. — М., 1947. — Т. 7.
 17. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588: Тэксты. Даведнік. Каментарыі. — Мінск: БелСЭ, 1989.
 18. Трактат, заключенный на конгрессе в Ништадте 30 августа 1721 года // ПСЗРИ. — 1-е изд. — СПб., 1830. — Т. VI. — № 3819.
 19. Худoley К.К. Советизация балтийских государств летом 1940 года и ее последствия // Вестник Санкт-Петербургского университета. — 2013. — Вып. 1. — Сер. 6.
 20. Шашков В.И. Россия и Прибалтика: история и современность // Интерэкспо Гео-Сибирь. — 2015. — Т. 6. — № 1.
 21. Bērziņš Valdis. 20. gadsimta Latvijas vēsture. — 2003. Lpp. 237.

М.Р. Деметрадзедоктор политических наук, профессор,
Институт мировых цивилизаций, Москва**С.П. Шорохова,**кандидат философских наук, доцент,
Институт мировых цивилизаций, Москва
E-mail: orator3@yandex.ru**ИСТОКИ СОВРЕМЕННОЙ ГЕОПОЛИТИКИ:
ХРИСТИАНСКИЕ КОРНИ И СРЕДНЕВЕКОВАЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ****M.R. Demetradze**Doctor in Political Science, professor,
Institute of World Civilizations, Moscow
E-mail: demetradze1959@mail.ru
ORCID 0000-0002-7676-8054**S.P. Shorokhova**PhD in Philosophy Science, associate Professor,
Institute of World Civilizations, Moscow
E-mail: orator3@yandex.ru**THE ORIGINS OF MODERN GEOPOLITICS:
CHRISTIAN ROOTS AND MEDIEVAL CONTINUITY**

Аннотация. Работа посвящена теме выявления истоков современной геополитики, корни которой уходят в высокое и позднее средневековье. Перенесение исследовательского поля в столь отдаленное время имеет неслучайный характер, так как истоки выделенного феномена оказались связанными с возникновением христианства, выполняющего интегративную функцию разрозненных общностей Запада. Перед ними стояли задачи сохранения греко-римской культуры, создания новых государств, письменности, нового социокультурного пространства. Разумеется, в такой ситуации нужны были соответствующие силы, и таковыми выступила церковь и монашеские движения, внедрявшие новые христианские ценности как базисные элементы для всех субъектов региона. Выявляются также истоки современных форм экономики, торговли, банковской системы, среднего класса, которые формировались именно на данном этапе истории человечества. Показаны и негативные стороны, такие как отклонение европейского курса от социокультурного вектора, вызванное политизацией христианства, его использованием в государственноцентрических целях, что позднее привело к бремени белого человека и европоцентризму. Предлагается новая идея создания глобальной экономической теории, исключающей негативные стороны нынешних процессов. В качестве методологии применяются сравнительный, классификационный и структурно-функциональные методы. Работа представляет интерес для политологов, теологов, историков, культурологов, экономистов.

Ключевые слова: христианство, геоэкономика, миссионеры, идентификация, греко-римская культура, Святой Престол, рынок, банковское дело, средневековье, экономическая теория.

Abstract. The work is devoted to the topic of identifying the origins of modern geopolitics, whose roots go back to the High and late Middle Ages. The transfer of the research field to such a distant time is not accidental, since the origins of the isolated phenomenon turned out to be associated with the emergence of Christianity, which performs the integrative function of disparate communities of the West. They were faced with the tasks of preserving the Greco-Roman culture, creating new states, writing, and a new socio-cultural space. Of course, in such a situation, appropriate forces were needed, and such were the church and monastic movements that introduced new Christian values as basic elements for all subjects of the region. The origins of modern forms of economy, trade, banking system, middle class, which were formed at this stage of human history, are also revealed. The negative sides are also shown, such as the deviation of the European course from the

socio-cultural vector caused by the politicization of Christianity, its use for state-centric purposes, which later led to the burden of the white man and Eurocentrism. A new idea of creating a global economic theory that excludes the negative aspects of current processes is proposed. Comparative, classification and structural-functional methods are used as a methodology. The work is of interest to political scientists, theologians, historians, cultural scientists, economists.

Key words: Christianity, geoeconomics, missionaries, identification, Greco-Roman culture, Sancta Sedes, market, banking, medieval era, economic theory.

Динамика современных глобализационных процессов становятся все более сложной и непредсказуемой, так как включение новых стран в мировое информационно-коммуникативное пространство вызвало проблемы во взаимодействиях между государствами. Эти процессы особо актуальны и болезненны для обществ постсоветского пространства, находящихся на этапе трансформации и сталкивающихся с вызовами модернизации, в результате чего почти все социумы переживают своего рода культурный шок. В связи с этим раскрытие неординарности современных глобализационных процессов является важнейшей задачей. Речь идет о специфике глобальной среды, в которой процессы политико-экономической дифференциации вытесняют прежние способы межгосударственных взаимодействий, а новые образцы установления контактов не представляются допустимыми, так как ущербны для развитых государств мира сего. Поэтому на первый план выходят проблемы формирования особых правил глобализации, компетентности игроков международных организаций (в том числе и финансовых), основанные на принципах взаимной поддержки и социального партнерства, в условиях множественности культур и идентичностей [1]. Раскрытие секретов и парадигм современной системы глобализации необходимо для решения следующей важной задачи: обезопасить слаборазвитые страны и защитить их интересы в условиях современности.

Современная глобализация

Глобализация представляет собой сложную иерархическую систему, имеющую как латентные (скрытые), так и открытые проявления, которые можно назвать параболami нашего времени. Она включает такие тенденции, как геополитика, геоэкономика, модернизация, рынок, конкуренция и т.д., диктующие всему миру свои законы, правила и закономерности. Сложность при этом заключается не только в подчинении всех государств единым экономическим правилам, но и в том, что все эти правила игры преподносятся развитыми странами как ниверсальные законы демократии, обязательные для всех. И в чем же тут секрет двойных стандартов, обусловленности воспроизводства лидирующих позиций держав, их доминирования над слаборазвитыми, длящегося уже не одно столетие? Вероятно, в том, что истоки модернизации, научной революции, институты демократии, соответствующие теоретические разработки идут прежде всего с Запада. Но в этом случае универсальность сути самой демократии теряет привлекательность и принимает формальный характер. Чтобы разобраться во всем этом, следует затронуть структуру глобализации и ее неотъемлемые составляющие, такие как геополитика, геоэкономика и модернизация.

Общеизвестно, что геополитика предполагает рассмотрение государств в контексте географического положения и наличия природных ресурсов, которые определяют его геостратегическое и политическое положение и статус. Многовековые войны между странами велись за доступ к выгодным географическим объектам (в том числе выход к морям, океанам) с целью расширения торговых путей и сообщений, а также с целью постановки иных социумов в зависимое положение. Возникшие в результате этого центры силы имели не только экономические рычаги давления, но и военную мощь, позволявшие им диктовать единые правила связи подчиненным себе субъектам [2]. Так издревле закладывались своеобразные формы унифицированной системы навязывания единых правил политического и экономи-

ческого взаимодействия, сначала в городах-государствах, ранних государствах, а затем и в империях, включавших разные культуры и общности и создавших первые модели региональной интеграции. И стоило государству-лидеру ослабить какую-либо составляющую структурного звена, как другие с новой силой перехватывали лидерство, усиливая принципы иерархического правления, т.е. господства-подчинения. На такой содержательной основе сформировались Восточная и Западная Римская империи, затем Священная Римская, Британская, Российская и т.д. В то же время важно определить, когда именно в истории человечества закладываются истоки современной глобализации с признаками экономической геополитики. Каким бы парадоксальным это ни казалось, первоисточник следует искать в сформировавшемся в 756 году Папском государстве в районе средней Италии, с центром в Риме. Речь идет о периоде дарения земель Средней Италии (в то время принадлежавшей Византии) королем франков Пипином Коротким римскому Папе Стефану II, получившему независимость в результате подложного документа («константинов дар») [3]. В дальнейшем Папа Григорий I (590–604), сосредоточив функции государственного руководителя, актуализировал политизацию христианской религии как высшей идеолого-ценностной основы государства, подчинив Святому Престолу институты королевской власти. В 962 году коронация императора короля Оттона I другим Папой — Иоанном — заложило основу Священной Римской империи, просуществовавшей до 1806 года, что говорит об усилении политико-правового статуса папского государства. Однако происходящие процессы имели не случайное, а фундаментальное значение, а потому требуют особого внимания.

География распространения христианства в средневековой Европе

Распад Римской империи привел к бесконтрольности процессов, происходящих на всей ее территории, а правопреемник — Византия — не смог обеспечить скоординированного управления всем простран-

ством. Начался хаос и неопределенность в социумах, которые еще не сформировались как нации, способные создать свою государственность. Отсутствие образовательной системы и единой идеи, малочисленность культурных кадров, преобладание низких форм социальной жизни среди населения и их массовый характер создавали угрозы греко-римской цивилизации как основе Запада и Европы в целом. И такую миссионерскую функцию взяла на себя христианская церковь, выполнившая роль связующего звена между античной римской культурой и формировавшимся западным обществом. Задача была архисложной, так как требовалась новая теория просвещения, соответствующие управленческие кадры и, что самое главное, трансформация традиционных (варварских) народов Запада в современные (на тот период времени), т.е. социализация. Правда, этой миссии способствовали и такие составляющие римской культуры, как римское право, язык и политеистическая религия (до христианства), общие для социумов, принявших романизацию, положивших начало формированию романских народов: иберо-романские — испанцы, португальцы, каталонцы, арагонцы; дако-римляне — румыны, молдаване; итало-римляне — сицилийцы, корсиканцы, сардинцы и т.д. Что касается географии христианства, то первыми в Европе в IV–V веках его приняли *готы, вандалы, свевы, бургунды, лангобарды*, но в форме арианства [4].

Однако не все племена разделяли романизацию, а потому распад империи создавал угрозу исчезновения не только римской культуры, но и многих племен и народов в эпоху раннего средневековья. Захват территории и переселение племен с севера на юг в северо-западной части континентальной Европы, разбой и грабежи северо-германских народов, нападение предков современных шотландцев, ирландцев, норвежцев, бельгийцев через морские пути на города древнего Рима, уничтожение памятников культуры античности варварами стали общераспространенной практикой на руинах империи. Готы, проживая за Дунаем и разделившись на вестготов и ост-готов, также совершали частые

набеги на Рим, в том числе уводя в плен христиан. Не отставали в процессах декомпозиции Римской империи и тюркские народы, основавшие на Западе дунайскую Болгарию на Балканах и Волжскую Булгарию, а также бургунды, переселившиеся в начале V века в Южную Галлию, и франки, занявшие Северную Галлию. Последнее в конце V века, под предводительством короля Хлодвиг, создали здесь свое государство.

Вышеизложенное показывает сложность и неуправляемость ситуации, а также движение отсталых племен к новой ступени развития. И происходило это далеко не из-за готовности этих диких племен к переменам, а усилиями представителей раннего христианства и раннего средневековья, в том числе и потомками плененных христиан. Они, кроме распространения христианских ценностей, создавали письменность разных племен на основе латыни и переводили Священное Писание на языки местных народов. Например, готский епископ Улфила во второй половине IV века, проповедник Патрик, принесший христианство в Ирландию, и многие другие внесли огромный вклад в спасение римской цивилизации, но уже *христианизированной*. Аналогичные процессы происходили в Испании, где вест-готы внедрили христианство, основав в 415 году свое государство; вандалы и свевы, поселившиеся в Испании в регионе нынешней Португалии в 492 г.; на Британских островах, а также в Ирландии, где выпускники и служители монастырей вели миссионерскую деятельность. Для сведения отметим, что в дальнейшем, когда из Великобритании окончательно были устранены римляне, здесь сложились два вида церкви: древнебританская и новоанглийская.

Особый характер приняли процессы христианизации в Германии, куда христианство проникло в III–IV веках по Рейну и Дунаю, в городах, образовавшихся из римских военных поселков. Однако из-за нестабильности ситуации оно имело непрочный характер. И только позже, в VI–VII веках, миссионерскими действиями монахов-франков, а в особенности британских и англо-саксонских, процесс возрождения был достигнут. Монах Бонифаций

в Тюрингии основал первый монастырь, возводя церкви в труднодоступных местах. Такая государствообразующая функция представителей христианской церкви привела к усилению ее политической функции. Отныне епископы выполняли структурообразующую функцию. Шел процесс и объединения деятельности церквей Запада [5]. Это первая институциональная региональная структура на Западе, в которой новые социальные группы — церковные деятели — закладывали основы новых государств.

Преимственность римской цивилизации в контексте установок христианства происходила и в IX веке в восточной половине континента, среди славянских племен, под влиянием Константинополя (в форме восточного православия, но позже некоторые из этих обществ отошли к католицизму). Просветительскую миссию здесь также выполняли апологеты христианской веры — братья Кирилл и Мефодий, создавшие славянскую азбуку в 855 году и переведшие на нее основные христианские тексты [6].

Обобщая вышеизложенное, следует отметить, что в конце V века на обломках бывшей Римской империи — в ее западной части — наступает переломный момент — складываются несколько варварских королевств — Вандальское, Вестготское, Бургундское, Франкское и т.д. К VIII веку многие новые государства исчезли, а некоторые превратились в мощные христианские империи. И все же говорить о том, что эти государства управлялись священниками, недопустимо, так как политические институты должны быть управляемы государственными лидерами в лице королей [7].

Однако закладывание и формирование новых европейских государств было обусловлено не только необходимостью преимущественности римской культуры, но и необходимостью защиты этих территорий от мусульман-арабов, захвативших север Африки, и от аварцев, стремящихся к выходу к Эльбе и к Дунаю. И это происходило уже в центре самой Европы. Арабы заняли Сицилию, Палермо, Неаполь (в 652, 831, 837 гг.), угрожали Риму, а затем вторглись в Испанию, позднее были раз-

биты франками (732 г.). Такая обстановка требовала не только создания государства, но и объединения светской и христианской властей на Западе. Ведь христианская вера не допускает ни войны, ни участия в ней. Следовательно, надлежало найти форму дихотомии религиозного и светского государства. И такой выход был найден в 756 году, когда Пипин отдал Папе отвоєванные у лангобардов земли, заложив основы Папского государства (Папская область) в районе средней Италии, трансформировав античный Рим в новый, христианизированный [8].

Это было не простое дарение этих земель Папе, а взаимовыгодный договор, так как Папа должен был благословить Пипина на правление франками, а сам король — признавать верховенство христианкой идеологии. Так в VIII веке формируется Франкское государство, в которое входили территории Бельгии, Нидерландов и Франции, давшей современное название Франции. Это была первая светская империя Запада, заимствующая политические институты римской государственности. Вот тут и следует искать истоки европейского Возрождения, связанного с Карлом Великим, внедрившим систему феодально-светского образования «семи свободных искусств», нормы и стандарты просвещения, широкого распространения античной и современной европейской культуры, повышения роли знания и т.д.

Позднее сложилась новая традиция «Благословенных меча и шляпы» (лат. *ensis benedictus, pileus benedictus*) — символов особого расположения Папского престола, вручавшиеся епископом Римским (Папой) европейским правителям или государственным деятелям «в знак признания их вклада в защиту христианского мира». Они передавались как выражение одобрения католической церковью грядущего или совершенного присоединения земель, население которых исповедовало ранее другие религии. Среди тех, чьи имена дошли до современности, было по меньшей мере двенадцать императоров Священной Римской империи, десять королей Франции, семь польских и шесть испанских монархов.

Вместе с тем следует выделить и другие особенности. Светская и религиоз-

ная власть стали не только переплетены, но и взаимообусловлены, в которой идеологическая роль христианства была доминирующей. И это вполне естественно, так как объединение разрозненных социумов и закладывание принципов государственности на христианской основе, проводимые миссионерами и священниками, имели фундаментальное значение, так как внедрялся принцип универсальных ценностей, которому должны были подчиняться все. Это означает, что долженствующе-повелительной функцией прежде всего обладал Святой Престол, а затем государственные институты, что привело к верховенству духовенства над монархами западных государств того периода [9]. Прямое продолжение римского правления было характерно для всех субъектов средневековья, в том числе и Папского государства. Исходя из этого, можно сказать, что феодально-светская христианизированная Европа подготовила фундаментальную опору для зарождения современной системы глобализации, геополитики, модернизации и даже геоэкономики, со временем превратившихся в неотъемлемые компоненты обществ Запада.

Условия закладывания современной геополитики и геоэкономики в средневековой Европе

Формирование в средней Италии Папского государства дало начало новой эре Европы. Впервые в истории человечества было создано теократическое государство, во главе которого стоял Папа, т.е. понтифик, избираемый на четыре года. Он выполнял функции государственного управления и вассала правителя франков (начиная с Папы Григория I).

Однако это было не только теократическое государство, но и крупный торгово-экономический центр, установивший контакты как с Европой, так и с другими регионами мира. Этому способствовали сильная идеолого-политическая позиция папства и специфические процессы, происходящие в то время в Италии [10].

Возникшие здесь в VII–VIII веках города-государства выполняли роль центров ремесла и торговли, дифференциации че-

ловеческой деятельности, распределения труда в различных областях социальной сферы, профессиональной деятельности индивидов, ремесленников, оказания услуг и т.д. И это был важнейший момент для постримской Европы, так как создавалась новая структура социокультурного пространства, где христианские ценности, политика и экономика должны были быть соединены. Особенность процессов заключается еще и в том, что если раньше центр определял сверху социально-экономические векторы всей империи, то сейчас новая экономика создавалась снизу, усилиями определенных групп, что придавало ей максимально практический характер, так как от доходов индивидов и их деятельности зависел и бюджет государства. Это наглядный пример закладывания геоэкономики, которая сформировалась не на основе конкретных теорий или концепций, как это происходит сегодня, а в результате практической деятельности заинтересованных индивидов и групп. Поэтому этот период на стыке раннего и высокого средневековья следует считать первым ее этапом. Обоснованность такого вывода подтверждает тот факт, что подобные процессы являются необходимым условием для предпринимательства, без которого рынок и средний класс не формируется. Вот почему мы считаем целесообразным выделение данных процессов как первоисточников современной рыночной экономики и геоэкономики.

Динамику экономического роста определяли ремесленники, создававшие цеха, цеховые объединения и корпорации, подворья иностранных купцов, мастера по золоту, парикмахеры, оружейники. Итальянские ярмарки способствовали товарообмену и экономическим связям внутри европейских и зарубежных стран. Прокладывающиеся торговые пути из Северной Африки становились каналом экспорта товаров. Такая тенденция экономического бума привела к коммунальным движениям, т.е. борьбе городов за независимость от феодалов.

Такой скачок итальянской экономики породил еще одну особенность в регионе — конкуренцию, возникшую в результате соперничества между Италией и другими

государствами Священной Римской империи, включавшей, кроме части Италии, немецкие земли, Бургундию, Чехию и прочие. Это было децентрализованное государство с феодально-иерархической структурой управления, где император избирался коллегией курфюрстов. И поскольку доходы государства определялись товарооборотом, конкуренция между субъектами империи стала неизбежным фактором, порой принимавшим конфликтный характер.

Однако привязывать зарождение геоэкономических факторов исключительно к экономическим некорректно, так как это было бы невозможно без развития среднего класса и свободы человека. И как ни парадоксально, истоки формирования среднего класса также складываются здесь в это время, в X веке — в качестве бюргерства, сочетавшего смысл и значение гражданина (в первые века после падения Рима близкое к этому значение имел статус патриция). Лидирующие позиции в этом смысле принадлежали городам Италии, и в первую очередь — Флоренции, считающейся специалистами первым капиталистическим городом-государством, где мануфактурное производство занимало ведущее место, и Венеции — одной из важнейших торговых точек того времени, имевшей колонии в Константинополе, Сирии, Пакистане, откуда купцы вывозили слоновую кость, драгоценности, шелк для Европы. В Ломбардии в X–XI вв. возникло банковское дело, а так же новый класс — банкиры-купцы, переводившие деньги из одной страны в другую. Всего сформировалось более 70 городов-государств республиканского типа, к власти в Венеции пришла купеческая олигархия с выборным правителем (олигархическая республика), сельские общины превращались в сельские коммуны, опустошались болота, прокладывались новые дороги и т.д. Аналогичные процессы происходили в Генуе и Пизе, превратившихся в центры средневекового ремесла и торговли. Все это говорит о том, что экономические сдвиги были тесно связаны с модернизационными процессами, поэтому их следует рассматривать как взаимосвязанные факторы. Вполне естественно, такое положение Италии вызывало зависть у других субъектов Европы, порой

принимающую конфликтный характер. Поэтому в 1122 г. был заключен Вормский конкордат, определяющий правила внешних и внутренних рынков стран региона между империей и папством [11].

Трансформация античного Рима в новый Рим

Трансформация античного Рима в новый Рим была бы невозможна без деятельности Папского государства. Однако сочетание христианства с законами рынка, геополитики и модернизации было задачей не из простых. Тем не менее история доказала, что папство справилось с этими проблемами, но не на основе изначальной формы христианства, так как создание «царствия небесного» на земле оказалась недостижимым. И это вполне естественно, так как государство без экономических институтов и светской культуры не функционирует. Святой Престол участвовал во всех процессах в Италии, о чем говорилось выше, был главным ее стержнем и богатым государством, сформировав свою гвардию и государственные институты, требующие больших расходов [12]. Здесь взимались налоги, функционировали банки, создавались новые инфраструктуры, содержались университеты, велись внешнеторговые сношения с зарубежными странами, а также продавались должности, т.е. высший политический ранг занимал тот, кто платил больше. Такая ситуация приводила к зависимости Папы от интересов крупных коммерческих групп, стремящихся проводить свою линию в государстве. Пользуясь большим авторитетом на всей территории Европы, Папа вмешивался и в вопросы войны и мира, а в 1095 году Папа Урбан II призвал европейские страны освободить гроб Господень в Иерусалиме от турков-сельджуков, положив начало крестовым походам. Это дало еще больший толчок экономическому благосостоянию Рима, предоставлявшего транспортные и военные суда, оружие и продукты военным [13]. В XI веке Рим стал священным городом, куда совершали паломничество верующие, что стало предпосылкой современного туризма.

Таким образом, Папское государство проложило путь развития для модерни-

зации всей Европы, где церковь выполняла роль попечительства и опеки народов. *Подчинение экономики и политики христианству объяснялось необходимостью создания благополучия и внедрения новых ценностей Запада как высших ценностей обществ нового Рима* [13]. Идеологическая монополия создавала единое социокультурное пространство разных народов, корни культуры которых базировались в лоне христианской веры, соединив тем самым старый Рим с новым.

Позднее период мощи городов-государств, а также экономические параметры Италии претерпевают стагнацию, и на лидирующие позиции выходит Испания, заложившая основу первой колониальной имперской системы Запада, усилив неэкономические факторы геополитики, так как задача была не только в завоевании новых пространств за пределами Европы, но и в экономической экспансии.

Отражение черт средневековой геоэкономики и геополитики

в процессах современной глобализации

Выявление первого этапа закладывания современной формы геополитики, геоэкономики и модернизации является важнейшим фактором, так как без этого невозможно сформировать фундаментальное и четкое представление о ее структуре, понять специфику западного общества, его сходства и различия с другими социумами, варианты форм заимствования практики модернизационных изменений и т.д.

Прежде всего, следует отметить, что христианские ценности как идеологическая основа всего социокультурного пространства стали объединяющим фактором разных социумов. В средние века в Европе закладывались основы современной экономики, которая создавалась не только сверху, но и усилиями простых членов общества, на основе разделения труда, выделения профессиональных навыков и умений индивидов, что сформировало прообраз среднего класса. Источниками геоэкономики можно считать также создание в это время различных профилей цехов, гильдий, мануфактур, банков, проведение

ярмарок, налаживание контактов и экономических связей на региональном уровне, что привело к формированию внутренних и внешних рынков, к расширению экономических связей в регионе и за его пределами. Здесь же берут начало банковские операции, поставки сырья, экспорт товаров, региональные транспортно-экономические пути и т.д. [14]. Рост экономики привел к появлению и развитию новых городов, к массовому распространению процессов урбанизации, а античный Рим трансформировался в новый европейский город, где начали совершаться паломничества к святым местам Апостолов Павла и Петра. Начали использовать минеральные источники в качестве лечения в Германии, Франции, Чехии и т.д., превратившиеся в наше время в бальнеологические курорты (отметим, что Петр I после поездки в Чехию решил перенять такую практику в России, пригласив доктора Шобера и специалистов данного дела; в 1719 г. был открыт первый курорт в Карелии «Марциальные воды»). Фундаментальное значение имело также формирование светских государств, а региональные княжества выполняли роль, близкую к современным региональным объединениям.

Исходя из вышеизложенного, следует отметить, что европейский стиль, стандарты и нормы социального взаимодействия формировалась и развивались в едином русле общеевропейской идеолого-ценностной основы — сочетании греко-римской культуры, права и политики с христианством. Этот универсальный синтез стал прообразом Европы, общими корнями для всех социумов, в соответствии с которой они развивались и модернизировались.

Разумеется, глобализация имела и отрицательные стороны, отклонившись от социокультурного вектора еще в высоком средневековье. Политизация христианства, верховенство идеологии во всех сферах жизни и подчинение христианских ценностей интересам государства привели к складыванию двойных стандартов и государствоцентризму, позднее превратившим страны Европы в колониальные империи. Мощный толчок модернизации с этого периода стал стимулом формирования стереотипов о «бремени белого че-

ловека» (белый супрематизм) и его власти над другими, неевропейскими народами. Чувство культурного доминирования, одержавшее вверх над христианскими постулатами, давало им повод к завоеванию всего мира, что и стало поводом для усиления экономических и географических факторов мировой политики в процессах глобализации, смены геополитических парадигм геоэкономическими.

Выделим и некоторые специфические черты современной глобализации. Сохранив все вышеперечисленные черты, экономическая политика стала более неопределенной и непредсказуемой, так как на смену военному завоеванию социокультурного пространства пришло экономическое [15]. Унификация правил, навязывание стандартов рынка, интеграция регионов исходя из экономических соображений, конкуренция за производство и сбыт товаров, привязанность системы производства к научным открытиям и институтам усиливают законы конкуренции. Появление транснациональных корпораций и транснациональных путей перевозки товаров породило секретные сделки, тем самым угрожая суверенитету государств. Сегодня перераспределение мировых ресурсов происходит в развитых стран, так как единая сетевая система мирового рынка привнесла новые стандарты протекционизма. Мировые финансовые рынки, аккумулируя финансы в своих руках, действуют как фантомы-невидимки, подчинив почти все ссудно-заемные операции и рынки. Создаваемые различные фирмы (материнские, дочерние) делают мировые геоэкономические процессы не просто сложными, но и практически не раскрываемыми через экономические теории, согласно которым должна осуществляться динамика мирового курса [16]. Создается впечатление, что экономические гиганты стремятся запутать клубок так, чтобы его было невозможно распутать, и этой сетью опутать весь мир.

Безусловно, у глобализации есть и положительные стороны: распределение труда на местном, региональном и мировом уровне, приоритет научного знания, производство товаров на основе научных открытий, профессионализма и производительной

способности стран и многое другое. Однако это не спасает ситуацию, так как под видом защиты национальных интересов идет захват мировых ресурсов и их перераспределение в пользу развитых стран [17].

Выводы

В работе были рассмотрены условия и причины возникновения современных форм геополитики и геоэкономики. Исследование показало, что истоки многих современных процессов следует искать в раннем и высоком средневековье. Парадоксальной может показаться установленная связь между христианскими ценностями и экономическими факторами. Однако она имела место быть в тот период, когда шел процесс создания новых государств, происходила трансформация старого мироустройства в новое, диких племен в современные нации и т.д. Именно такие проблемы стояли перед западом после падения Римской империи, и для объединения разных племен необходима была новая идеология и ценности, которые должны были быть положены в основу государственности.

Подводя итог сравнительного анализа геополитических и геоэкономических процессов средневековья и современности, отметим, что одной из задач сегодня является поиск такой социокультурной модели геополитики, в которой взаимодействие между развивающимися и развитыми странами будет сбалансированным, прозрачным и прогнозируемым [19]. Для этого прежде всего необходимо устранить все деструктивные факторы глобализации и обеспечить внедрение новых экономических законов, сформулированных на научной основе.

Список литературы

1. Гаджиев К.С. Введение в геополитику. — М.: «Логос», 2000. — 414 с.
2. Принципы организации геополитического пространства // Общественные науки и современность. — М., 1994. — № 4. — С. 88.

3. Маккиндер Дж. Географическая ось истории // Полис. — 1995 — С. 166–169.
4. Тальберг Н. История христианской церкви. — М.: «Астра», 1991. — 400 с.
5. Дэвис Р.Х.С. История средневековой Европы, от Константина до Людовика Святого. — Лонгманс, 1966.
6. Тахиаос А.Э.Н. Святые братья Кирилл и Мефодий, просветители славян. — Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева лавра, 2005. — 392 с.
7. Четыре социологических традиции / Пер. Вадима Россмана. — М.: Издательский дом «Территория будущего», 2009.
8. Кантор Норман Ф. Церковь, царствование и мирские инвестиции в Англии, 1089–1135. Издательство Принстонского университета, 1958.
9. Слокум Кеннет. «Спор об инвестициях». Источники по средневековой культуре и истории. — Бостон, Прентис-Холл, 2010. — С. 170–175.
10. Кейнольдс Сьюзен. Феоды и вассалы. Переосмысленные средневековые свидетельства. — Издательство Оксфордского университета, 1994.
11. Рубинштейн Джей. Армии Небес: Первый крестовый поход и поиски Апокалипсиса. — Нью-Йорк: Основные книги, 2011.
12. Страйер Джозеф Р. Средние века, 395–1500. — 4-е изд. — Эпплтон-Сенчури-Крофтс, 1959.
13. Стролл Мэри. Каликст II (1119–1124): Папа, рожденный править. — Брилл, 2004.
14. Телленбах Герд. Западная церковь с десятого по начало двенадцатого века. — Издательство Кембриджского университета, 1993.
15. Томпсон Джеймс Уэстфолл; Джонсон Эдгар Натаниэль. Введение в Средневековую Европу, 300–1500 гг. — 1937.
16. Торндайк Линн. История средневековой Европы. — 3-е изд. — Хоутон Миффлин, 1956.
17. Mackinder H.J. Democratic Ideals and Reality. — N.-Y., 1962. — 235 p.
18. Люттвак Эдвард. От геополитики к геоэкономике: логика конфликта, грамматика коммерции. — The National Interest, 1990.
19. Люттвак Эдвард. Турбокапитализм: победители и проигравшие в глобальной экономике. — Нью-Йорк, 1999.

В.Ф. Кузнецовдоктор политических наук, профессор,
Институт мировых цивилизаций, Москва**БАЛТИЙСКИЕ ГОСУДАРСТВА:
СОСТОЯНИЕ И ПРОТИВОРЕЧИЯ****V.F. Kuznetsov**Doctor of Political Sciences, Professor
Institute of World Civilizations, Moscow
E-mail: kuzvadimfed@gmail.com**BALTIC STATES:
STATE AND CONTRADICTIONS**

Аннотация. В статье рассмотрены исторические аспекты, современное состояние и внутренние противоречия Балтийских государств. Проанализированы совокупность показателей, ресурсов и средств, определяющих экономическую и социальную составляющие современных стран Балтии. Установлено, что своеобразным индикатором, позволяющим судить о социально-экономическом развитии Балтийских государств, служат их валовый внутренний продукт, экономические достижения, программные установки по социальным вопросам, официальные заявления лидеров Прибалтийских стран и общественного мнения различных социальных групп. Анализ современных практик Балтийских государств выявил следующие тенденции, а именно углубляющийся социально-экономический кризис, оказывающий разностороннее и существенное влияние на политику этих государств, и, как следствие, поиск внешнего врага. Отмечается, что требуются скоординированный и системный ответ, включающий в себя экономические и политические санкции, а также постоянная коммуникационная борьба за умы простых граждан Балтийских государств. В связи с этим российской власти необходимо осознать, что ведется гибридная война по всем направлениям и действия должны быть адекватными и взвешенными. Только так можно заложить фундамент для будущих прагматических и взаимовыгодных отношений с Балтийскими государствами.

Ключевые слова: государства, социальные проблемы, экономические процессы, Прибалтика, республики, национальный доход, экономические результаты, идеология, русофобия.

Abstract. The article examines the historical aspects, the current state and internal contradictions of the Baltic states. The set of indicators, resources and means that determine the economic and social component of the modern Baltic countries are analyzed. It has been established that a kind of indicator that makes it possible to judge the socio-economic development of the Baltic states is their gross domestic product, economic achievements, program guidelines on social issues, official statements of the leaders of the Baltic countries and public opinion of various social groups. An analysis of the modern practices of the Baltic states revealed the following trends, namely, the deepening socio-economic crisis, which has a multifaceted and significant impact on the policies of these states, and, as a consequence, the search for an external enemy. It is noted that a coordinated and systemic response is required, including economic and political sanctions, as well as a constant communication struggle for the minds of ordinary citizens of the Baltic states. In this regard, the Russian authorities need to realize that a hybrid war is being waged in all directions and actions must be adequate and balanced. This is the only way to lay the foundation for future pragmatic and mutually beneficial relations with the Baltic states.

Key words: states, social problems, economic processes, the Baltic states, republics, national income, economic results, ideology, Russophobia.

С середины 50-х годов XX века республики Балтии — Эстонская, Латвийская и Литовская ССР — имели равноправные экономические, социальные и политиче-

ские отношения со всеми остальными республиками СССР¹.

¹ После Великой Отечественной войны было восстановление, а с середины 50-х годов

Реалистичный этап начался в 1989–1990 годах, когда Госкомстат СССР на основе правдивых и неподтасованных статистических данных рассчитал межотраслевые балансы республик Балтии, осуществил полноценный расчет экспорта, импорта и межреспубликанских товарных потоков в мировых ценах. Оказалось, что в случае реального распада СССР в наиболее выгодном положении будут социально-экономические системы РСФСР, АзССР, КазССР [1].

В ноябре 1991 года в США в штате Калифорния прошел экономический симпозиум, посвященный проблемам и противоречиям экономики Советского Союза. В симпозиуме приняли участие известные экономисты и специалисты МВФ, МБРР, ЕБРР [2]. Российскую Федерацию представляли реформаторы Е. Гайдар, А. Шохин, С. Шаталин [3]. В итоговом коммюнике симпозиума был сделан вывод: «Если бы промышленные товары соответствовали мировым рыночным ценам, то Российская Федерация имела бы неоспоримые преимущества в торговом балансе, а другие союзные образования соответственно имели бы огромный товарно-сырьевой дефицит» [4].

Экономический комплекс республик Балтии с промышленной точки зрения был комплексно приспособлен к советскому, но не зарубежному рынку. Предприятиям Тюмени в принципе не важно было, куда продавать бензин или мазут, однако продать литовский сыр «Гала» в Германию или рижские шпроты в Испанию оказалось проблематично. В Республике Эстония статистические данные импорта и экспорта в конце 90-х выявили стоимость продукции 1,30 млрд долларов. Для Латвии статистика показала 1,31 млрд долларов, для Литвы — 3,69 млрд долларов [5].

В подтверждение этого можно отметить заключение комиссии Эстонии «О нанесении ущерба в период советской оккупации»: «В 1981 году только 2–3% произведенной в Эстонии продукции продавалось за пределами Советского Союза и только 0,4–0,5% — за свободно конвертируемую

начали принимать планы социально-экономического развития СССР и республик в частности.

валюту. Таким образом, доля так называемого внутреннего экспорта (то есть в другие союзные республики) в общем объеме экспорта Эстонии в 80-х годах прошлого века составляла 93–95%» [6].

В 80-х годах XX века промышленные данные республик Балтии показывали возрастающую динамику и преимущество этих республик в составе СССР. Так, по статистике того периода, на одного жителя страны приходилось 5875 рублей стоимости основных фондов. Разброс по этому показателю между республиками носил характер неравномерной диспропорции: с одной стороны, в Литве — 6111 рублей, в Латвии — 6923 рублей, в Эстонии — 8007 рублей, а в Узбекистане — 2291 рубль [7].

Таким образом, можно резюмировать, что экономика республик Балтии могла быть успешной в СССР, а вне его границ нужны были серьезные инвестиции. Этот вывод просматривается во многих аналитических работах, посвященных функционированию Балтийских государств в конце XX века.

Сегодня, на фоне энергетического кризиса, Балтийские государства демонстрируют все более обостряющиеся противоречия в экономическом и социальном развитии. По мнению европейских специалистов, в 2020 г. происходит регресс промышленности Латвии и Литвы на 7%, Эстонии — на 6% [8].

Аналитики выявили следующую закономерность. Так, производительность труда в республиках Балтии была всегда выше, чем, например, в Республике Беларусь. В качестве примера приводится факт функционирования в Литовской ССР трех предприятий по производству телевизионных приемников. Доход в результате функционирования такого производства — 100%, продукция продается без конкуренции — республика имеет режим наибольшего благоприятствования. То есть заводы и фабрики явно имели экономические преимущества по сравнению с аналогичными предприятиями, расположенными в европейской или азиатской частях Советского Союза.

Анализируя ситуацию, многие специалисты отмечают взрывной характер

миграции трудовых ресурсов в странах Балтии после получения государственного суверенитета. Так, в 2004 году 41 тысяча молодых специалистов эмигрировала из Литвы.

Справедливости ради следует отметить, что после распада СССР морские порты Риги, Вентспилса и Клайпеды по-прежнему функционировали рентабельно [9]. Но после постройки глубоководных портов в Усть-Луге и Приморске морские перевозки в этих прибалтийских городах постепенно стали сходить на нет.

Согласно статистике, из года в год увеличивается процент старения населения Балтийских государств, демографическая ситуация в государствах ухудшается, а это может привести в дальнейшем к депопуляции. Европейские специалисты отмечают, что к 2035 году в Балтийских государствах доля населения старше 70 лет достигнет в среднем 38,5 процентов [10].

Важное место специалисты уделили процессу отделения экономик республик от российской. Отмечается много реперных точек, с которыми пришлось столкнуться, например, Латвии после установления независимости.

Во-первых, были принудительно разорваны системные связи экономического взаимодействия Латвийского государства и Российской Федерации. Во-вторых, достаточно большое количество специалистов высшей и средней квалификации оказались без работы и без средств к существованию и потому были вынуждены уехать из Латвии в основном в Европейский союз или США. В-третьих, Латвия стала полностью зависима от финансовых подачек Запада. В-четвертых, Латвия в ходе реформ вышла на уровень одной из беднейших стран Европейского союза.

Начиная с середины 1992 года Эстония начала проводить политику экономического и политического суверенитета, а также выдавливания из экономической политики всего того, что было связано с советским промышленным потенциалом [11].

В Литве на Игналинской атомной электростанции было построено два блока типа РБМК, а намечалось шесть, которые должны были полностью обеспечить электроэнергией весь Северо-Запад Со-

ветского Союза [12]. Западные специалисты по атомной безопасности уверяли, что эта станция является самой безопасной в Европе, но под давлением Европейского союза Литва в 2010 году прекратила деятельность атомной станции. Почему это было сделано? Основным аргумент — Европе не нужны атомные станции, проект которых связан с аварией на Чернобыльской АЭС (ЕС считал, что реакторы типа РБМК являются ненадежными и следовательно их надо закрывать). В результате, исходя из политической целесообразности, Литва мгновенно из основного производителя электроэнергии превратилась в энергодефицитный регион.

Вероятностные экономические прогнозы дает ассоциация европейских экономистов: так, в 2021 году в Балтийских государствах следует ожидать снижение экономической активности. В июньском мониторинговом прогнозе отмечается снижение в Литве ВВП на 4 процента, в Эстонии соответственно на 3 процента, а в Латвии возможен шестипроцентный спад.

В дополнение к этому, неблагоприятная ситуация складывается в энергетическом секторе. Так, политические власти Балтийских государств вопреки экономической логике постановили выйти из электрического кольца БРЭЛЛ, созданного еще в советские времена для взаимного перетока электрической энергии [13]. Сделать это, конечно, можно, однако все это приведет к значительным затратам и отрицательному балансу.

Идеологическая и политическая составляющие деятельности Балтийских государств связаны с русофобством и искажением исторической памяти. Современная Литва — это государство с тоталитарным режимом. Национальная политика направлена на выдавливание русскоязычных из страны и создание самых благоприятных условий для развития титульной нации. То же самое происходит и в других Балтийских государствах, к которым относятся еще и неграждане².

Обобщая вышесказанное можно сделать определенный вывод, а именно, в ближайшее время в Балтийских государствах

² В Литве закона о негражданах нет, а в Латвии и Эстонии такие законы приняты.

не произойдет коренных изменений в социально-экономическом и политическом положении. Дотации стран Запада будут постоянно подпитывать воинствующий национализм и русофобию. Кроме этого, развитию этих тенденций отчасти будет способствовать российский олигархат, которому экономически выгодно часть своей продукции и сырья экспортировать через Балтийские государства.

Необходим скоординированный и системный жесткий ответ, включающий в себя экономические и политические санкции, а также коммуникационную борьбу³ за умы простых граждан Балтийских государств. Российской власти необходимо осознать, что с нами ведется гибридная война по всем направлениям и наши действия должны быть адекватными и взвешенными, здесь не место «политическим играм» типа «давайте их пожалеет, они потом исправятся».

Нужно наконец-то вспомнить цитату великого философа Гегеля — «народ достоин того правительства, которое имеет». Большая ошибка наших политиков состоит в том, что они пытаются отделить элиты от социальных групп в Балтийских государствах. Здесь необходимо работать комплексно по всему спектру проблем, начиная от принуждения элит и заканчивая созданием некоммерческих организаций и СМИ. Только так на постоянной основе можно заложить фундамент в будущем прагматических и взаимовыгодных отношений с Балтийскими государствами.

Список литературы

1. Эстонская ССР в общесоюзном разделении труда / Калев Кукк, Дайси Раянго, Теэт Раясалу. — Таллинн: Ээсти раамат, 1982.
2. Гранберг А.Г., Суслов В.И. Коалиционный анализ многорегиональных систем: теория, методология, результаты анализа (СССР накануне распада): науч. докл. / ИЭОПП СО РАН. — Новосибирск, 1993. — 63 с.; Ершов Ю.С., Ибрагимов Н.М., Мельникова Л.В. Современные постановки прикладных межрегиональных межотраслевых моделей // Исследования многорегиональных экономических систем: опыт применения оптимизационных межрегиональных межотраслевых систем: сб. ст. / Под ред. В.И. Сусллова; ИЭОПП СО РАН. — Новосибирск, 2007. — С. 29–59.
3. Ершов Ю.С. Экономика постсоветского пространства: ожидавшееся и неожиданное // ЭКО. — 2016. — № 10. — С. 25–26.
4. Исследование состояния экономики СССР... — М., 1989. — С. 23.
5. Ершов Ю.С. Указ. соч. — С. 27.
6. Кукк К. Экономические потери, понесенные Эстонией в результате советской оккупации // Ущерб, нанесенный Советским Союзом странам Балтии. Материалы международной конференции, проходившей в Риге 17–18 июня 2011 г. — Рига: Министерство юстиции Латвийской Республики, 2015. — С. 70.
7. Kofner Y. Who wins and who loses from the Eurasian Economic Union? // <https://miwi-institut.de/archives/534> (дата обращения: 11.09.2020).
8. Статистический ежегодник Эстонии. — Таллин: Олион, 2020. — С. 67.
9. Экономика СССР. Исследование состояния экономики СССР по запросу участников Совещания в Хьюстоне // Международный фонд «Культурная инициатива». — 1991. — С. 101.
10. Гареева Н.Э., Шкель С.Н. Теория модернизации и социально-экономические факторы демократизации в контексте политических трансформаций на постсоветском пространстве // <http://gisap.eu/ru/teoriya-modernizatsii-i-sotsialno-ekonomicheskie-factory-demokratizatsii-v-kontekst...> (дата обращения: 11.09.2020).
11. Урбанович Я., Юргенс И., Пайдерс Ю. Черновики будущего. Латвия: 1956–2019. — Рига: Издатель Балтийский форум, 2019.
12. Симонян Р. Экономика Литвы от советского до современного периода // Современная Европа. — 2020. — № 3. — С. 73.
13. Скачков А.С. Историческая память в политических процессах постсоветской Прибалтики // Сравнительная политика. — 2017. — Т. 8. — № 1. — С. 149.

³ Информационная борьба на основе прямых и обратных связей.

Н.И. Маслакова-Клауберг

кандидат политических наук,
член Российского исторического общества,
Институт мировых цивилизаций, Москва,

ДИПЛОМАТИЯ «БОЛЬШОЙ ТРОЙКИ» И ВОПРОСЫ ПОСЛЕВОЕННОГО МИРОУСТРОЙСТВА**N.I. Maslakova-Clauberg**

PhD in Political Science,
member of the Russian Historical Society
Institute of World Civilizations, Moscow,
E-mail: mnleo@mail.ru

DIPLOMACY OF «THE BIG THREE» AND POSTWARE WORLD ORDER

Аннотация. В статье представлен авторский анализ в отношении итогов и дипломатии международных встреч (конференций) лидеров «Большой Тройки» Антигитлеровской коалиции в Тегеране, Ялте и Потсдаме — Ф. Рузвельта, У. Черчилля и Й. Сталина в период с 1943 по 1945 гг.

В начале статьи автор представляет сравнительный анализ исторических портретов лидеров «Большой Тройки» с учетом их социального статуса, образовательного уровня и профессиональной работы на государственном и дипломатическом направлениях. Дается также характеристика применяемой ими дипломатической тактике в целях достижения конкретных политических целей.

Основное внимание уделяется все же дипломатии на конференциях «Большой Тройки», которая менялась в зависимости от внешней политической обстановки и военной ситуации «на полях сражений» в годы Второй мировой войны. Кроме того, автор приводит исторические факты, свидетельствующие о личных взаимоотношениях между Сталиным-Рузвельтом-Черчиллем.

В своих оценках организации и проведения конференций лидеров «Большой Тройки» автор приходит к выводу, что основной груз подготовки их «лег на плечи» советской стороны, поскольку все они проводились на советской территории, либо подконтрольной СССР (в частности, в посольстве СССР в Тегеране). Автор делает вывод о высокой степени организационной и профессиональной подготовки советских дипломатов в ходе проведения этих международных встреч. Отдельная авторская оценка делается в отношении проведения каждой из конференций, с учетом выбранного места, характера обсуждаемых вопросов, а также итогов конференций.

В итоговой части статьи автор задается вопросом о том, насколько была результативна советская дипломатия на этих конференциях? А также каковы были истинные цели союзников (США и Великобритании) в диалоге с Москвой? В конце статьи автор приходит к выводу, что несмотря на все усилия советской дипломатии выстроить взаимоотношения с западным миром и США, эти усилия были обречены на провал, поскольку в марте 1946 г. была объявлена неформальным образом «холодная война».

Ключевые слова: Антигитлеровская коалиция, дипломатия, переговорный процесс, лидеры «Большой Тройки», военная ситуация, международная организация, Объединенные Нации, международная безопасность, репарации, «германский вопрос», зоны оккупации, дипломатические методы.

Abstract. The article presents the author's analysis of the results and diplomacy of international meetings (conferences) of the leaders of the "Big Three" countries of the Anti-Hitler coalition in Tehran, Yalta and Potsdam — F. Roosevelt, W. Churchill and J. Stalin in the period from 1943 to 1945.

At the beginning of the article, the author presents a comparative analysis of the historical portraits of the leaders of the Big Three, taking into account their social status, educational level and professional work in the state and diplomatic fields. The characteristics of the diplomatic tactics used by them to achieve specific political goals are also given.

The main attention is paid to diplomacy at the Big Three conferences, which changed depending on the external political situation and the military situation "on the battlefields" during the Second

World War. In addition, the author cites historical facts testifying to the personal relationship between Stalin, Roosevelt, and Churchill.

In his assessments of the organization and holding of conferences of the leaders of the Big Three, the author concludes that the main burden of preparing them «fell on the shoulders» of the Soviet side, since they were all held on Soviet territory, or territory controlled by the USSR (in particular, at the USSR embassy in Tehran). The author concludes that the organizational and professional training of Soviet diplomats is high in the course of these international meetings.

The author also separately assesses each of the conferences, taking into account the chosen place, the nature of the issues discussed, as well as the results of the conferences.

In the final part of the article, the author considers the question of how effective the Soviet diplomacy was at these conferences and what the true goals of the allies (USA and Great Britain) were in the dialogue with Moscow? At the end of the article, the author concludes that despite all the efforts of Soviet diplomacy to build relationships with the Western world and the United States, these efforts were doomed to failure, since in March 1946 an informal Cold War was declared.

Key words: Anti-Hitler coalition, diplomacy, negotiation process, leaders of the Big Three, military situation, international organization, United Nations, international security, reparations, “German question”, zones of occupation, diplomatic methods.

В 2020 г. мировое сообщество отметило историческую дату — 75-летия после окончания Второй мировой войны, самой страшной и кровопролитной за всю историю человечества. Тогда, весной 1945 г. многим казалось, что благодаря «общей победе» над нацистской Германией, удалось достичь компромисса в идеологическом противостоянии между СССР и западными миром. Причем, решающая роль СССР в победе над фашизмом не ставилась тогда под сомнение.

По образному выражению поэта С. Есенина «лицом к лицу, лица не увидать, большое видится на расстоянии». Действительно, спустя 75-лет многое видится по-другому, в том числе истинность намерений стран-союзниц в вопросах послевоенного мира, проявленная на трех ключевых конференциях лидеров «Большой Тройки» (И. Сталина, Ф. Рузвельта и У. Черчилля) — в Тегеране (1943 г.), Ялте (1945 г.) и Потсдаме (1945 г.).

С одной стороны, на этих конференциях встречались союзники по совместной борьбе против нацистской Германии, а с другой — ярые идеологические противники. Сегодня их можно было бы назвать «ситуационными союзниками или партнерами». Несмотря на то, что США и Великобритания выступали «единым идеологическим фронтом» против Советского Союза, однако у них также были собственные представления о послевоенном мироустройстве. В любом случае, США видели

себя единоличным лидером новой мировой политической системы.

Следует также отметить, что все три лидера «Большой Тройки» (И. Сталин, Ф. Рузвельт и У. Черчилль) войдут в мировую историю как центральные политические фигуры первой половины XX века. Их считают «великими политиками» своего времени, которых отличала не только особая харизма, глубина государственного мышления, но и политическая мудрость. Они смогли пойти на компромисс, чтобы сесть за один стол переговоров со своим «непримиримым идеологическим врагом» ради одной общей цели — разгрома Нацистской Германии и окончания Второй мировой войны. В современном мировом политическом истеблишменте явно ощущается дефицит такого уровня политиком и государственных деятелей.

Причем, каждый из трех лидеров «Большой Тройки» оставил свое «политическое наследие» человечеству, с позитивным и негативным оттенком.

Так, 32-й Президент США Франклин Рузвельт, находится в одном ряду с такими выдающимися президентами США как Джордж Вашингтон, Томас Джефферсон и Авраам Линкольн. Он руководил страной в самые сложные периоды — мирового экономического кризиса («Великой депрессии») и Второй мировой войны. Его назовут президентом-реформатором, поскольку он предложил план социально-экономических преобразований в стране

(т.н. «Новый курс»). Ф. Рузвельт считают отцом-основателем универсальной международной организации ООН, создание которой он считал «делом всей своей жизни». Благодаря его кропотливой работе, в том числе на конференциях лидеров «Большой тройки», такая организация будет учреждена в апреле 1945 г. в Сан-Франциско. Правда, сам Рузвельт не доживет до этого момента всего несколько дней. Память о нем как о «отце-создателе» ООН останется в мировой истории.

В официальной резиденции Президента США («Белом Доме») в Вашингтоне находится «Комната Рузвельта» [1], расположенная рядом с Овальным кабинетом Президента. Она используется для проведения совещаний и встреч делегаций перед президентским приемом. Эта комната была названа в 1969 г. Ричардом Никсоном в память двух президентов США — Теодора Рузвельта и Франклина Рузвельта. В поместье Спрингвуд в Гайд-парке (Нью-Йорк) находится «Вилла Рузвельта», в которой сегодня открыт Национальный исторический музей Франклина Д. Рузвельта.

В послевоенное время его сын Эллиот Рузвельт опубликовал книгу «Его глазами», в которой он излагает взгляды своего отца на вопросы внешней политике США, в том числе повествует об участии Ф. Рузвельта в международных конференциях, в частности в Тегеране [2]. В 1960 г. в память в пребывании Ф. Рузвельта в Ялте его именем была названа самая старая улица города, на которой в 2017 г. был установлен ему памятник [3].

Уинстон Черчилль является легендарной фигурой в политике и дипломатии Великобритании, который получил титул «величайшего британца в истории» [4]. Он занимал пост британского премьер-министра в двух периода — Второй мировой войны (1940–1945 гг.) и послевоенного мироустройства (1951–1955 гг.).

Черчилль был неизменным участником всех трех встреч «Большой Тройки». Однако, во время Потсдамской (Берлинской) конференции он был вынужден покинуть ее в самый ключевой момент, когда решались вопросы послевоенного урегулирования в Европе. Причиной тому стал проигрыш Консервативной партии на пар-

ламентских выборах в Великобритании, которые состоялись 5 июля 1945 г. В результате он ушел с поста премьер-министра Великобритании.

В дипломатии известен т.н. «стиль Черчилля» как харизматичной фигуры этого блестящего политика. Среди узнаваемых символов стиля Черчилля следует отметить — сигары уникальных сортов, с которым он традиционно появлялся на публике, а также жест «Victory» (указательный и средний пальцы соединялись в форме латинской буквы V). Этот символ известен еще со времен Средневековья, однако благодаря Черчиллю получил широкое распространение по всему миру как символ победы. Среди его экстравагантных бытовых привычек — бифштекс с жареным картофелем на завтрак, в течение дня различные напитки (шампанское, бренди, виски и апельсиновый сок), домашняя одежда — бархатный пиджак с буквой V и домашние тапочки с вышитыми буквами «ПМ» — премьер-министр [5].

Следует отметить знаменитую фразу Черчилля, сказанную им во времена Ялтинской конференции в феврале 1945 г., которая была неким «политическим пророчеством» в судьбах лидеров «Большой Тройки». Он звучала следующим образом — «По одну сторону от меня сидел, раскинув лапы, громадный русский медведь. А по другую — огромный американский буйвол. А между ними затаился бедный, маленький английский ослик, и только он, один из трех, знал дорогу домой» [6].

Действительно, он пережил своих коллег по «Большой Тройке» и стал лауреатом Нобелевской премии по литературе в 1953 г., причем в обход Эрнеста Хемингуэя. Он единственный из всех участников опубликовал мемуары о войне и встречах «Большой Тройки» — трехтомник «Вторая мировая война» и «Как я воевал с Россией». Его «Фултонская речь» в Вестминстерском колледже, произнесенная 5 марта 1946 г., принято считать началом «Холодной войны» между Западом во главе с США против СССР. В то же году он выступил с речью в Цюрихском университете, где призвал к созданию «Соединенных Штатов Европы».

Похороны У. Черчилля, состоявшие 30 января 1965 г., стали крупнейшими по масштабу государственными похоронами за всю историю Великобритании, в организации которых службы Букингемского дворца и лично Королева Елизавета II.

Личность Иосифа Виссарионовича Сталина как вождя и руководителя Советского Союза вошел в мировую историю как довольно противоречивая фигура. Он является олицетворением целой эпохи — «сталинской эпохи» в истории СССР, с которой связаны как великие, так и драматичные события. Прежде всего, заслугой Сталина и советского народа стала победа СССР во Второй мировой войне, в которой наша страна сражалась с лучшей в мире армией Нацистской Германии, причем в неравных условиях. Эта победа стоила самой большей цены — 27 млн человеческих жизней. Война продемонстрировала всему великий подвиг и силу духа советских солдат, которые шли в бой под лозунгом «За Родину, за Сталина!». Надо отдать должное Генералиссимусу Сталину, что он не покинул Москву в самый опасный период войны, когда фашистские войска фактически стояли у границы города. Этим он продемонстрировал своему народу веру в то, что «победа будет за советским народами», и он в этом не сам сомневался.

Темной стороной медали «сталинской эпохи» стали массовые политические репрессии («Большой террор»), депортация народов, негативные последствия индустриализации и коллективизации, религиозное преследование, голод, создание лагерей для репрессированных и другие преступления. На Западе с его именем связывают также подписание Договора о ненападении между Германией и Советским Союзом (Пакт Молотова-Риббентропа 23 августа, 1939 г.). После смерти Сталина в 1953 г. его титул как «великого вождя и учителя» был подвергнут осуждению, а после XX съезда КПСС в 1956 году был развенчан «культ Сталина». Несмотря на то, что преступления Сталина получили широкое международное осуждение, в том числе в России, продолжают попытки ряда западных стран «поставить на одну доску» преступления сталинизма и нацизма. В этой связи следует отметить

программную резолюцию ПАСЕ «Необходимость международного осуждения преступлений тоталитарных коммунистических режимов», которая стала отправной точкой в признании на общеевропейском уровне идеи об уравнивании двух тоталитарных режимов — нацистского и коммунистического». В 2 апреля 2009 г. Европейский парламент принял Декларацию, осуждающую акты агрессии со стороны сталинизма и нацизма как военные преступления и преступления против человечности. В сентябре 2019 г. Европарламент принял резолюцию «О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы», в ней провозглашалась равная ответственность СССР и нацистской Германии в развязывании Второй мировой войны [7]. Таким образом, в современной Европе происходит отрицание решающей роли СССР в победе во Второй мировой войне.

С другой стороны, имя Й. Сталина связано с появлением нового направления в архитектуре в области — «сталинский ампи́р», в результате чего советская столица украсилась рядом уникальных по архитектуре монументальных зданий. Кроме того, в результате реализации Генерального плана реконструкции Москвы в городе в начале 50-х гг. появились высотные здания, в том числе здание Министерства иностранных дел. Среди иностранцев стало популярное название этих высотных зданий — «Семь сестер», хотя не многие знают, что их появление связано с именем Сталина. Среди российских посольств за рубежом следует отметить Посольство России в Берлине на Унтер ден Линден, которое было построено в 1952 г. в стиле «сталинского ампи́ра и декора» (т.н. «социалистический классицизм») с элементами берлинского классицизма начала XIX века [8].

Особую характеристику личности генералиссимуса Й. Сталину оставили именно Ф. Рузвельт и У. Черчилль, которые были ими составлены по время проведения встреч «Большой Тройки» в период с 1943–1945 гг.

Интересным является факт, что каждая из конференций имела свое кодовое название, которые, в большинстве, были

предложены У. Черчиллем. Так, Тегеранская конференция в 1943 г. получила название «Эврика», Ялтинская (Крымская) конференция в 1945 г. — «Аргонавты» и Потсдамская (Берлинская) конференция в 1945 г. — «Терминал». Все эти кодовые названия довольно символичны, поскольку соответствуют целям встреч и характеристике переговорного процесса. Эврика является легендарным восклицанием Архимеда, которое выражает чувство радости в случае решения трудной задачи. Действительно, Тегеранская конференция, стала «трудной задачей» для ее участников и радостным «удивлением» в отношении ее результатов. Второе кодовое название «Аргонавты» было предложено У. Черчиллем в качестве сравнения участников встречи в Ялте с походом легендарный героев в древнегреческой мифологии в Колхиду на корабле «Арго». Третье название — Терминал символизирует собой конец, т.е. окончание переговорного процесса.

Встречи лидеров «Большой Тройки» можно охарактеризовать как «дипломатическую игру» наивысшего уровня между идеологическими противниками, которые садились за международный стол переговоров, разыгрывая собственную «дипломатическую партию» в этой игре. Причем, Ф. Рузвельт и У. Черчилль, выступали неким «единым фронтом», в то время как Сталин должен был вести игру с нами не в равном соотношении. Тем не менее, за столом переговоров оказались люди с разным персональным потенциалом, имеется в виду — социальное происхождение, образование и т.д.

Так, Франклин Д. Рузвельт принадлежал к роду Розенфельдов, выходцев из Нидерландов, которые смогли разбогатеть в США благодаря успешно развивавшемуся бизнесу, в частности производству сахара и коневодству. Он окончил престижные высшие учебные заведения в США из Лиги «Плюща» — Гарвардский университет (Гарвардский колледж) и Колумбийский университет (Школа права, входящая в пятерку лучших юридических школ в США и в мире). По окончании университета получил специальность юриста. Политическая карьера Рузвельта была связана с Демократической партией США [9].

Уинстон Черчилль происходил из знатного рода герцогов Мальборо (ветвь Спенсеров), во владении которых находился Бленхаймский дворец, один из крупнейших дворцово-парковых ансамблей Англии. Сегодня он входит в число памятников Всемирного наследия ЮНЕСКО. Представители рода Мальборо до сих пор проживают здесь, занимая восточное крыло дворцового комплекса. Во дворце расположена экспозиция памяти Уинстона Черчилля, которая доступна для посещения. Он окончил престижное Королевское военное училище, выпускниками которого были известные государственные деятели, дипломаты и военачальники. Политическая карьера У. Черчилля была связана с Консервативной партией, что предоставляло ему возможность занимать различные высокие государственные посты, в частности — министра внутренних дел, первый лорд Адмиралтейства, Канцлер казначейства и премьер-министр [10].

В свою очередь, Й. Сталин (Джугашвили) не мог сравниться с ними ни в социальном положении, ни в образовательном уровне. Он был выходцем из грузинской крестьянской семьи, в которой отец был сапожником, а мать — поденщицей. Йозеф учился в Тбилисской духовной семинарии, но был исключен по причине неявки на экзамен, но фактически, причиной было его увлечение марксизмом и революционным движением. Достигнуть положения «вождя государства» ему позволила революционная карьера, «школа тюрем и ссылки» и, безусловно, природные таланты, в том числе в дипломатии. Профессиональный революционер из бедной грузинской семьи не мог равняться с выходцами из высшей родовой аристократии США и Европы. Однако, он с достоинством принял участие в этой дипломатической сражении, которая представляла собой «пробу сил» и «игру ума» [11].

Все три лидера «Большой Тройки» представляли разные партии — Ф. Рузвельт — Демократическую партию, У. Черчилль — Консервативную партию и Й. Сталин — Коммунистическую партию.

Следует отметить важную деталь, что все три встречи «Большой Тройки» прошли либо на советской территории, либо на

территории подконтрольной СССР. Так, Тегеранская конференция состоялась на территории советского посольства, Ялтинская (Крымская) конференция — в СССР, а Потсдамская (Берлинская) конференция на территории советской зоны оккупации. С точки зрения дипломатии, для советской стороны это была довольно приоритетная позиция, позволяющая определять позиции участников, составлять программу проведения конференции и делать «протокольные маневры».

Тегеранская конференция, проходившая с 28 ноября по 1 декабря 1943 г. в столице Ирана, стала первой их трех международных встреч лидеров «Большой Тройки» Антигитлеровской коалиции, на которой обсуждались вопросы исхода войны и были намечены контуры послевоенного миропорядка в целом. Для Сталина это была первая зарубежная поездка, на которую он согласился, исходя из особых политических целей, и прежде всего — «открытие союзниками Второго фронта».

Сама инициатива проведения встреч лидеров «Большой Тройки» в составе США, Великобритании и СССР исходила не от Сталина, а от Рузвельта и Черчилля, которые обсуждали этот вопрос еще в августе 1943 г. во время Квебекской конференции. Сталин придал этому приглашению важное значение и согласился на формат встреч, однако место и время их проведения всегда оставлял за собой. Так, для первой конференции ему предлагались различные места проведения, в том числе Каир, Багдад, Стамбул, где уже имелся опыт проведения высокого уровня международных встреч. После долгих размышлений, которые он «объяснял занятостью на фронтах», Сталин выбрал Тегеран, исходя из по трем основным причин. Первая — безопасность, а территория Ирана тогда контролировалась советскими военными (до 1946 г. на севере Ирана находилась крупная группировка советских войск). Кроме того, здесь была обеспечена связь Сталина со Ставкой, что для него было крайне важным делом. Вторая — близость границ с СССР, а третья — Сталин хотел наладить отношения с молодым шахом Мохаммедом Реза Пехлеви, чтобы упрочить позиции СССР в Иране. Представи-

тели Лондона и Вашингтона были довольны его выбором, поскольку они надеялись на подписание на конференции документа, излагающего общую позицию трех держав по Ирану. Для них было также важным получить обязательства от Москвы по выводу войск из Ирана [12].

Союзники были вынуждены примириться с капризным поведением Сталина, поскольку понимали, что война вступила в ключевую фазу и стратегическая военная инициатива перешла к СССР. Безусловно, не из-за симпатий к СССР и желания помочь русским в борьбе с фашизмом объясняется стремление к переговорному процессу с СССР. Речь шла о том, что наступил «перелом в войне» и впечатляющие победы Красной Армии, в том числе Курская битва (5 июля — 23 августа 1943 г.), заставили союзников задуматься о сближении позиций с Москвой в вопросах «о будущем устройстве мира». Особенно большие опасения вызывала возросшая роль СССР и его позиционирование в качестве «великого победителя». Главное заключалось в том, что союзники боялись опоздать и упустить «плоды Победы». Как покажет история, они умело смогут воспользоваться всеми «плодами и лаврами победителя».

Фактически, встречи лидеров «Большой Тройки» сводились к следующим основным вопросам: открытие Второго фронта для целью завершения войны с Германией, решение «германского вопроса» как дальнейшей ее судьбы, завершение войны в Японии, формирование нового послевоенного миропорядка (для союзников важно было не дать СССР использовать свое влияние на другие страны Европы), создание новой политической карты Европы, учреждение новой универсальной международной организации («Объединенные Нации») с целью обеспечения мира и международной безопасности, проведение Международного военного трибунала над нацистской Германией и др.

В вопросах дальнейшей судьбы Германии и методов осуществления ее наказания у СССР с союзниками были разные позиции.

Следует отметить, что Сталин предпочитал всегда оставаться в тени «политического переговорного процесса», выдвигая

вперед кандидатуру В.М. Молотова как Народного комиссара по иностранным делам СССР. На всех трех конференциях он предпочел выступать самостоятельно. Многие отмечают его природный дипломатический талант с элементами «восточного коварства», умение выжидать и применять различные уловки. При этом, в силу восточного характера, он был резок и излишне эмоционален. Во всяком случае, он был «мастером политической интриги», и с достоинством вел себя с союзниками, которые фактически выступали против него единым политическим и идеологическим фронтом. Кроме того, европейский и аристократический протокол конференций, который был чужд аскетизму советского периода, был также «проверкой на прочность» для советского лидера. Однако, он стоил с достоинством все выстоять.

В центре внимания Тегеранской конференции были ряд других острых и актуальных вопросов: «Польский вопрос», контуры послевоенного мира, решение о войне СССР с Японией, предоставление независимости Ирану (временно оккупированный СССР и Великобританией) и вхождение в состав СССР трех прибалтийских республик и Восточной Пруссии.

Американская делегация приехала в Тегеран с подготовленной повесткой дня и определенными политическими целями. Рузвельт понимал, что война России с Германией подходит к концу, которая «не стала для немцев прогулкой по бульварам Франции». Ф. Рузвельта волновали, прежде всего, послевоенное урегулирование сложных международных вопросов. На конференции стала вырисовываться своего рода «зона согласия» между Рузвельтом и Сталиным, которая выявила схожесть позиций по ряду вопросов [13]. В частности, по созданию международной организации по безопасности и миру, разоружению побежденных государств, предотвращению новой агрессии со стороны Германии и др. Кроме того, Ф. Рузвельт выступал за торговое сотрудничество с СССР и расширению связей. Сталин поддерживал такую инициативу, отмечая, что «если американцы будут поставлять нам оборудование, но мы сможем поставлять им сырье» [14].

Основные расхождения касались «германского вопроса» и будущего Германии. США предложили расчленить Германию на пять государств — Пруссию, Ганновер, Гессен, Саксонию, Баварию и международную зону (Рур и Саар). СССР придерживался позиции, что этот вопрос нуждается в более глубоком изучении, поскольку расчленение Германии только ослабит ее и приведет к большому количеству беженцев. В свою очередь, Черчилль поддерживал подход США по расчленению Германии, но в другом формате. По его мнению, речь шла об изоляции Пруссии и отделении от Германии южных провинций, которые потом вошли бы в состав Дунайской федерации. Наиболее сложным был вопрос признания западными странами легитимности довоенных границ, затрагивающий интересы безопасности СССР. Здесь с США были также разные позиции [15].

Однако, в целом, советско-американские отношения на конференции в Тегеране продемонстрировали некоторое сближение, и даже взаимную симпатию лидеров. Кроме того, американский Президент остановился в Тегеране в советском посольстве, объясняя это вопросами безопасности и близостью к месту проведения переговоров (Ф. Рузвельт передвигался на инвалидном коляске из-за перенесенного в 20-е годы полиомиелита). Многие эксперты полагают, что, на самом деле, американский президент стремился установить более тесные и конфиденциальные отношения с Й. Сталиным. Тем не менее, для Рузвельта приоритетом всегда были национальные интересы США, но он мог по достоинству оценить своего противника и союзника «в одном лице». Рузвельт считал советского лидера умным и прагматичным политиком, который демонстрировал решимость добиваться национальных интересов страны. Он особенно ценил в Сталине прямой и без «дипломатической витиеватости» подход, а также говорить правду в глаза вплоть до колкостей.

Сталин, со своей стороны, выделял Ф. Рузвельта от всех других мировых политиков, подчеркивая: «Несомненно, из всех капитанов современного капиталистического мира Рузвельт — самая сильная фигура» [16].

Следует учитывать тот факт, что именно Ф. Рузвельт восстановит в ноябре 1933 года дипломатические отношения с СССР, которые до этого находились в состоянии «идеологического коллапса».

Тенденция сближения лидеров США и СССР заметно раздражала У. Черчилля, который считал, что Президент США находится в «кармане у Сталина». Кроме того, он в одинаковой степени ненавидел как германский нацизм, также и социалистический большевизм, которые он рассматривал как «однополюсное зло». Его тактика заключалась в знаменитом принципе римской власти, ставшем классическим ходом в дипломатии — «разделяй и властвуй» (*лат. divide et impera*). Он придерживался позиции, что из двух зол надо оказывать внимание и поддержку тому, что способен победить своего противника. У. Черчилль считал «Адольфа Гитлера хуже дьявола, но был готов с удовольствием посидеть на его разрушенном кресле». Известно, что при нападении Германии на СССР, Черчилль заявил: «Если бы Гитлер вторгся в ад, я по меньшей мере был бы в палате общин положительную характеристику дьяволу». При всей своей ненависти к СССР он внешне с уважением относился к Й. Сталину. Как опытный политик он умело скрывал свои намерения, следуя примеру такого авторитета в мировой дипломатии как Шарль Морис де Талейран, который считал, что «язык дан дипломату для, чтобы скрывать свои мысли». Он довольно прагматично относился к противнику, в том числе к России. Так, в отношении СССР он сказал однажды: «Мы недооцениваем русских. Они берегут свои секреты одинаково и от друзей, и от врагов» [17]. Во время конференции в Тегеране состоялась торжественная церемония вручения У. Черчиллем большого двуручного меча Сталину — в качестве подарка от английского короля Георга VI. Это был дипломатический жест, символизировавший дань уважения героям и героиням легендарного Сталинграда, которые сломали хребет нацистской армии и развеяли миф о ее непобедимости. Свое истинное отношение к СССР было проявлено У. Черчиллем 5 марта 1946 г., когда он в своей Фултонской речи объявит о «железном за-

навесе от Штеттина на Балтике до Триеста на Адриатике» [18].

Если лидеров «Большой Тройки» можно было бы назвать «ситуационными партнерами», то взаимоотношения США и Великобритании — «друзьями по расчету». В целом Черчилль поддерживал идею оказания помощи СССР (операция «Оверлорд»), но в его планах было развитие операции и на Балканах (т.н. «Балканская стратегия»), что более соответствовало интересам Великобритании.

Особую остроту на переговорах в Тегеране принял вопрос об открытии Второй фронта, что в значительной степени волновало советскую сторону. Дело в том, что США и особенно Великобритания не стремились к определенной конкретике в данном вопросе, что вызвало заметное раздражение Сталина. По сути, для СССР это был самый важный вопрос на конференции, за решением которого советская делегация приехала в Тегеран. По мнению Сталина, Советский Союз мог бы завершить войну с Германией самостоятельно, но с больших потерь, прежде всего человеческих жизней. Немало приводится свидетельств о том, что в минуту раздражения Сталин обратился к Молотову со словами: «У нас слишком много дел дома, чтобы здесь тратить время. Ничего путного, как я вижу, у не получается». Возмутимая позиция Сталина заставила союзников принять окончательное решение и начало операции было намечено на май 1944 года [19].

Некоторые различия союзников были проявлены в отношении создания универсальной международной организации — «Объединенные Нации». Так, Рузвельт предлагал создать одну мировую организацию как продолжение Лиги Наций. Сталин же считал, что нужно создать две — европейскую и дальневосточную или мировую. Черчилль полагал, что необходимо иметь три организации — европейскую, дальневосточную и американскую. Рузвельт сделал также предложения по структуре будущей международной организации, которая могла бы состоять из трех органов: Общего органа, Исполнительного комитета (США, Великобритания, СССР, Китай, двух европейских стран, одной латиноамериканской страны, одной страны Средне-

го Востока и одного из британских доминионов), Полицейского комитета (США, СССР, Великобритания и Китай), который будет следить за сохранением мира [20].

Следует остановиться также на еще двух дипломатических пассажах с советской стороны. Первый касается встречи Сталина с молодым шахом Мохаммедом Реза Пехлеви, который добивался приема у каждого из членов «Большой Тройки». Он был удивлен тому, что Сталин сам пришел к нему на прием, что было особенно почтительно воспринималось на Востоке.

Зная о его увлечении авиацией, Сталин преподнес ему в подарок легкий самолет. Этот визит стал важным дипломатическим шагом, что значительной степени упрочило союзнические отношения между СССР и Ираном [21]. Второй пассаж, посвящен подаркам СССР союзникам. К дню рождения У. Черчилля, который отмечался во время конференции 30 ноября, ему была подарена партия армянского коньяка, который он оценил в ходе визита в Москву в 1942 году, а также каракулевая шапка и большая фарфоровая скульптурная группа на сюжет сказки Пушкина «О рыбаке и рыбке» [22]. Рузвельту был подарен крупный лосось как заядлому рыбаку, а также ящик крымского шампанского.

Тегеранская конференция стала первым в истории саммитом лидеров «Большой Тройки» Антигитлеровской коалиции, которая при всех противоречиях союзников приняла важнейшие решения, которые определяли контур будущего мироустройства. Советская делегация смогла добиться открытия Второго фронта в мае 1944 года и завершила союзников в продолжении военных действий против Японии с целью принуждения ее к капитуляции. США были удовлетворены договоренностью о создании международной организации — будущей ООН. Союзники также подписали «Декларацию трех держав об Иране». Кроме того, было положено начало решению ряда других вопросов, в том числе «польского».

Вторая встреча лидеров «Большой Тройки» состоялась в период с 4 по 11 февраля 1945 г. в Ялте, в только что освобожденном от фашистов регионе. Место проведения Ялтинской (Крымской) конфе-

ренции является Ливадия, исторический регион (начиная с XVIII в.), где располагалась императорская летняя резиденция и другие дворцы высшей аристократии России (Юсуповых, Воронцовых и др.).

Ялтинская конференция стала второй, но последней в составе трех великих политиков «Большой Тройки» — Ф. Рузвельта, У. Черчилля и Й. Сталина. Она явила собой апофеоз сотрудничества трех великих держав в годы Второй мировой войны. По значению принятых решений она будет приравнена к заключительной Потсдамской конференции в мае 1945 года. Именно выработанные на этих двух конференциях решения составят контуры нового послевоенного мира — Ялтинско-Потсдамской системы мировой политической системы. Сравнивая все три конференции следует отметить, что, Тегеранская конференция будет посвящена главным образом условиям окончания войны, Ялтинская (Крымская) конференция — послевоенному устройству, а Потсдамская конференция — международным вопросам новой политической системы и судьбе Германии.

Сталин как главный хозяин конференции в Ялте предоставил гостям лучшие места для проживания. Так, делегация США по главе с Ф. Рузвельтом расположилась в Ливадийском дворе (летней императорской резиденции, штаб-квартире конференции), английская делегация во главе с У. Черчилль — в Воронцовском дворце, а сам советская делегация заняла Юсуповский дворец. Как ранее отмечалось, Сталин был природным дипломатом и обладал своего рода «политическим предчувствием». Очевидно осознавая, что это последняя его встреча с Ф. Рузвельтом, он предоставил ему не только самое престижное место для проживания, но и внес некоторые коррективы в дипломатический протокол конференции. Согласно правилам, основной регламент встречи должен вести хозяин, однако Сталин передал эти полномочия — Ф. Рузвельту, выдвигая его на первые позиции на конференции. До начала открытия конференции Сталин проведен личные встречи с Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем, на которых оговорил основные вопросы с союзниками.

Несмотря на то, что Ф. Рузвельт был восхищен Ялтой (Ливадией), он был одновременно потрясен разрушенным немцами Крымом. В своем Послании Конгрессу США, сделанному по итогам конференции, он заявил: «Во время моего пребывания в Ялте я видел примеры безжалостного и бессмысленного яростного разрушения, которое производит германский милитаризм. Не были пощажены даже самые скромные дома. Я читал о Варшаве, Лидице, Роттердаме и Ковентри, однако я видел Севастополь и Ялту, и я знаю, что на земле не могут существовать вместе германский милитаризм и христианская добродетель» [23]. Во время своей беседы со Сталиным 4 февраля 1945 г. он даже сказал, что, «когда он не будет больше президентом, он хотел бы попросить у советского правительства продать ему Ливадию», поскольку он очень любит лесоводство.

Надо также отметить, что Рузвельт и Черчилль приехали в Крым вместе с дочерьми — Рузвельт с Анной, а Черчилль с Сарой.

В отношении дальнейшей судьбы Германии все участники встречи занимались разную позицию. Так, СССР не стремилось к ее расчленению, считая, что необходимо время для более детального обсуждения «германского вопроса». Также, СССР придерживался позиции о проведении открытого специального международного трибунала, тогда как США и Великобритания занимали позиции немедленной расправы без суда и следствия. На конференции в Ялте 9 февраля 1945 года Черчилль заявил, что — «лучше всего было бы расстрелять главных преступников, как только они будут пойманы. Однако, такой подход британского представителя не устраивал СССР, поскольку многие факты и события Второй мировой войны остались бы в тени. Кроме того, юридические последствия такого «судилища» могли бы иметь негативные последствия — расправа над невинными, недоказанность преступлений, «неправомерный суд» узким кругом лиц и т.д. Именно, благодаря позиции СССР состоялся Нюрнбергский Трибунал (с 20 ноября 1945 года по 1 октября 1946 года).

В ходе Ялтинской конференции состоялось 8 заседаний глав правительств и 7 за-

седаний министров иностранных дел. В повестке дня американская делегация больше придавала значение — вопросам международной безопасности, британская — польскому вопросу, а СССР — германскому вопросу.

Среди многих решений конференции следует выделить основные: решение «германского вопроса» (создание 4 оккупационных зон (США, Великобритания, СССР и Франция) и внедрение формулы «3Д»: денацификация, демилитаризация, демократизация), создание Организации Объединенных Наций, принятие решений «о границах в Европе», вопрос о репатриации перемещенных лиц, продолжение СССР войны с Японией, обсуждение «польского вопроса» и др. В Ялте был принят важный документ — «Декларация об освобожденной Европе», которая определила принципы политики победителей на отво-
еванных у противника территориях [24].

В своем Послании к Конгрессу, сделанному Рузвельтом 1 марта 1945 г. он говорил о своей уверенности в том, что благодаря соглашениям, достигнутым в Ялте, Европа будет более стабильной в политическом плане». Это были слова «великого политика», но судьба мира распорядилась иначе.

Сегодня, в Ливадийском дворце открыт Музей, в залах которого расположена экспозиция, посвященная Ялтинской (Крымской конференции) лидеров «Большой Тройки». В 2015 году был установлен памятник трем главным участникам — Ф. Рузвельту, У. Черчиллю и Й. Сталину.

Потсдамская (Берлинская) конференция стала заключительной среди трех встреч «Большой Тройки» и фактически подвела итог принятым решениям. Романтический дух Тегерана и Ялты развеялся как туман, и за столом переговоров сидели — ярые идеологические противники. Вместо Ф. Рузвельта американскую делегацию возглавлял 33-й Президент США Г. Трумэн, который сразу выбрал новый курс на конфронтацию с СССР. Сталин это хорошо понимал, поэтому приехал в Потсдам с опозданием в два дня, объяснив задержку срочными переговорами с китайцами.

Конференция проводилась с 17 июля по 2 августа 1945 года в замке Цицили-

енхоф, бывшей резиденции кронпринца Вильгельма, (последней резиденции прусской династии Гогенцоллернов), которая тогда располагалась в советской зоне оккупации. В трех виллах в привилегированном районе Потсдама (Нойбабельсберг) проживали в главы трех делегаций. Сегодня эти виллы неофициально носят их имена. Так, на вилле Трумэна с 2001 года размещается штаб-квартира Фонда Фридриха Наумана.

Конференция проводилась уже после подписания Акта о безоговорочной капитуляции Германии в Карлхорсте, но в преддверии вступления СССР в войну с Японией.

Замок Цициленхоф идеально подходил для проведения конференции, поскольку состоял из 36 помещений, конференц-зала с тремя отдельными входами. В центре находился большой круглый «переговорный стол» (московской фабрики «Люкс», специально доставленный из СССР). Помещения для делегаций были оформлены в разные тона: советской — в белых, американской — в голубых, а англичан — в розовые. В парке перед замком разбили множество цветных клуб и деревьев. На конференцию приехали большое количество журналистов, чтобы запечатлеть это историческое событие.

В ходе конференции представители США и Великобритании выступали в единой агрессивной манере по отношению к делегации СССР. Причиной такой резкой позиции стало поступившая информации об удачном испытании атомной бомбы, произведенной в США 16 июля 1945 года. Это привело в восторг Г. Трумэна и У. Черчилля, которые считали, что теперь у США есть средство, способное восстановить соотношение сил с Россией. Фактически, именно с этого момента в политический лексикон вошло понятие «ядерная дипломатия». Сталин вел себя достаточно сдержанно и спокойно, столкнувшись с «агрессивным фронтом» США и Великобритании. Стоит отдать должное советскому руководителю, который мог в таких сложных условиях проявлять психологическую выдержку и спокойствие [25].

Решения Потсдамской конференции имели историческое значение, которые

легли в основу Ялтинско-Потсдамской мировой политической системы. Ключевым в повестке дня был «германский вопрос». Согласно принятым решениям, в Германии ожидало полное разоружение, ликвидация всей военной промышленности, а также реформирование политической жизни на основе демократии и мирного сотрудничества. Партия НСДАП, а также ее филиалы и подконтрольные организации подлежали уничтожению и роспуску. Кроме того, Германию планировалось разделить на 4 зоны оккупации и создан контрольные механизмы.

В результате споров между союзниками все уже удалось подписать Специальное соглашение о репарациях, отражающее положение Ялтинской конференции. Советская делегация внесла в повестку дня вопрос о разделе германского флота, оказавшегося в распоряжении Великобритании. У. Черчилль предлагал ограничиться лишь уничтожением подводных лодок Германии, но за исключением новейших образцов. Окончательно решение по этому вопросу было все же отложено.

Важным для СССР стал вопрос о передаче Кенигсберга и прилегающего к нему района, что ранее оговаривалось на Тегеранской конференции. Всеми участниками конференции было одобрено решение признать главных военных преступников международному трибуналу, который состоялся затем в Нюрнберге с 20 ноября 1945 г. по 1 октября 1946 г. (находящийся в американской зоне оккупации). Обсуждались и другие вопросы, которые вошли в официальную программу конференции («польский вопрос», позиция к странам-союзницам нацистской Германии, решения по освобожденным народам, вопрос о предстоящей войне с Японией и др.).

По итогам Потсдамской конференции были подписаны Протокол и Сообщение о Берлинской конференции трех держав, которые заложили юридическую основу принятым решениям [26].

Сегодня открытым является вопрос — насколько результативной была советская дипломатия на трех конференциях «Большой Тройки» в Тегеране, Ялте и Потсдаме? По мнению многих экспертов, советская дипломатия продемонстрировала высокий

уровень организационной подготовки, искусство ведения переговоров, выдержку, компромиссные походы, и, безусловно — максимальный результат, который можно было бы достигнуть, исходя из ситуации того времени.

Печальным является то, что фактически через год мир войдет в новую «холодную войну», которые разделит политическую карту на две части «противоборствующих стран». Причем, все контуры «холодной войны» будут сделаны во время президентства Г. Трумэна (с 1945 по 1953 гг.). Именно он принял решение о бомбардировке японских городов Хиросима и Нагасаки в августе 1945 года. Политика Трумэна была сориентирована на жесткое противостояние СССР и утверждение геополитического лидерства США во всем мире. Причем, сидя за столом переговоров в Потсдаме, Сталин и Трумэн не могли еще знать, что эта конференция станет началом их политического противостояния вплоть до 1953 года. Поскольку, в 1953 году умрет Сталин, а Г. Трумэн покинет свой президентский пост, передав его следующему Президенту США — Д. Эйзенхауэру.

Печальным остается также то, что в современной публичной истории, представленной на Западе и США, эти исторические встречи «Большой Тройки» Антигитлеровской коалиции либо вообще отсутствуют, либо преуменьшается роль участия в них СССР. Стремление многих западных и американских политиков возложить равную с нацисткой Германией роль за развязывание Второй мировой войны — просто противоречит историческим фактам.

Подводя итоги, хотела бы отметить, что историю нельзя написать, поскольку она представляет собой совокупность подтвержденных исторических фактов и событий. К сожалению, в современной время на место истории как академической науки приходит публичная история, основанная на собственных мнениях, порой политизированных, отдельных политиков, журналистов и общественных деятелей.

В заключение, хотела бы отметить следующее. Сложно было бы представить сегодня ситуацию, если бы лидеры «Большой тройки» — Ф. Рузвельт, У. Черчилль

и Й. Сталин смогли ознакомиться с современными публичными заявлениями ряда высоких политиков в Европе относительно роли СССР во Второй мировой войне. Уверена, многое бы их удивило и даже возмутило, в том числе враждебно настроенного к России У. Черчилля.

Список литературы

1. Официальный интернет-портал Музея Белого Дома // <http://www.whitehousemuseum.org/west-wing/roosevelt-room.htm>.
2. Рузвельт Э. Его глазами. — М., 1947. — С. 176–177.
3. Лященко В. В Крыму открыли памятник бывшего президенту США // Официальный портал РИА Новости — <https://ria.ru/20170422/1492866638.html>.
4. BBC News, “100 great British heroes” // <http://news.bbc.co.uk/2/hi/entertainment/2208671.stm>.
5. Сабатин В. (Vittorio Sabadin) Неизвестный Черчилль: шампанское, бифштексы на завтраки и ночи за работой, La Stampa (Италия), 28.07.2018 //, официальный портал иносми.ру — <https://inosmi.ru/social/20180728/242837054.html>.
6. Пульсон К. «Уинстон Черчилль — о ранних годах, великих современниках, русском медведе и английском ослике», 19.10.2011 // официальный портал — «Известия», <https://iz.ru/news/504312>.
7. Торкунов А.В. Великая Победа и мировой исторический процесс // История Великой Победы: в 3-х т. — М.: МГИМО-Университет, 2020. — Т. 1. Канун трагедии. — С. 11–12.
8. Абрахимов П. Дом на Унтер ден Линден. Из истории русского и советского посольств в Берлине, электронная версия книги // <https://wysotsky.com/0009/392.htm>.
9. Яковлев Н.Н. Франклин Рузвельт — человек и политик. — М.: «Международные отношения», 1969. — С. 8.
10. Jenkins R. Churchill: a biography. — 2001. — С. 20–21. — ISBN 0-374-12354-3.
11. Рыбас С.Ю. Сталин. — 2-е изд. — М.: Молодая гвардия, 2010. — (ЖЗЛ) — С. 11.
12. Магадеев И.Э. От Москвы по Тегерану: дипломатия СССР на международных конференциях второй половины 1943 г. // История Великой Победы в 3-х т. / Под ред. А.В. Торкунова. — М.: Изд-во «МГИМО-Университет», 2020. — Т. 3. «Война и Дипломатия». — С. 129–130.

13. Мягков М.Ю. В поисках будущего: американская оценка участия СССР в послевоенном устройстве Европы 1941–1945 гг. // Вестник МГИМО (У) МИД РФ. — 2008. — № 3.
14. Борисов А.Ю. И.В. Сталин — дипломат на конференциях «Большой тройки» в годы Второй мировой войны // История Великой Победы: в 3-х т. / Под ред. А.В. Торкунова. — М.: Изд-во «МГИМО-Университет», 2020. — Т. 3. Война и Дипломатия. — С. 219–221.
15. Материалы Тегеранской конференции 1943 года. Электронная библиотека исторического факультета МГУ // http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/War_Conf/tehran08.htm.
16. Сталин И.В. Беседа с английским писателем Г.Д. Уэллсом 23 июля 1934 г. // Сочинения И.В. Сталина. — М.: Изд-во «Писатель», 1997. — Т. 14. — С. 24–39. — Электронная версия книги // https://c21ch.newcastle.edu.au/stalin/t14/t14_04.htm.
17. Минаев С. Слово сэра. Как остроумие Уинстона Черчилля влияло на мировую политику. // Информационный портал газеты «известия» от 05.01.2018, <https://www.kommersant.ru/doc/3511763>.
18. Тегеранская конференция трех держав. 1943 год.: электронный каталог выставки «Сталин, Черчилль и Рузвельт. Совместная борьба с нацизмом». — Федеральное архивное агентство, 2020 г. // <https://alliance.rusarchives.ru/ru/tegeranskaya-konferenciya-trekh-derzhav-1943?page=2>.
19. Суходеев В.В. Эпоха Сталина: события и люди. Энциклопедия. Наша Родина — Советский Союз. — М.: Изд-во Эксмо, Изд-во Алгоритм, 2004. — С. 292.
20. Запись беседы И.В. Сталина с Ф. Рузвельтом 29 ноября 1943 года в 14 час. 30 мин. // Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. Сборник документов. — М.: Политиздат, 1984. — Т. 2. Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (28 ноября — 1 декабря 1943 г.). — С. 101–105. — 175 с.
21. Магадеев И.Э. Дипломатия Советского Союза на Тегеранской конференции (28 ноября — 1 декабря 1943 г.). Т. XIV. Не стереть и памяти. — С. 250–252. — электронная версия // Официальный портал История.РФ <https://histrf.ru/uploads/media/default/0001/26/d31ea6ee7cec182914631d28722753049bcab37b.pdf>.
22. Советник директора ФСО рассказал о подарке Сталина Черчиллю в Тегеране, 28.11.2018 // Официальный портал РИА Новости — <https://ria.ru/20181128/1533661566.html>.
23. Как Франклин Рузвельт хотел купить себе немного Крыма, 21.04.2017 // Официальный сайт информационного агентства ТАСС — <https://tass.ru/politika/4200956>.
24. Ревякин А.В. Ялтинская конференция: дипломатия и политика // История Великой Победы: в 3-х т. / Под ред. А.В. Торкунова. — М.: Изд-во «МГИМО-Университет», 2020. — Т. 3. Война и Дипломатия. — С. 373–495.
25. Борисов А.Ю. И.В. Сталин — дипломат на конференциях «Большой тройки» в годы Второй мировой войны // История Великой Победы: в 3-х т. / Под ред. А.В. Торкунова. — М.: Изд-во «МГИМО-Университет», 2020. — Т. 3. Война и Дипломатия. — С. 233–235.
26. Борисов А.Ю. Размышления о Потсдаме // История Великой Победы: в 3-х т. / Под ред. А.В. Торкунова. — М.: Изд-во «МГИМО-Университет», 2020. — Т. 3. Война и Дипломатия. — С. 495–539.

В.И. Мусаевдоктор исторических наук,
Санкт-Петербургский институт истории РАН, Санкт-Петербург**ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ
И ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ В ЛИТВЕ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В.****V.I. Musaev**Doctor in Historical Sciences,
St. Petersburg History Institute of the Russian Academy of Science, St. Petersburg
E-mail: vmusaev62@mail.ru**FEATURES OF THE SOCIO-POLITICAL
AND ETHNO-CONFESSIONAL SITUATION IN LITHUANIA
IN THE SECOND HALF OF THE XIX — EARLY XX CENTURY**

Аннотация. Статья посвящена специфике этноконфессиональной ситуации и национального движения в литовских губерниях Российской империи. Социальные и этнические процессы в Литве развивались несколько иначе по сравнению с соседними Латвией и Эстонией. Губернии с литовским населением оставались преимущественно аграрными, крепостное право до 1861 г. здесь не было отменено. В Литве также имела место проблема иноязычного и инокультурного доминирования, в данном случае польского. В то же время, в отличие от латышей и эстонцев, у литовцев память о средневековой государственности оказывала заметное влияние на идентичность формирувавшейся интеллигенции. Особенность литовской ситуации — это особая роль в развитии литовской культуры т. н. Малой Литвы — прусских территорий с литовским населением. В самой Литве своего рода центром национальной идентичности была Жемайтия, северо-западная часть страны, где шляхта была меньше затронута полонизацией и сохраняла литовскую самобытность. В целом литовское национальное движение, развивавшееся во второй половине XIX — начале XX в., при выработке собственной национальной повестки вынуждено было решать двоякую задачу: освобождение от польского культурного доминирования и, в то же время, сопротивление русификаторским тенденциям со стороны имперского центра.

Ключевые слова: Литва, этноконфессиональная ситуация, национальное движение, имперская политика.

Abstract. The article deals with the specifics of the ethno-confessional situation and the national movement in the Lithuanian provinces of the Russian empire. Processes of the social and ethnic development in Lithuania went on somewhat differently as compared to those in Latvia and Estonia. The provinces with the Lithuanian population preserved predominantly agrarian character, the serfdom there had not been abolished until 1861. Lithuania also faced the problem alien cultural and linguistic domination, in that case the Polish one. At the same time, the Lithuanians, unlike the Latvians and the Estonians, kept memory of their medieval statehood which influenced the identity of the forming Lithuanian intellectual strata. Another special feature of the Lithuanian situation was special part, played by so called Lithuania Minor — the Prussian regions inhabited by ethnic Lithuanians — in the development of the Lithuanian culture. In Lithuania proper local identity, different from the Polish one, centered in Žemaitija, the North-Western part of the country, where the local gentry was affected by Polonization to a lesser extent and kept better its ethnic uniqueness. In general, the Lithuanian national movement in the second half of the nineteenth and the early twentieth century in the process of its development faced the twofold task of overcoming the long-term Polish cultural domination and, at the same time, resisting the Russification trends in the policies of the imperial center.

Key words: Lithuania, ethno-confessional situation, national movement, imperial policy.

Развитие национального движения, активизировавшееся на национальных окра-

инах империи с середины XIX в., начало проявляться в те же годы и в Литве. Здесь

оно шло по сценарию, несколько отличному от латышского и эстонского. Исторически понятие «Литва» появилось значительно раньше, чем Латвия и Эстония. Однако административно в составе России территории, населенные литовцами, были раздроблены еще сильнее. В основном они были разделены между Виленской и Ковенской губерниями⁴, причем первая из них охватывала ряд территорий с преобладавшим белорусским населением. Кроме того, литовцы имелись среди населения Гродненской и Сувалкской губерний (на территории последней, составлявшей часть Царства Польского или Привисленского края, литовцы преобладали в ее северной части) и одного из уездов Курляндской губернии (Гробинского). Наконец, литовцы проживали также за пределами Российской империи: в немецкой Пруссии (т.н. Малая Литва). Таким образом, литовское население было разделено между двумя государствами, а в России — между несколькими губерниями, и только в одной из них — Ковенской — оно составляло явное большинство (из уездов Виленской губернии литовцы составляли больше половины населения только в одном — Трокском). Среди литовцев, в качестве субэтноса, выделялись жемайты (жмудь), проживавшие в северо-западной части Ковенской губернии.

Губернии с литовским населением оставались преимущественно аграрными, крепостное право до 1861 г. здесь не было отменено. В Литве также имела место проблема иноязычного и инокультурного доминирования, в данном случае польского. Польское и полонизированное население было весьма значительным в Виленской губернии, тогда как в Ковенской его удельный вес был незначительным и польское культурное влияние ощущалось здесь заметно меньше. В условиях более длительного, по сравнению с Остзейским краем, сохранения крепостнических отношений в Виленской и Ковенской губерниях и преимущественно аграрного характера этих губерний процессы урбанизации здесь не имели активного характера. Соответственно формирование слоя национальной ин-

теллигенции и буржуазии продвигалось медленнее. С другой стороны, у постепенно зарождавшейся литовской интеллигенции имелся собственный стимул для развития национальных идей, отсутствовавший у соответствующего общественного слоя внутри латышского и эстонского этносов, — историческая память о собственной государственности и литовском великодержавии времен князей Ольгерда и Витовта («Литва от моря до моря»). В отличие от латышей и эстонцев, у литовцев память о средневековой государственности оказывала заметное влияние на идентичность формировавшейся интеллигенции.

Следует также учитывать особенности национальной и конфессиональной политики центра. К католицизму в Петербурге традиционно относились более жестко, чем к лютеранству. Между тем с разделами Речи Посполитой католическое население в империи получило существенное прибавление. После третьего раздела Польши под управление русского правительства поступили четыре римско-католические епархии: Виленская, Жмудская (Самогитская), Луцкая и Каменец-Подольская [4, с. 135]. Две из этих епархий находились на территории исторической Литвы, которую, по принятой тогда терминологии, относили, вместе с белорусскими землями, к Северо-Западному краю. Екатерина II стремилась к тому, чтобы обособить католическую церковь в России в деле управления от заграничных властей и подчинить католиков русским учреждениям. По мнению Г.Я. Киприановича, ошибкой императрицы было то, что она оставила в Белоруссии орден иезуитов, ликвидированный папой Климентом XIV в других странах Европы. Она имела в виду сделать этот орден противником папских притязаний на католическую церковь в России, но этот расчет не оправдался. В царствование Александра I католическая религия и ее служители пользовались в России терпимостью и особым покровительством. При Николае I эта политика была пересмотрена, однако император счел возможным пойти на некоторые уступки папскому престолу, чтобы снизить в Риме негативный эффект, вызванный воссоединением униатов в 1839 г. 22 июля 1847 г. был под-

⁴ Ковенская губерния была образована в декабре 1842 г.

писан конкордат с Римом. По конкордату, вместо бывших в России шести римско-католических епархий учреждалось семь епархий, власть католических епископов была усилена, епископы могли быть назначаемы только после предварительного соглашения императора с папой [4, с. 135–147]. В обзоре «По вопросу о римско-католическом духовенстве в Северо-Западном крае», подготовленном в конце 1890-х гг. Департаментом духовных дел иностранных исповеданий МВД, эти факты были прокомментированы так: «К сожалению, положение <...> весьма скоро изменилось, а именно со времени возобновления сношений нашего Правительства с Римской Курией. Как только стало об этом известно, ксендзы фанатики, толкуя это возобновление сношений в смысле заискивания правительства у Папы и рассчитывая на то, что Римская Курия постарается восстановить значение р[имско]-к[атолического] духовенства, подняли головы, начали выказывать менее уступчивости к требованиям правительственной власти и, понемногу, начали пробы по возобновлению своей антиправительственной деятельности» [4, с. 135–147].

Попытки осуществления русификации в Северо-Западном крае начались раньше, чем в трех Остзейских или Прибалтийских губерниях. Это было связано со стремлением сломить польский сепаратизм, особенно после подавления восстаний 1830–1831 и 1863–1864 гг. в Царстве Польском. В частности, уже в 1832 г. был закрыт Виленский университет, ликвидирован Виленский учебный округ и в сфере образования был введен русский язык. Во время последнего польского восстания 1863 г., затронувшего также и Литву, католическое духовенство активно поддерживало восставших. После подавления восстания репрессии, преследовавшие цель парализовать польское влияние в Литве, достигли высшей точки. Их составной частью стало запрещение виленским генерал-губернатором М.Н. Муравьевым издания литовских книг латинским шрифтом [7, р. 121, 159]. Национально ориентированным литовцам, таким образом, приходилось противостоять как полонизации, так и русификации, которая здесь с самого начала

имела более агрессивный характер. Инициированное властями в 1864 г. печатание литовских книг русским шрифтом как альтернатива себя не оправдало: литовское население отказывалось принимать такие книги даже даром. Причины этого явления обер-прокурор Святейшего Синода видел «в поддерживаемых ксендзами опасениях католическо-жмудского населения, несравненно более фанатичного, чем даже поляки, как бы с переходом к русскому шрифту не было соединено посягательства на неприкосновенность его религиозных верований». В то же время и Императорская Академия Наук признала неудобство печатания некоторых звуков литовской речи русскими буквами⁵.

Следующая особенность литовской ситуации — эта особая роль в развитии литовской культуры т.н. Малой Литвы — прусских территорий с литовским населением. Литовская письменность развивалась здесь еще с середины XVI в., а в начале XVIII в. в Кенигсбергском университете была учреждена кафедра литовского языка. Высшее образование здесь было доступнее, чем в России, а условия для выпуска книг и периодических изданий и деятельности обществ — более либеральные. После запрета печатания литовских книг на латинице в России резко выросло значение прусской Литвы как литовского издательского центра. Печатные издания оттуда в массовом масштабе стали переправляться через границу [3, с. 108–110]. Эта печатная продукция порой имела весьма нежелательный для российских властей характер. В отчете о состоянии Ковенской губернии за 1891 г. отмечалось: «В печатаемых в Пруссии и проникающих чрез границу запрещенных изданиях с особенной настойчивостью ведется пропаганда против русских школ и также под тем предлогом, что путем обучения русскому языку правительство желает достигнуть обращения католиков в православие»⁶. Кроме того, по данным виленского, ковенского и гродненского генерал-губернатора, половина всех литовских изданий достав-

⁵ РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 437. Л. 52 об. — 57.

⁶ РГИА. Ф. 1284. Оп. 223. 1892 г. Д. 145. Л. 86 — 86 об.

лялась из Америки, где существовали многочисленные литовские союзы и сообщества. «Следовательно, если бы даже нам удалось добиться прекращения печатания литовских книг во всей Германии, то занимающиеся этим фирмы или отдельные издатели несомненно найдут полную возможность перенести свою деятельность в Голландию или Бельгию, или же усилить издание литовских книг в Америке»⁷. Запрет на использование латинского шрифта в литовском языке был снят в 1904 г., при этом литовская письменность была реформирована. Первое периодическое издание на литовском языке на территории Российской империи — журнал «Lietuvių laikraštis» — начал выходить в Петербурге также с конца 1904 г. [6, с. 63–64, 70].

В самой Литве в первой половине XIX в. особую роль в развитии литовской культуры играла Жемайтия, где шляхта была меньше затронута полонизацией и сохраняла литовскую самобытность. Уроженцем этой области был, в частности, Симонас Даукантас, автор первой книги по истории Литвы. Становлению Жемайтии как центра литовского национального движения препятствовали социально-экономическая отсталость области и заметное отличие местного диалекта от других литовских говоров. В дальнейшем центр литовской активности переместился в северную литовскую часть Сувальской губернии (ставшей частью Российской империи лишь в 1815 г. и включенной в состав Царства Польского). Здесь крепостничество было ликвидировано еще в начале XIX в. Местное крестьянство как более зажиточное, по сравнению с жителями Виленской и Ковенской губерний, обладало большей социальной мобильностью. Сказывалась и близость прусской границы [6, с. 64–67].

Литовская народная культура не создала национального героического эпоса, подобного «Калевале», «Калевипоэгу» или «Лачплесису», что было более свойственно для т.н. «неисторических» народов (у поляков, к примеру, такого рода эпической поэмы также не было). Потребность опереться на героическое прошлое находила удовлетворение в реальных исторических событи-

ях и фигурах, что нашло выражение в подготовке трудов по истории Литвы. Картины героического прошлого Литвы, созданные польскими романтиками, видевшими в Литве своеобразную, но неотъемлемую часть Польши, в сознании литовских националистов приобретали новое и антипольское значение. Причины упадка литовской государственности они видели в подверженности польскому влиянию. В Литве также в известной степени проявились противоречия между более умеренным и более радикальным течением, в чем можно усмотреть некоторые параллели с эстонской ситуацией. К первому можно отнести клерикальные круги, которые негативно относились к попыткам идеализации дохристианского периода истории Литвы.

Сколько-нибудь серьезных нападков на католическую церковь и случаев отхода от нее в Литве все же не было. С другой стороны, к началу XX в. стало набирать силу движение за придание церковным институтам в Литве национального характера и их освобождение от польского влияния, что не могло не восприниматься позитивно центральными властями. Настороженное отношение последних к учреждениям римско-католической церкви было связано в первую очередь с недоверием к ним как к орудию польских национальных интересов. В частности, в обзоре «По вопросу о римско-католическом духовенстве в Северо-Западном крае» говорилось: «Несмотря на столь незначительный польский элемент в Северо-Западном крае, р[имско]-к[атолическое] духовенство, преследующие цели, не имеющие ничего общего с религией, отправляет дополнительное богослужение и произносит проповеди на польском языке, равно требует от населения знания всех молитв тоже на польском языке»⁸. Некоторые ксендзы, из числа «наиболее ярых ополячивателей», даже начали служить литургию на польском языке вместо латинского, что явно противоречило канонам римско-католической церкви. Когда известие об этом дошло до Рима, курия наложила на это запрет. Тогда поляки, чтобы обойти папское запрещение, «ополячили» дополнительное ка-

⁷ РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 437. Л. 53 об.

⁸ РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 312. Л. 135 об.

толическое богослужение и увеличили его за счет главной латинской части [2, с. 57].

Виленский губернатор Д.Н. Любимов в отчете о состоянии губернии за 1907 г. писал: «Преобладающая, если не по количеству, то по захваченному положению, польская национальность отличается изумительной настойчивостью и силой сопротивления всякой попытке денационализации. Поляки не только не отказались, но едва ли когда и откажутся видеть в Литве и Белоруссии область, входящую исключительно в сферу польского влияния и польских культурно-экономических завоеваний, где интересы польской национальности должны быть предпочтены интересам общегосударственным»⁹. Сам Д.Н. Любимов, кстати говоря, за время своего пребывания на посту виленского губернатора (1906–1912 гг.) приобрел репутацию последовательного защитника русских государственных начал, всячески старавшегося не допускать сепаратистских поползновений. Его перевод из Виленской губернии (в апреле 1912 г. он был назначен директором Департамента государственных имуществ Главного управления землеустройства и земледелия) был встречен местным русским обществом с большим сожалением¹⁰.

А.П. Владимирова, автор ряда брошюр, посвященных рассмотрению религиозной ситуации в Северо-Западном крае, писал, что «в Вильне католичество играет более политическую роль, чем религиозную, и католическое духовенство более занимается политикой, чем религией» [2, с. 10]. В другой своей работе он утверждал: «Польские костелы, стоящие среди русского населения Западной России, являются польскими крепостями, в которых засела громадная польская сила, ведущая из них непрестанные наступления на окружающую их русскую народность. Командующие этой силой суть польские ксендзы; их воинства суть костельные братчики, “им же имя — легион”; их оружие — польский язык богослужения, польские молитвы и гимны, польская проповедь и вся

костельная литература. Цель всей этой польско-костельной силы — истребление русской народности в Западной России» [1, с. 45]. В лексиконе официальных лиц и проправительственных публицистов появился такой термин, как «“располячивание” или “располячение” западно-русского костела». Тот же А.П. Владимиров отмечал: «Располячение западно-русского костела есть единственное средство поправить дело православия в северо-западном крае. Пока же будет оставаться здесь, среди русского и православного народа, польский костел, с польским ксендзом и польским языком в молитвах, гимнах, проповеди и всем костельном быте, дотоле все наши усилия поддержать в крае православие будут тщетны» [2, с. 89]. Ковенский губернатор С.П. Суходольский в отчете о состоянии губернии за 1896 г. развивал мысли о том, что «для более успешного обрусения литовцев необходимо прежде всего не допускать ополячивания Литвы и достигать того, чтобы литовец сознавал себя таковым; чтобы он, получив известное образование, не причислял себя, по крайней мере, во втором поколении, к польской народности, потому только, что он католик»¹¹.

Едва ли власти в этой связи намеренно пытались «вбить клин» между поляками и представителями других групп населения Северо-Западного края, прежде всего литовцами, однако проявления подобного рода противоречий вызывали у них не особо скрываемое удовлетворение. А.П. Рогович, преемник С.П. Суходольского на посту ковенского губернатора, в отчете о состоянии губернии за 1899 г. отмечал: «Весьма важным признаком того, насколько, в ущерб польскому культурному влиянию, усилилось литовское движение, является состав нынешнего сельского духовенства Ковенской губернии. Во время мятежа (1863 г. — В.М.) духовенство было польское и явилось деятельным участником мятежного движения. В настоящее время ксендзы из поляков по происхождению составляют незначительное, вымирающее меньшинство, все же сельское духовенство, управляющее совестью на-

⁹ РГИА. Ф. 1284. Оп. Оп. 194. 1908 г. Д. 66. Л. 3 об.

¹⁰ См.: Окраины России. 1912. 14 апреля. № 15. С. 224.

¹¹ РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 240. Л. 69.

рода, дети литовских крестьян. Они все, конечно, говорят по-польски, но крепко держатся за свою национальность, и где в одном приходе служат вместе ксендз поляк и ксендз литвин, они чаще всего плохо уживаются между собою главным образом из-за вопроса о языке <...> Если ныне обсуждать меры для сближения местного крестьянского населения с русской государственностью, то надо считаться в Ковенской губернии вовсе не столько со старым, не имеющим будущности вопросом ополячения массы, сколько с более новым, но живучим и имеющим будущность вопросом литовского движения, то есть самостоятельного племенного и духовного обособления этой массы, которая, по мере своего развития, все с большей сознательностью будет стремиться к развитию родного языка и своей письменности»¹².

Небезынтересны также суждения губернатора А.П. Роговича о национальном вопросе во вверенной его управлению губернии в отчете за 1900 и 1901 гг.: «Литовцы, составляющие все коренное крестьянское население губернии, представляются сплоченной массой, сохранившей в чистоте свой язык и самобытность и только в своих верхах (горожане, духовенство) ополяченную; масса же населения к русской народности не враждебна, но совершенно равнодушна и название “русский” для нее равносильно пока понятию “чужой”. Поляки, т.е. все поземельное дворянство, горожане и мелкая земельная шляхта, Россию и все русское не любят, но привыкли подчиняться русской власти и сознают, что под русским владычеством им живется лучше, чем соплеменным им германским подданным; за исключением мелкой шляхты, местные поляки хорошо говорят по-русски, но в своем домашнем быту ревниво оберегают свой язык и склад жизни. Верить в возможность русско-польского сближения, которое иногда в русской печати выставляется возможным и даже будто бы начавшимся, мне кажется, не следует; русская и польская народности, разобщенные на почве вековой вероисповедной розни, едва ли соединимы. Отдельные проявления таких попыток со стороны поляков

должны быть оцениваемы по достоинству, как доказательство их благоразумия и правильного сознания собственной пользы, но я думаю, что русская правительственная власть не может пока еще соразмерить свои действия и мероприятия с мыслью о возможности такого сближения»¹³.

Всего по трем губерниям Северо-Западного края насчитывалось 1 709 198 католиков, из них в Ковенской губернии — 828 678 человек, в Виленской — 607 459 и в Гродненской — 273 121¹⁴. Православных в этих же губерниях, составлявших Литовскую православную епархию (до 1900 г., когда территория Гродненской губернии была выделена в отдельную епархию), числилось 1 291 798 человек: 416 96 человек в Ковенской губернии, 384 651 в Виленской и 865 451 в Гродненской [4, с. 98]. Старообрядцев в Литве на тот момент было более 50 000 человек (примерно поровну в Виленской и Ковенской губерниях). Одними из самых высоких по империи в Северо-Западном крае, входившем в т.н. черту оседлости, были численность и удельный вес последователей иудейского исповедания. Общее число евреев (этот термин применялся тогда не в этническом, а в конфессиональном значении) здесь составляло около 820 000 человек. Численность протестантов была равна примерно 75 000 человек, значительное большинство которых — почти 60 000 — проживали в Ковенской губернии [5, с. 229].

Таким образом, национальный и конфессиональный состав населения Северо-Западного края был весьма пестрым. Православные при этом преобладали только в Гродненской губернии, находившейся за пределами той территории, которая, согласно современной классификации, относится к Прибалтике или Балтии. Сравнительно высокая абсолютная и относительная численность православных в Виленской губернии достигалась за счет ее восточных уездов с преобладавшим белорусским населением (Вилейского, Дисненского, Лидского, Ошмянского, отчасти Свенцянского). В Виленском и Трокском уездах преобладали католики, еще более явным их доминирование было в Ковен-

¹² РГИА. Д. 376. Л. 6 об. — 7.

¹³ РГИА. Д. 545. Л. 163 об. — 164.

¹⁴ РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 312. Л. 33.

ской губернии. Впрочем, в Ковенской губернии, несмотря на неблагоприятные условия, позиции православия постепенно укреплялись. Если в 1882 г., по данным губернской статистики, в губернии числилось 30 630 православных, в 1892 г. их насчитывалось уже 40 250 человек¹⁵. Литовская православная епархия, образованная в 1839 г. — раньше, чем Рижская и Финляндская, — находилась в положении, во многом схожем с двумя последними: ее паства составляла на территории своего проживания конфессиональное меньшинство. Отличия состояли в том, что в Литовской епархии православное население в целом было значительно более многочисленным, имелось больше местностей с преобладанием православных жителей, но здесь речь идет опять же о епархии в целом. На территории собственно Литвы общая численность и удельный вес православных были едва ли выше, чем в Латвии, и определенно ниже, чем в Эстонии. При этом конфессиональное размежевание здесь более явно совпадало с этническим.

В целом литовское национальное движение, развивавшееся во второй половине XIX — начале XX в., при выработке собственной национальной повестки вынуждено было решать двоякую задачу: освобождение от польского культурного доминирования и, в то же время, сопро-

тивление русификаторским тенденциям со стороны имперского центра. Это приходилось делать в сложных условиях территориально-административной раздробленности литовского этноса и пестроты этноконфессионального состава населения северо-западных губерний и уездов.

Список литературы

1. *Владимиров А.П.* История располычивания западно-русского костела. — М.: Унив. тип., 1896. — 168 с.
2. *Владимиров А.П.* О положении православия в Северо-Западном крае. — М.: Рус. обозрение, 1893. — 92 с.
3. *Дякин В.С.* Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX — начало XX вв.). — СПб.: ЛИСС, 1998. — 1039 с.
4. *Извеков Н.Д.* Исторический очерк состояния православной церкви в Литовской епархии за время с 1839–1889 г. — М.: печ. А.И. Снегиревой, 1899. — 552 с.
5. *Киприанович Г.Я.* Исторический очерк православия, католичества и унии в Белоруссии и Литве с древнейшего до настоящего времени. — Вильна: тип. И. Блюмовича, 1895. — 236 с.
6. *Швец Л.* От крестьянских этносов к современным нациям // Страны Балтии и Россия: общества и государства. — М.: Референдум, 2002. — 555 с.
7. *Thaden E., ed.* Russia's Western Borderlands. 1710–1870. — Princeton: Princeton univ. press, 1984. — 682 p.

¹⁵ РГИА. Ф. 1284. Оп. 223. 1893 г. Д. 165. Л. 11 об. — 12.

Б.В. Тихонов

адвокат,

Воронежская областная коллегия адвокатов, Воронеж

**МЕХАНИЗМ ПРОВОЗГЛАШЕНИЯ
И СТАНОВЛЕНИЯ НЕЗАВИСИМОГО ГОСУДАРСТВА — УКРАИНА
В УСЛОВИЯХ РАСПАДА СССР**

B.V. Tikhonov

lawyer,

Voronezh Regional Bar Association, Russia, Voronezh

E-mail: boris.tikhonov@mail.ru

**THE MECHANISM OF THE PROCLAMATION
AND FORMATION OF AN INDEPENDENT STATE — UKRAINE
IN THE CONDITIONS OF THE COLLAPSE OF THE USSR**

Аннотация. В статье исследуются особенности механизма провозглашения, становления и признания Республики Украина как субъекта международного права. Были исследованы законодательные акты Украины, на основании которых была провозглашена ее независимость. Рассмотрена проблема соотношения принципов единства и территориальной целостности государства и права наций на самоопределение на примере Республики Украина. Также в статье исследовалась законность выхода Республики Украина из Союза ССР в соответствии с действующим на тот момент союзным законодательством, в том числе юридическая оценка, выраженная законодательным органом Российской Федерации. Исследован процесс признания Республики Украина субъектами международного сообщества, а также рассмотрена проблема признания Украины, провозгласившей независимость в нарушение законодательства Союза ССР. Исследовано законодательство Союза ССР, в частности те нормы, которые были нарушены при выходе Украины. Рассмотрен вопрос о праве автономной территории Украины на самоопределение. Было отмечено нарушение права народа автономной территории Украины на национальное самоопределение при проведении Всеукраинского референдума. Были предложены механизмы уголовно-правового характера, препятствующие процессам, приводящим к распаду государственности, на примере Российской Федерации, государства — правопреемника Союза ССР.

Ключевые слова: международные отношения, Украина, международное право, право на самоопределение, принцип территориальной целостности, Союз ССР.

Abstract. The article examines the features of the mechanism of proclamation, formation and recognition of the Republic of Ukraine as a subject of international law. The legislative acts of Ukraine, on the basis of which its independence was proclaimed, were investigated. The problem of correlation of the principles of unity and territorial integrity of the state and the right of nations to self-determination on the example of the Republic of Ukraine is considered. Also, the article examined the legality of the withdrawal of the Republic of Ukraine from the USSR in accordance with the Union legislation in force at that time, including the legal assessment expressed by the legislative body of the Russian Federation. The process of recognition of the Republic of Ukraine as subjects of the international community is investigated, and the problem of recognition of Ukraine, which declared independence in violation of the legislation of the USSR, is also considered. The legislation of the USSR has been studied, in particular those norms that were violated when Ukraine withdrew. The question of the right of the autonomous territory of Ukraine to self-determination is considered. It was noted that the right of the people of the autonomous territory of Ukraine to national self-determination was violated during the All-Ukrainian Referendum. Mechanisms of a criminal-legal nature were proposed to prevent the processes leading to the collapse of statehood on the example of the Russian Federation, the successor state of the USSR.

Key words: international relations, Ukraine, international law, the right to self-determination, the principle of territorial integrity, Union SSR.

Целью данной статьи является исследование становления Республики Украина как нового субъекта международного права путем выявления последовательных процессов провозглашения независимости и последующего ее признания международным сообществом в условиях системной дезинтеграции, которые имели место в народном хозяйстве, государственном и общественно-политическом устройстве Союза ССР. Но прекращение существования Союза ССР было лишь итогом начатого ранее конфликта центра с республиками, вызванного провозглашением верховенства республиканских законов над союзными в нарушение статьи 74 Конституции СССР 1977 г., где говорилось о приоритете общесоюзных законов над республиканскими.

Документом, послужившим отправной точкой для утверждения Украинского государства, стала Декларация о государственном суверенитете Украины от 16.07.1990 года (далее — Декларация от 16.07.1990). В данном случае влияние оказали дезинтеграционные процессы распада СССР, в частности ранее принятая Декларация о государственном суверенитете РСФСР 12.06.1990 года. Декларацией от 16.07.1990 была провозглашена экономическая самостоятельность Украинского государства. В ней были отражены намерения о создании собственных банковской, финансовой, таможенной и налоговой систем, а также о формировании собственного государственного бюджета и в случае необходимости — собственной денежной единицы. В Декларации от 16.07.1990 указывалась необходимость самостоятельного решения вопросов, связанных с наукой, образованием, культурным и духовным развитием украинской нации. Украинским государством провозглашалось намерение в будущем оставаться постоянно нейтральным государством, не принимающим участия в каких-либо военных блоках и не присоединяющимся к ним. В Декларации от 16.07.1990 провозглашалось право Украины прямой реализации отношений с другими государствами, а именно заключения договоров, обменов дипломатическими, консульскими, торговыми представительствами. В ней говорилось

об основных началах будущей Конституции независимого государства и республиканских законов [6].

На фоне этих процессов Съездом народных депутатов СССР было постановлено о вводе в действие Закона СССР «О всенародном голосовании (референдуме СССР) от 27.12.1990 года», право назначения которого закреплялось за Съездом в ст. 5 вышеуказанного Закона. Проведение референдума о сохранении СССР поддержали 9 из 15 союзных республик, в том числе и Украинская ССР. Итогом референдума от 17.03.1991 года стало то, что 80% проголосовавших высказались за сохранение обновленного Союза, по результатам референдума был разработан новый проект Союзного договора, который должен был быть подписан 20.08.1991 г.

Но его подписание было сорвано политическими событиями августа 1991 года, и вследствие этого первая союзная республика, провозгласившая независимость после провала ГКЧП, была Украина. 24.08.1991 Верховным Советом УССР было принято Постановление о провозглашении независимости Украины, согласно которому «с момента провозглашения независимости действующими на территории Украины являются только ее Конституция, законы, постановления Правительства и другие акты законодательства республики». Тем же днем был принят Акт провозглашения независимости Украины, объявивший о независимости Украины «исходя из права на самоопределение, предусмотренного Уставом ООН и другими международно-правовыми документами».

Рассматривая вопрос о правопреемстве Украины, следует обратить внимание на то, что Законом Украины № 1543-ХІІ «О правопреемстве Украины» от 12.09.1991 г. Украина подтверждает свои обязательства по договорам, заключенным до 16.07.1990 г.

01.11.1991 г. Верховной Радой Украины принята Декларация прав национальностей Украины (далее — Декларация). В ней был закреплён принцип равенства народов и запрета дискриминации по национальному признаку.

До принятия новой Конституции Украины от 28.06.1996 года на территории

Украины действовала Конституция УССР 1978 г., в которую постепенно вносились изменения в части международно-правового статуса Украины. Так, 23.11.1991 года из Конституции исключались такие наименования, как «Украинская Советская Социалистическая Республика» и «Украинская ССР», которые были заменены на «Украина», что противоречило ст. 71 Конституции СССР.

01.12.1991 г. был проведен Всеукраинский референдум (далее — Референдум) в подтверждение Акта провозглашения независимости Украины от 24.08.1991 г., по результатам которого за независимость проголосовали свыше 90% участников референдума, имеющих право голоса, при явке 84,18%. Вопрос законности референдума остается дискуссионным, так как при реализации права народа на самоопределение часто возникает коллизия с другой нормой международного права, а именно права единства и территориальной целостности государства.

По мнению М. Померанса, в концепции ООН о правах народов на самоопределение заложена политика «двойных стандартов», что не позволяет найти консенсус в разрешении такой коллизии [5].

В свою очередь, Ю.Г. Барсегов указал на то, что при территориальном разграничении главную роль играет именно право наций на самоопределение [1].

В частности, в ст. 72 Конституции СССР 1977 г. говорилось о праве свободного выхода каждой союзной республики из СССР. Но порядка реализации этой нормы не было. Только 03.04.1990 года был принят Закон СССР № 1409-І «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР». Статья 3 вышеупомянутого закона определяла, о проведении референдума должен проводиться отдельно по каждой автономии, если таковые имелись в союзной республике. Именно народам автономий принадлежит право самостоятельного решения вопроса о пребывании в Союзе ССР или в выходящей союзной республике, а также на постановку вопроса о своем государственно-правовом статусе. При проведении Всеукраинского референдума отдельный референдум не был проведен в Крымской АССР, что

является прямым нарушением общесоюзного закона.

По мнению В.А. Рыбакова, «СССР как союзное государство обладал элементами конфедеративной формы государственного образования — договоренность, добровольность объединения, равноправие субъектов, право сецессии. Существенным признаком конфедератизма было зафиксированное юридическое право выхода субъектов Союза из состава СССР. Республики, входящие в состав СССР, являлись суверенными и имели право безусловно-го выхода из его состава. Это право ничем не было ограничено. Для его осуществления не требовалось получения согласия ни органов СССР, ни других союзных республик. Это было право на одностороннее расторжение отношений союзной республики с центром» [3].

В.В. Цветков, В.Ф. Сиренко, В.Б. Аверьянов в своей статье «Национальная государственность союзной республики» полагают, что вышеуказанный Закон СССР от 03.04.1990 носит антидемократический характер. По их мнению, в законе в качестве субъекта принятия решения вопроса о выходе союзной республики из состава СССР рассматриваются не граждане республики, а граждане СССР. А кроме того, окончательное право принятия решения о выходе союзной республики принимается не народом, а верховной законодательной властью унитарного государства. Так они посчитали, что законодатель ущемил суверенные права союзной республики [4].

На мой взгляд, Закон СССР от 03.04.1990 в части необходимости проведения референдумов в автономных областях республики не противоречит ни Конституции СССР 1977 г., ни Закону СССР № 1518-1 «О гражданстве СССР» от 23.05.1990 г., в котором говорится об определении гражданства союзных республик именно республиканским законодательством, поэтому субъектом правоотношений по вопросу выхода союзной республики из состава СССР являлись граждане республики, но никак не граждане СССР.

В этой части, на мой взгляд, и просматривается нарушение того что граждане республики (а народы Крымской АССР также

являются гражданами республики) могут также воспользоваться правом самостоятельно решать вопрос о пребывании в Союзе ССР либо в выходящей из Союза республике, чего сделано не было, а следовательно, Всеукраинский референдум не может быть законным. Здесь, по моему мнению, Украиной был нарушен даже принцип равноправия и самоопределения народов, в котором было закреплено право всех народов самим распоряжаться своей судьбой, в том числе и народа Крымской АССР [5]. Поскольку после проведенного в январе 1991 г. референдума о правовом и государственном статусе Крыма автономный статус Крыма был восстановлен, то и народ Крымской АССР имел равные права с народом Украины распоряжаться своей судьбой. По мнению Т.Я. Хабриевой, «в настоящее время каких-либо ясных и четких критериев, оформленных в соответствии с международным правом, по которым новое государство может быть признано или не признано мировым сообществом. Система же, имеющаяся на данный момент, фактически не может никому гарантировать ни национальной целостности государств, ни права наций на самоопределение» [2].

Хотя порядок реализации права свободного выхода из СССР соблюден не был, но ему была придана легитимность путем составления внутреннего законодательства выходящих республик, а кроме того все 15 бывших союзных республик были признаны мировым сообществом сразу после провозглашения ими независимости и представлены в ООН.

В частности, после проведения Всеукраинского референдума Верховная Рада Украины составила обращение к парламентам и народам мира от 05.12.1991 г. для международного признания. В нем говорилось, что внешняя политика Украины будет базироваться на общепризнанных принципах международного права, о готовности присоединения к Парижской хартии и другим документам Совета Европы. От имени Украинского народа было сказано, что Украина не будет ядерной державой и готова присоединиться к Договору 1968 года о нераспространении ядерного оружия. К моменту обращения Украину как новый субъект международ-

ного права признали Польша и Канада. В следующий месяц Украина была признана еще 140 государствами. Кроме того, не стоит забывать о Всесоюзном референдуме о сохранении Союза ССР, по результатам которого в УССР 70,2% граждан проголосовали за сохранение СССР. Так как другого референдума по вопросу существования СССР, кроме как референдума от 17.03.1991 года, не проводилось, то его результаты фактически сохранили юридическую силу, когда была провозглашена независимость Украины. Этому событию была дана политическая оценка депутатами Государственной Думы Российской Федерации в постановлении от 15.03.1996 г. «О юридической силе для Российской Федерации — России результатов референдума СССР 17 марта 1991 года по вопросу о сохранении Союза ССР». В тот же день утратило силу постановление Верховного Совета РСФСР от 12 декабря 1991 года «О денонсации Договора об образовании СССР» постановлением «Об углублении интеграции народов, объединявшихся в Союз ССР». Вышеуказанные постановления, конечно, уже юридически не имели смысла и носили больше политический характер на основе мнения народов, не желающих жить отдельно друг от друга.

Все законодательные акты Украины, которые были рассмотрены в статье, показывают желание Украины получить признание со стороны международного сообщества даже несмотря на многочисленные нарушения законодательства Союза ССР при выходе из Союза ССР. В итоге международное сообщество признало Украину, проигнорировав законодательство государства, из которого она вышла.

Вывод из этого один — современное международное право имеет механизмы для преодоления разногласий между этносами и территориями. Юридические механизмы законного выявления истинной воли народов имеются. Главное — это верховенство и соблюдение прав человека. Такие проблемы часто возникают в многонациональных государствах, и Российская Федерация как правопреемник Союза ССР не исключение. От себя дополню: каждому государству для сохранения своей территории необходимо выяснять мнение каждого

народов о возможности такого сохранения или наоборот, закрепив такое мнение референдумом, а не иными способами. Любое демократическое государство, как выразитель воли народа, должно создавать меры уголовно-правового характера в отношении лиц за действия, направленные на нарушение территориальной целостности, при отсутствии на то согласия народа выходящей территории. Ведь даже в Чехословакии в 1993 году при мирном разделении государства на Чехию и Словакию народы были против разделения, но воля народов была выражена лишь в форме социологических опросов и законодательно не препятствовала разделению республики, следовательно и оснований для применения мер уголовно-правового характера не имелось. В частности, в Российской Федерации, как государстве — правопреемнике Союза ССР, только в 2020 году была введена соответствующая статья в Уголовном кодексе. На мой взгляд, этот механизм, при правильной его работе, поможет избежать экономических и политических потрясений.

Список литературы

1. *Барсегов Ю.Г.* Обязательная сила права народов на самоопределение и средства его обеспечения. — М., 1993.
2. *Хабриева Т.Я.* Современные проблемы самоопределения этносов. — М., 2010.
3. *Рыбаков В.А.* Смешанная форма государственного устройства // Вестник Омского университета. — 2013. — № 4(37).
4. *Цветков В.В., Сиренко В.Ф., Аверьянов В.Б.* Национальная государственность союзной республики. — Киев, 1991.
5. *Буханова А.С.* Коллизия принципов самоопределения народов, территориальной целостности государств и возможные пути ее решения // Право и управление. XXI век. — 2011. — № 4(21).
6. *Дурсунов Р.М.* Особенности международно-правового признания независимой Украины. — Национальный университет «Юридическая академия имени Ярослава Мудрого», 2012.

Е.Б. Фурсова

кандидат политических наук, доцент,

Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва

СЛАВЯНОФИЛЬСКИЙ ВЗГЛЯД НА ПРИБАЛТИЙСКИЙ КРАЙ**E.B. Fursova**

PhD in Political Science, Associate Professor,

Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow

E-mail: efursova2014@yandex.ru

SLAVO-PHILIAN LOOK AT THE BALTIC REGION

Аннотация. В статье рассматривается славянофильская программа политики России в Прибалтике во второй половине XIX века. Славянофильство — первая самостоятельная российская идеология, которая базировалась на анализе русской истории, культуры, национальной ментальности и специфики социального устройства. Концептуальным ядром этих воззрений стала идея о всемирно-историческом призвании русского народа — претворении в жизнь христианских идеалов. Задача цивилизационного развития русского этноса рассматривалась мыслителями данного направления в различных аспектах, в том числе в аспекте социокультурного и административного освоения пространства его формирования. Обеспечение геополитической устойчивости и государственной целостности с точки зрения славянофилов требовало развития русского самосознания и распространения социокультурного влияния государствообразующей нации на территории компактного проживания других народов, поддержки развития национально-го самосознания коренных народов, противодействия влиянию национальных меньшинств. В Прибалтике особое внимание ими уделялось противодействию влиянию немецкого этнического меньшинства, имевшего привилегированное положение в крае в результате завоевания и тяготевшего к прусскому государству. Политическая программа славянофилов в Прибалтике включала в себя требования: проведения крестьянской реформы по общероссийскому образцу и наделения крестьян землей; признания равенства прав коренного населения и русских, проживающих на этих территориях; искоренения сохранившихся привилегий остзейских баронов; устройства государственного управления по единому образцу; введения общероссийского законодательства и системы судопроизводства; распространения русского языка и поддержки православия.

Ключевые слова: славянофильство, национальное государство, империя, этнополитика, культурная и административная автономия, национальное самосознание.

Abstract. The article examines the Slavophil program of Russia's policy in the Baltic states in the second half of the 19th century. Slavophilism is the first independent Russian ideology, which was based on the analysis of Russian history, culture, national mentality and the specifics of the social structure. The conceptual core of these views was the idea of the world-historical vocation of the Russian people — the implementation of Christian ideals. The task of the civilizational development of the Russian ethnos was considered by the thinkers of this trend in various aspects, including in the aspect of socio-cultural and administrative development of the space of its formation. Ensuring geopolitical stability and state integrity from the point of view of the Slavophiles required the development of Russian self-awareness and the spread of the socio-cultural influence of the state-forming nation on the territory of compact residence of other peoples, support for the development of national self-awareness of indigenous peoples, and counteraction to the influence of national minorities. In the Baltic states, they paid special attention to counteracting the influence of the German ethnic minority, which had a privileged position in the region as a result of the conquest and gravitated towards the Prussian state. The political program of the Slavophiles in the Baltics included the following requirements: the implementation of the peasant reform according to the all-Russian model and the allotment of land to them; recognition of the equality of rights of the indigenous population and the Russians living in these territories; the eradication of the surviving privileges of the Eastsee barons; state administration

structure based on a single model; the introduction of all-Russian legislation and the judicial system; the spread of the Russian language and support for Orthodoxy.

Key words: Slavophilism, national state, empire, ethnopolitics, cultural and administrative autonomy, national identity.

Решение исторической задачи выхода к Балтийскому морю привело к изменению статуса России на международной арене и появлению новых целей ее внешней и внутренней политики. Присоединение прибалтийских территорий в первой четверти XVIII века открывало для России новый имперский этап государственного строительства и ставило задачу выстраивания механизма управления ими и интеграции в общероссийское экономическое, политическое и культурное пространство.

Положения Ништадтского мирного договора между Россией и Швецией, заключенного 30 августа 1771 года, реализовывали подход, отвечающий геополитическим целям нарождающейся империи. В них закреплялся принцип политической и культурной автономии: сохранялась система местного самоуправления и признавались права протестантской церкви. Одновременно в документе оговаривались и права «веры греческого исповедания», но она еще долгое время не занимала в крае господствующего положения.

Во вновь образованных губерниях формировался т.н. «особый остзейский порядок», когда центральную власть представляли генерал-губернаторы, при которых состояли два советника из местной элиты, и сохранялись органы местного самоуправления поместного дворянства — ландтаги, избиравшие в Эстляндии на трехлетний срок, а в Лифляндии ежегодно постоянно действующие органы — коллегии ландратов. Ландтаги обладали значительными полномочиями, в том числе в области налогообложения и законодательства. Введение новых законов, принимаемых в Российской империи, происходило после регистрации ландтагами. Города управлялись выборными магистратами, возглавляемыми бургомистрами.

В договоре также реализовывалась установка на кооперацию с местными элитами, для чего прибалтийским помещикам гарантировались права на их земельные владения, предусматривался возврат

земли, изъятой в результате проведения шведской королевской властью в 80-е годы XVII века политики редукции, когда дворяне становились арендаторами пожалованных поместий и получали обязанность платить за них налоги, что в свою очередь приводило к ухудшению положения крестьянства; подтверждались права наследования имущества при условии принятия российского подданства (в противном случае предоставлялась возможность продать земли в течение трех лет).

Политика признания верховной российской властью привилегий остзейского дворянства и бюргерства дала свои очевидные плоды — со временем его представители стали играть заметную роль в дипломатическом корпусе, в военном ведомстве, в правительстве, давая основание для утверждений о наличии в нем особой «немецкой партии». Почти до середины XIX века в Прибалтике понятия *Deutsch* (немец) и *Undeutsch* (не немец) использовались как категории, определяющие социальную принадлежность. Понятием *Undeutsch* обозначались крестьяне и низшие слои городского населения, которые преимущественно принадлежали к коренным народам (эстам и латышам), в то время как *Deutsch* использовалось по отношению к лютеранскому духовенству, купцам, ремесленникам — членам соответствующих гильдий и в первую очередь к дворянам, являвшимся потомками тевтонских рыцарей-завоевателей.

Особый остзейский порядок, предусматривавший сохранение немецкого языка как официального для делопроизводства, судопроизводства и образования, сохранение шведского административного деления, практического самоуправления, законов и налогов, обеспечил лояльность населения вновь приобретенных территорий, но вызывал недовольство подданных в коренной России. Так, депутат от дворянства Новосильского уезда Лев Шишков в 1767 году дважды выступал на заседаниях Уложенной комиссии против привилегий

Эстляндии и Лифляндии, исходя из принципа равенства законов для всех граждан, настаивал на необходимости распространения на завоеванные территории законов империи и установления одинаковых налогов и сборов [8, с. 335–377].

Политика России в Остзейском крае характеризовалась стремлением найти баланс между действиями, созидающими и укрепляющими государственную целостность, и необходимостью учитывать региональные особенности национальных окраин для обеспечения ее геополитической устойчивости во взаимоотношениях с соседними государствами и внутривнутриполитической стабильности. В эпоху Екатерины II, провозгласившей политику «обрусения» окраин, были предприняты попытки унификации системы управления государством и создания единого правового пространства. Реформа административного управления 1783 года распространила на эти территории общегосударственную систему судебного и административного управления. Во главе трех губерний стоял генерал-губернатор (наместник), назначаемый императрицей и подотчетный только ей. В каждой губернии был свой губернатор и местная администрация в составе двух экспедиций, одна из которых вела делопроизводство на русском, другая на немецком языках. Верховной властью назначались и председатели высших судебных органов — председатели палат уголовного и гражданского судов.

Упорное противодействие остзейской элиты проводимым реформам привело в правление Павла I к восстановлению автономии и возвращению рыцарских привилегий, затормозив процесс административной унификации и интеграции края в общероссийское пространство и отодвинув его практически на столетие. Вместе с тем необходимо отметить, что региональная специфика, связанная с административной и правовой обособленностью, позволила Александру I реализовать свои реформаторские устремления в сфере ограничения крепостного права — своеобразном социальном эксперименте, осуществленном в Прибалтийских губерниях. Реформа, проведенная под давлением внешнеполитического (опасения крестьян-

ских волнений в свете угрозы наполеоновского вторжения) и экономического (неэффективности барщинного помещичьего хозяйства) факторов привела к изменению правового положения крестьян, признаваемых отныне подданными Российской империи. Подрывая правовую гегемонию немецкого большинства, эти действия верховной власти создавали основу для «тяготения» к ней коренного населения.

До середины XIX века этнополитическая ситуация в Прибалтийских губерниях преимущественно находилась в фокусе внимания государственного аппарата, российское общество было мало знакомо с положением дел на периферии страны. Однако процесс становления русского национального самосознания, его самоопределения в оппозициях к западному, обусловил интерес к ситуации в Прибалтике. Выдающуюся роль в пробуждении этого интереса сыграли мыслители славянофильского направления, прежде всего Ю.Ф. Самарин, который первым сделал видимой для общества проблему нарастающей этнополитической напряженности в Балтийском поморье, и И.С. Аксаков, который в своих изданиях уделял большое внимание исследованию разных аспектов Прибалтийского вопроса. На страницах российской прессы ими велась «полемика об отношениях Балтийских губерний к России, о силе местных так называемых привилегий, о степени обязательности законов, издаваемых правительством, о правах русского языка, о положении русских обывателей края...» [10, с. 19].

Поступив на службу в министерство внутренних дел в 1846 году, Ю.Ф. Самарин по долгу службы столкнулся с остзейскими делами в комитете по устройству быта лифляндских крестьян и в том же году в составе ревизионной комиссии прибыл в Ригу, где пробыл два года, работая в архивах города, изучая городское устройство и ход крестьянской реформы. Результатом его трудов стали «Исторический очерк уничтожения крепостного состояния в Лифляндии», фундаментальная «История города Риги» и «Письма из Риги» — яркий синтез изучения истории и современного устройства, впечатлений от жизни и общения в Риге.

Увидевшие свет в 1848 году «Письма из Риги» произвели в российском обществе ошеломляющий эффект и вызвали негодование государя, усмотревшего в них нападки на правительство, вылившееся в двенадцатидневное заключение автора в Петропавловскую крепость. В этом произведении впервые в русской печати была дана развернутая историко-политическая характеристика Остзейского края, обоснована историческая необходимость присоединения его к России, поставлен вопрос об отношении прибалтийских немцев к России, выпадении этих территорий из общероссийского правового пространства, нарушениях прав местного населения и русских людей в крае, притеснениях православных и противодействии распространению русского языка.

Анализ положения дел в одной из частей Российской империи Самарин проводит со славянофильских позиций, рассматривая государство как национальную целостность, скрепляемую православной верой как средством духовно-нравственного объединения и русским языком как средством межнационального общения. Он ставит своих читателей перед вопросом: «Неужели и у нас считают возможным быть верными подданными русского государя, и в то же время презирать русских, гнушаться русского языка, ненавидеть православие, одним словом, питать враждебное расположение ко всему тому, что составляет лучше достояние народа, а следовательно, и силу правительства?» [9, с. 42].

Представление о России как национальном государстве развивает в своих произведениях и И.С. Аксаков. В первой же статье, посвященной Прибалтийскому вопросу, — «Как понимает Остзейский Немец идеал России» (2 июня 1862) — он полемизирует с остзейской прессой и выступает против идеи империи как совокупности территорий, объединенных фигурой самодержца, выступает против немецкого идеала как воплощения отвлеченной идеи государства вне народности.

Рассматривая воззрения своих оппонентов, публицист приходит к убеждению, что образ России в самосознании остзейских немцев базируется на глубоком,

серьезном и искреннем чувстве этатизма, чувстве верности и преданности их государству, империи, но не русскому народу: «преданные Русскому престолу — они <...> проповедуют в то же время бой на смерть Русской народности; верные слуги Русского государства, они знать не хотят Русской Земли. Для них существует Россия — только как Российская империя, а не как Русь, не как Русская Земля, под защитой которой могут находиться области, населенные и другими народностями» [3, с. 6–7].

На страницах своих периодических изданий — газет «День» и «Москва» — на материале Прибалтийских губерний И.С. Аксаков исследовал различные аспекты проблемы «государства и национальности»: особенно его занимал вопрос «о немецком элементе в России» и его влиянии на самосознание русской нации. Остзейские немцы его интересовали в контексте историософских представлений о предназначении России, противостояния «западной» и «восточной» социокультурной парадигм, как народ, обладающий государственностью вне пределов российской территории, тяготеющий к «материнской» нации и пользующийся ее поддержкой.

Опровергая обвинения в узкой национальной зависти, в клевете, в возбуждении вражды одной части населения против другой, И.С. Аксаков полемизировал с заграничными (преимущественно прусскими), прибалтийскими и проостзейскими петербургскими изданиями, активно противостоял русофобской пропагандистской экспансии. Последовательно развенчивая мифы об «угнетении немцев» в России, невыносимости их существования в условиях «двойного ига варварства и тирании», он указывал на дискриминацию русских в сфере судопроизводства и образования в прибалтийских губерниях, метко подмечал, что и «рассадики немецкой культуры, немецкого просвещения и даже немецких национальных стремлений, — от уездного училища, до университета» здесь содержатся на русские деньги [6, с. 45–46].

Свидетельством отсутствия мнимого притеснения немцев Аксаков считал широкое представительство людей этой национальности во всех структурах государ-

ства «от низшей до самой высшей сферы управления». Мыслитель-славянофил не мог согласиться с позитивной оценкой, данной крупным остзейским чиновником В. фон Бокком, проникновению германского элемента в русские органы управления, названному им «немецкой водой в русском вине», считал его причиной «парализации национальных стремлений русского государственного организма» [4, с. 70–78].

«Онемечивание» российских элит славянофилы рассматривали как следствие петровских преобразований, исказивших, по их мнению, русскую государственность. «Немецкие чины и прозвания, немецкий язык в изданиях Академии, не русский язык в дипломатических документах, не русский, а немецкий строй администрации, немецкие канцелярские порядки даже в области церковного управления, во главе которого стоит Святейший Синод с обер-прокурором и обер-секретарями, изгнание Русского языка из домашнего и светского употребления в высших общественных сферах», немецкое название русской столицы — вся эта чужая форма препятствовала развитию русского содержания, развитию народности, которая является основой единства и целостности государства. Аксаков полагал, что народ, утративший свою духовную целостность и самостоятельность, становится неспособным к влиянию на другие нации и образованию крепкого единого государственного организма. В совокупности условий внешнего и внутреннего развития России в «петербургский» период он видел причины неуспеха процесса «обрусения окраин» [7, с. 379–387].

Предостерегая от попытки решения вопроса о государственном единстве с помощью чисто административных мер, славянофил был убежден в невозможности его отрыва от идеи народности, от развития национального самосознания. В отчуждении русской интеллигенции от своих корней, добровольном ее «онемечивании», падкости на чуждые влияния и авторитеты видел он угрозу гораздо большую, чем в физическом проникновении «немецкого элемента» в население России. И Ю.Ф. Самарин, и И.С. Аксаков считали необходи-

мым не только утверждение в Остзейском крае общероссийского законодательства и структуры управления и судопроизводства, но и широкую поддержку распространения русского языка и православия.

Славянофилы уделяли большое внимание положению крестьянства в Прибалтийском крае, оказавшегося в результате проведенных реформ без земли и в еще более сложном экономическом положении, когда к имевшимся повинностям добавлялись и новые обязанности по договорам аренды. Нищета, жестокие притеснения вынуждали многих крестьян переселяться в другие районы России. Экономические причины побуждали многих крестьян к переходу из лютеранства в православие в надежде получить за это земельный надел и независимость от помещика. Важными направлениями славянофильской мысли по Прибалтийскому вопросу стали поддержка крестьянской реформы по российскому образцу 1861 года и борьба против привилегий остзейских баронов, которые рассматривались ими не иначе как пережитки средневековья.

В книге «Окраины России» Ю.Ф. Самарин привел убедительные примеры систематического ущемления прав не только коренного населения Прибалтийского поморья, но и проживающих здесь русских: общественные должности в местном самоуправлении для них на практике недоступны, следствием чего является невозможность отстаивать свои права при любом возникающем конфликте, русский язык не введен в присутственных местах, на нем не осуществлялся образовательный процесс.

Славянофилы полагали, что остзейская элита заслоняет от верховной власти коренное население, в исконном тяготении которого к русской народности они были убеждены. В силу этого, по их мнению, для обрусения прибалтийских окраин государству не нужны были специальные принудительные меры — достаточно поставить барьер принудительному онемечиванию. Ю.Ф. Самарин, исследовавшим обширный фактический материал по истории и настоящему положению латышей и эстонцев в крае, которое он находил «бедственным и угнетенным», была сфор-

мулирована задача поддержки нарождающегося националистического, ориентированного на Россию, движения местного населения.

И.С. Аксаков, много внимания уделивший изучению процесса становления национального самосознания славянских народов, обосновывая необходимость сохранения их языка, традиций и обычаев, национальной культуры в Австрийской империи, распространил эти воззрения и на коренное население Прибалтики. Приветствуя процесс этнического самоопределения прибалтийских народов, он полагал, что народы, не имеющие своей государственности, имеют право на сохранение своей самобытности. Им была предложена трактовка «общечеловеческого принципа национальности», согласно которой каждой «туземной народности», составляющей большинство населения, принадлежит право на свободное развитие и самостоятельность [1, с. 29–30]. В силу данного принципа, в Прибалтийских губерниях немцы, как пришлая народность, должны уступить право господства народности туземного, коренного большинства.

Вместе с тем необходимо отметить, что признание права коренных народов, составляющих большинство населения остзейского края, на противостояние культурно-национальной экспансии господствующего народа-завоевателя, сочеталось в его воззрениях с убеждением в том, что обязанностью господствующего национального большинства является вовлечение в сферу своей культурной жизни всех малочисленных народов, проживающих в пределах его влияния.

В работах позднего периода на страницах «Руси» И.С. Аксаков формулирует принцип российской национальной политики в Прибалтике: «Примирение...враждующих народностей может состояться лишь на нейтральной почве — их общего подчинения единому русскому государственному началу [5, с. 154]. Он приходит к убеждению, что «единственный справедливый способ уравновесить взаимные отношения трех или четырех в крае народностей, это — подчинить их общему имперскому праву, признать для них обязательным общий государственный язык

и общие государственные законы, не касаясь ни их веры, ни народной индивидуальности» [2, с. 167].

Стремление славянофилов привлечь внимание российского общества к проблемам Прибалтийских губерний зачастую шло вразрез с официальной позицией государства, не только не находило поддержки со стороны правительства, но и служило поводом для репрессий: Ю.Ф. Самарин был подвергнут тюремному заключению, публикация серии его статей из «Окраин России» стала поводом для остановки издания аксаковской газеты «Москва». Однако они продолжали свою деятельность, будучи убеждены в том, что «если бы когда-нибудь русское общество повернулось спиной к Прибалтийскому краю, махнуло рукой на Польшу, забыло про Кавказ и Финляндию, отучилось вообще интересоваться своими окраинами, это бы значило, что оно разлюбило Россию как целое. Тот день был бы началом ее разложения» [9, с. XVII].

Славянофильская концепция построения национального государства предполагала не только развитие государствообразующей нации, но и усиленное внимание к жизни других народов, населяющих Россию, учет конкретно-исторических условий, этнических, социокультурных факторов. Политическая программа славянофилов по решению Прибалтийского вопроса, направленная на сохранение государственного единства и целостности, включала в себя требования: проведения крестьянской реформы по общероссийскому образцу и наделения крестьян землей; признания равенства прав коренного населения и русских, проживающих на этих территориях; искоренения сохранившихся привилегий остзейских баронов; устройства государственного управления по единому образцу; введения общероссийского законодательства и системы судопроизводства. Особенное внимание уделяли они распространению русского языка как государственного, организации на нем образования и просвещения, поддержке православия, которое они считали одной из духовных основ русского народа. Следует отметить, что славянофилы не были сторонниками насильственных мер в социокультурных

трансформациях, они говорили лишь о необходимости государственной поддержки естественных процессов «обрусения края».

Список литературы

1. Аксаков И.С. В праве ли прибалтийские Немцы протестовать против реформ русского правительства во имя принципа национальности? // Аксаков И.С. Полн. собр. соч. Т. 6. Прибалтийский вопрос. Внутренние дела России. Введение к украинским ярмаркам. — М.: Типография М.Г. Волчанинова. — 1887. — С. 28–35.
2. Аксаков И.С. Еще об «Окраинах» Ю.Ф. Самарина // Аксаков И.С. Полн. собр. соч. Т. 6. Прибалтийский вопрос. Внутренние дела России. Введение к украинским ярмаркам. — М.: Типография М.Г. Волчанинова, 1887. — С. 167.
3. Аксаков И.С. Как понимает Остзейский Немец идеал России // Аксаков И.С. Полн. собр. соч. Т. 6. Прибалтийский вопрос. Внутренние дела России. Введение к украинским ярмаркам. — М.: Типография М.Г. Волчанинова. — 1887. — С. 3–9.
4. Аксаков И.С. Немецкая вода в русском вине // Аксаков И.С. Полн. собр. соч. Т. 6. Прибалтийский вопрос. Внутренние дела России. Введение к украинским ярмаркам. — М.: Типография М.Г. Волчанинова. 1887. — С. 70–78.
5. Аксаков И.С. О том, что желательно бы иметь в Прибалтийской окраине русский, а не немецкий университет // Аксаков И.С. Полн. собр. соч. Т. 6. Прибалтийский вопрос. Внутренние дела России. Введение к украинским ярмаркам. — М.: Типография М.Г. Волчанинова. — 1887. — С. 138–154.
6. Аксаков И.С. Об угнетении Немцев в России // Аксаков И.С. Полн. собр. соч. Т. 6. Прибалтийский вопрос. Внутренние дела России. Введение к украинским ярмаркам. — М.: Типография М.Г. Волчанинова. — 1887. — С. 41–47.
7. Аксаков И.С. Отчего Россия так мало способна к обрусению своих окраин? // Аксаков И.С. Полн. собр. соч. Т. 1 Славянофильство и западничество. — М.: Типография М.Г. Волчанинова. — 1886. — С. 379–387.
8. Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т. 8: Исторические сведения о Екатерининской Законодательной Комиссии для сочинения проекта Нового Уложения / Собранные и приведенные в порядок Д.В. Поленовым. — СПб., 1871. — 612 с.
9. Самарин Ю.Ф. Сочинения. Т. 7. Письма из Риги и История Риги. — М.: Типография А.И. Мамонтова и К°, 1889. — 659 с.
10. Самарин Ю.Ф. Сочинения. Т. 8. Окраины России — М.: Типография А.И. Мамонтова и К°, 1890. — 624 с.

Н.А. Чичулиндоктор политических наук, профессор,
Институт мировых цивилизаций, Москва**ПУТИ ВОЗМОЖНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ПРИБАЛТИКИ С РОССИЕЙ
(НА ПРИМЕРЕ ЛАТВИИ)****N.A. Chichulin**Doctor in Political Science, Professor,
Institute of World Civilizations, Moscow
E-mail: nikolay.chichulin@yandex.ru**WAYS OF POSSIBLE UNIFICATION OF THE BALTIC STATES WITH RUSSIA
(ON THE EXAMPLE OF LATVIA)**

Аннотация. Данная статья посвящена рассмотрению возможных путей объединения Прибалтики с Россией. На основе исторической справки проводится исследование наличия конфликтного потенциала в отношениях между русскими и политикой нынешнего руководства Латвии. Отмечается, что движение за самоопределение у латышей к началу прошлого века было представлено как националистами, так и социал-демократами. Констатируется, что Первая мировая война и последовавшая за ней гражданская война в России полностью изменили внешнеполитическую конъюнктуру. При этом образовавшийся политический альянс латышских организаций Временный латышский национальный совет стал главной организационной силой этнополитической мобилизации, конечной целью которой должна была стать независимость Латвии. Отмечается, что фашистские группировки и организации присутствовали в общественной жизни с первых лет существования Латвийской Республики. В статье выделены два уровня сопротивления: борьба «национал-коммунистов» и диссидентские движения, активизация и объединение которых с последующей этнополитической мобилизацией произошли во второй половине прошлого века. При этом их последующее разделение началось с появления национально ориентированных движений, когда на первое место вышли вопросы «исторической справедливости» и языковой реформы. В статье обращается особое внимание на то, что общим центром притяжения национально ориентированных движений стал «Национальный фронт Латвии». Политика ассимиляции, реализуемая в течение трех десятков лет в странах Балтии, не обеспечила интеграцию значительной части русского населения. Относительно стабильное экономическое развитие Латвии, возможность выезжать на заработки в страны Западной Европы ограничивают миграционную активность русскоязычных. В статье приводится ряд предложений по возможному достижению позитивного результата в области объединения Прибалтики с Россией.

Ключевые слова: объединение, политический альянс, этнополитика, латышская автономия, советская политика, мобилизация.

Abstract. This article is devoted to the consideration of possible ways of unification of the Baltic States with Russia. Based on historical background, a study is conducted on the presence of conflict potential in the relations between Russians and the policies of the current leadership of Latvia. It is noted that the movement for self-determination among Latvians by the beginning of the last century was represented by both nationalists and Social Democrats. It is stated that the First World War and the subsequent civil war in Russia completely changed the foreign policy situation. At the same time, the former political alliance of Latvian organizations, the Provisional Latvian National Council, became the main organizational force of ethno-political mobilization, the ultimate goal of which was to be the independence of Latvia. It is noted that fascist groups and organizations have been present in public life since the first years of the existence of the Republic of Latvia. The article identifies two levels of resistance: the struggle of the «national communists» and dissident movements, the activation and unification of which with subsequent ethnopolitical mobilization occurred in the second half of the last century. At the same time, their subsequent separation began with the emergence of nationally oriented movements, when issues of «historical justice» and language

reform came to the fore. The article draws special attention to the fact that the «National Front of Latvia» has become the common center of attraction of nationally oriented movements. The policy of assimilation implemented for three decades in the Baltic States has not ensured the integration of a significant part of the Russian population. The relatively stable economic development of Latvia, the opportunity to go to work in Western European countries limit the migration activity of Russian speakers. The article presents a number of proposals for the possible achievement of a positive result in the field of unification of the Baltic States with Russia.

Key words: unification, political alliance, ethnopolitics, Latvian autonomy, Soviet politics, mobilization.

При рассмотрении возможности объединения Прибалтики с Россией и наличия для этого на сегодняшний день предпосылок необходимо дать краткую характеристику проблемы этнической политики (на примере Латвии) и ее последствий, не давая никаких советов и прогнозов.

Данная тема выступления знакома автору не только с теоретической точки зрения.

Во-первых, как гражданин, проживая много лет по соседству с Республиками Прибалтики в составе СССР, автор видел не столько позитивные результаты «добрососедских» отношений народов Прибалтики с гражданами России, сколько негативные (Эстония-1973 год, Литва-Каунас-1972 и т.д.).

Во-вторых, работая на высших должностях в правоохранительных органах, автор достаточно плотно занимался изучением вопросов этнической политики Эстонии, Литвы и Латвии и их последствий.

В-третьих, будучи заместителем губернатора одной из областей Российской Федерации, автор напрямую курировал проблему объединения идентичных наций с титульной, проживающей в области. (Аналогия — народы Прибалтики и России.)

Материал и методика исследования

Исследование путей возможного объединения Прибалтики с Россией проведено с использованием общенаучных методов познания, включающих анализ, синтез, агрегирование.

Приводится историческая справка, на основе которой проводится исследование наличия конфликтного потенциала в отношениях между русскими и политической нынешнего руководства Латвии.

Результаты исследования

Движение за самоопределение у латышей к началу XX века было представлено как националистами, так и социал-демократами. Под националистами понимаются представители консервативной латышской политической мысли, такие как Ф. Вейнбергс и А. Ниедра, которые выступали за равный социальный и политический статус немцев и латышей [8; 10; 11].

Идеалом для части латышских националистов была автономия в составе России (где существует конституционная монархия, с губернатором-латышом во главе).

В период Первой русской революции сторонники латышской автономии вели свою политическую деятельность в Латвийской конституционно-демократической партии (тесно связанной с российскими кадетами).

Сторонники социалистических идей появились позже и не имели полувековой традиции, в отличие от консерваторов, но при этом одними из первых организовались (1904 год) в политическую партию — «Латвийскую социал-демократическую партию». Они сотрудничали и с российскими, и с немецкими социал-демократами.

В составе Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП) они имели права автономии. Их антинемецкая направленность носила исключительно социальный характер, фактически они выступали против немцев, но не призывали к изгнанию немцев из Латвии. В национальном вопросе они поддерживали право наций на самоопределение.

Первая мировая война и последовавшая за ней гражданская война в России полностью изменили внешнеполитическую конъюнктуру [1]. Автономия в составе Российской империи уже не играла

значимую цель в условиях оккупации территории Латвии Германией.

Образованный в 1917 году как политический альянс латышских организаций Временный латышский национальный совет (ВЛНС) стал главной организационной силой этнополитической мобилизации, конечной целью которой должна была стать независимость Латвии.

17 ноября 1917 года латыши, не признав Брест-Литовский мирный договор, создали Латышский народный совет. Спустя год, в ноябре 1918 года, было провозглашено создание Латвийской Республики. В итоге в 1920 году Республика Латвия получила международное признание.

Фашистские группировки и организации в Латвии присутствовали в общественной жизни с первых лет существования Республики, но носили откровенно маргинальный характер. Одна из таких организаций называлась Латышский национальный клуб (ЛНК) и прославилась антисемитскими демонстрациями и уличными столкновениями с социалистами.

Свою популярность латышские фашисты приобрели в начале 1930-х годов. В 1932 году члены «Объединения латышского народа» взяли на вооружение лозунги «Латвия для Латышей!», «Латышам работу и хлеб!». Это была уже полноценная фашистская организация, ориентированная в том числе на тесное сотрудничество с нацистами в Германии.

В период власти нацистов Латвия и Прибалтика осуществляли массовый геноцид еврейского населения. Так, например, в Риге и в окрестностях было убито более 70 тысяч евреев [7].

В советское время место немцев заняло русское (русскоязычное) население. По данным переписей населения, русские, украинцы и белорусы демонстрировали устойчивый демографический рост в населении республики. К 1979 году они в совокупности составляли уже 40% населения. К 1989 году русские составляли большинство населения семи крупнейших городов Латвийской ССР [6].

Сопrotивление советской политике переселения, которое изначально не планировалось как часть этнической политики республики, было более эффективным

со стороны латышской номенклатуры, нежели на диссидентском уровне.

Выделим два уровня сопротивления.

На уровне номенклатуры оно прослеживается в борьбе «национал-коммунистов», которые пытались обязать приезжающих из других республик СССР специалистов выучить в течение двух лет латышский язык. Их главным инструментом стал институт прописки; ссылаясь на дефицит жилищного фонда, они значительно ограничили оформление прописки приезжающим специалистам.

После нейтрализации деятельности «национал-коммунистов» сопротивление ушло на уровень диссидентских движений.

Активизация и объединение двух уровней с последующей этнополитической мобилизацией произошли во второй половине 1980-х годов. Этот процесс прошел две фазы:

- 1) движение за реформы и охрану окружающей среды в Латвийской ССР (1986–1988);
- 2) движение за национальную независимость (1988–1991).

На первой фазе против власти центра и за перемены выступали совместно и русскоязычные, и латыши.

Разделение началось с появления национально ориентированных движений (это уже вторая фаза), когда на первое место вышли вопросы «исторической справедливости» (общественное осуждение «пакта Молотова-Риббентропа») и языковой реформы.

Осенью 1988 года общим центром притяжения национально ориентированных движений стал созданный в это время «Национальный фронт Латвии» [9].

В программе «фронта», с одной стороны, провозглашалось, что «национальные вопросы необходимо решать с учетом прав всех национальностей, проживающих на территории Латвийской ССР, исходя из принципа «национальной справедливости» [2].

С другой стороны, утверждалось, что «латышский народ имеет в республике статус коренной нации, ибо Латвия является исторической территорией латышей, единственным местом в мире, где могут

сохраняться и развиваться латышская нация, латышский язык и латышская культура» [2], в связи с чем необходимо «включить принцип, согласно которому в Советах республики на любом уровне необходимо обеспечить постоянное и не снижаемое большинство мандатов, которые при любой демографической ситуации сохраняются за представителями латышской национальности» [2].

В начале 1989 года у сторонников автономии появились оппоненты, чьи идеи полной независимости получали все большую поддержку среди латышей. Через полгода их усилиями была провозглашена Декларация о суверенитете (это означало, прежде всего, приоритет национальных норм права над союзными), а 4 мая 1990 года была провозглашена независимость Демократической Республики Латвия [9; 10].

Выбрав путь возрождения независимости, утерянной в 1940 году, Латвия разделила население на граждан и «неграждан» республики.

Приоритет латышского языка был закреплён ещё в 1989 году, а в 1992 году русский язык и все остальные получили статус иностранного языка [2].

Закрепление позиций языка не было только декларативным, был создан специальный институт для контроля над реализацией языковой политики — Центр государственного языка. При нём действовала групповая инспекция, которая должна была посещать учреждения, предприятия и организации и привлекать к административной ответственности лиц в случае обнаружения у них недостаточного уровня знания латышского языка.

В сфере образования активная дерусификация началась с 1998 года, когда был принят закон о переводе государственных школ национальных меньшинств и неграждан на преподавание на латышском языке¹.

В 2005 году Латвия ратифицировала Рамочную конвенцию о защите нацио-

нальных меньшинств². При этом в самой республике под национальными меньшинствами понимались «граждане Латвийской Республики, которые отличаются от латышей культурой, языком или религией, которые на протяжении поколений традиционно жили в Латвии и считают себя принадлежащими к государству и обществу Латвии и которые желают сохранять и развивать свою культуру, религию или язык»³.

Исходя из самой формулировки, русское население под статус национального меньшинства не подпадало.

Определённые элементы этнополитики можно видеть и в законодательных мерах правительства Латвии по созданию «единственно верных» трактовок исторических событий. Это, например, декларация «О латышских легионерах во время Второй мировой войны», принятая шестым сеймом Латвии в 1998 году⁴. Документ оправдывал службу латышей в СС и в вермахте. 22 августа 1996 года был принят «закон об оккупации Латвии».

В нём были призывы не только к признанию и осуждению преступлений СССР против Латвии, но и к возмещению Россией, как правопреемницей Советского Союза, материального ущерба, нанесённого «оккупацией».

Упоминаются также и территориальные претензии к России. В дополнение к уже сказанному 12 мая 2005 года был принят закон «Об осуждении осущест-

² Framework convention for the protection of national minorities. — URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&collection=1&nd=203004875&page=1&rdk=0&link_id=12#I0.

³ Рамочная конвенция Совета Европы о защите национальных меньшинств. — URL: <https://www2.mfa.gov.lv/ru/novosti/integracija-obshestva-v-latvii/ramochnaya-konvenciya-soveta-evropy-o-zashite-nacionalnyh-menshinstv>.

⁴ Декларация Сейма Латвийской Республики о латышских легионерах во Второй мировой войне. — URL: <https://www.nacionalaapvieniba.lv/valodas/%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F-%D0%BE-%D0%BB%D0%B0%D1%82%D1%8B%D1%88%D1%81%D0%BA%D0%B8%D1%85-%D0%BB%D0%B5%D0%B3%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%B5%D1%80%D0%B0%D1%85-%D0%B2%D0%BE/>

¹ Как в странах Прибалтики вводили в школах нацменьшинств государственный язык обучения. — URL: <https://news.rambler.ru/baltic/42751076-kak-v-stranah-pribaltiki-vvodili-v-shkolah-natsmenshinstv-gosudarstvennyy-yazyk-obucheniya/>

влявшегося в Латвии тоталитарного коммунистического оккупационного режима СССР»⁵. Согласно данному закону, с России должна быть востребована компенсация за период оккупации.

Специально созданная комиссия в течение десяти с лишним лет занималась подсчетом ущерба и начислила сумму в 186 млрд евро. Разумеется, в счет не были включены затраты СССР на индустриализацию Латвийской ССР.

В 2014 году отрицание оккупации Латвии было приравнено к отрицанию Холокоста. Были приняты поправки к Уголовному закону республики, по которым виновным могло грозить тюремное заключение до пяти лет.

Выводы

Политика ассимиляции, реализуемая в течение 30 лет в странах Балтии, не обеспечила интеграцию значительной части русского населения. Относительно стабильное экономическое развитие Латвии, возможность выезжать на заработки в страны Западной Европы ограничивают миграционную активность русскоязычных.

Численность русских в Латвии с 1989 года (2,663 млн чел.)⁶ по настоящее время сократилась почти в полтора раза (1,854 млн чел.)⁷. В сравнении с цифрами по миграции русскоязычного населения из постсоветских республик Средней Азии и Казахстана они не высоки, это показывает, что большинство русского населения Латвии считают страны Балтии и Европу своим домом и намерены оставаться там впредь, вопреки условиям «этнической демократии».

В результате проведенного исследования необходимо дать ряд предложений по возможному достижению позитивного результата в области объединения Прибалтики с Россией:

- 1) разработать научно обоснованную «Концепцию по достижению позитивного результата». При разработке указанной Концепции необходимо учитывать все реалии современной этнополитической действительности в отношениях Прибалтики с Россией;
- 2) разработать Стратегический план позитивного развития для реализации основных положений Концепции;
- 3) создать рабочую группу (экспертов) из компетентных и заинтересованных специалистов (если в этом будет заинтересованность политиков) для реализации первых двух пунктов предложений;
- 4) создать Комитет по «Содействию объединения Прибалтики с Россией» под руководством члена Государственного Совета РФ, Председателя Политической партии ЛДПР В.В. Жириновского.

Список литературы

1. Акунов В.В. Фрайкоры. Германские добровольческие отряды в 1918–1923 гг. — М.: Издательство «Огни», 2004. — 176 с.
2. Гуцин В.И. К 25-летию народного фронта Латвии // URL: <https://ia-centr.ru/experts/iats-mgu/k-25-letiyu-narodnogo-fronta-latvii-1988-2013>.
3. Гуцин В.И. Русский язык на территории Латвии после 1991 г. // URL: https://ruskiymir.ru/events/docs/Statya_26_11_2017_Victor_Guschin.pdf.
4. История Латвийской ССР: Сокр. курс / Под ред. акад. А.А. Дризула; АН Латв. ССР. Ин-т истории. — 2-е изд., перераб. и доп. — Рига: Зинатне, 1971. — 923 с.
5. Курс советской истории, 1941–1991 / А.К. Соколов, В.С. Тяжельникова; под ред. А.К. Соколова. — М.: Высш. шк., 1999. — 414 с.
6. Манаков А.Г., Чученкова О.А. Изменение национального состава населения Эстонии и Латвии в советский период // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Естественные и физико-математические науки. — 2017. — № 10. — С. 44–60.
7. Этнополитические конфликты и мобилизация в современном мире: постсоветский контекст:

⁵ Глава VII. Унесенные прибоем (3). — URL: <https://www.9may.lv/ru/istoricheskie-materiali/literatura/53/130/>

⁶ Латвия — URL: <https://www.population-pyramid.net/ru/%D0%BB%D0%B0%D1%82%D0%B2%D0%B8%D1%8F/1989/>

⁷ Счетчик населения Латвии. — URL: <https://countrymeters.info/ru/Latvia>.

- коллективная монография / В.А. Ачкасов, А.И. Абалян, А.А. Андреев, А.А. Никифоров. — СПб.: ПХГА, 2021. — 638 с.
8. *Bandrevičs A.* «Frīdrihs Veinbergs un senatora Manaseina revīzija», *Latvijas Sargs* 1924., nr. 125.
9. *Latvijas Valsts arhīvs. Aizvestie: 1949. gada 25. marts.* — Rīga: Nordik, 2007.
10. *Niedras prāva apgabaltiesā.* // *Jaunākās Ziņas.* 1924.g. 18 septembris.
11. *Puriņš Āris.* *Andrievs Niedra. Četri gadi un viss mūžs.* — Rīga: Valters un Rapa, 2005.

Д.Л. Цыбаковдоктор политических наук, доцент,
Академия гражданской защиты МЧС России, Химки

**ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ
МИЛИТАРИЗАЦИИ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА
В XXI СТОЛЕТИИ:
ВЫЗОВЫ ДЛЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ**

D.L. TsybakovDoctor of Political Sciences, Associate Professor,
Academy of Civil Protection of the Ministry of Emergency Situations of Russia, Khimki
E-mail: d413839@yandex.ru

**TRENDS AND PROSPECTS
OF MILITARIZATION OF THE POST-SOVIET SPACE
IN THE XXI CENTURY:
CHALLENGES TO RUSSIA'S NATIONAL SECURITY**

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы влияния милитаризации политики на национальную безопасность и национальные интересы современной России. Анализируется специфика развития милитаризма в условиях постбиполярного мира, на основании чего уточняется субъектный состав современного военно-политического экспансионизма и последствия этого для единого пространства безопасности планеты. Автор проецирует общие тенденции милитаризации мирового сообщества на развитие международных отношений в постсоветском ареале и выявляет особенности воздействия военно-силового фактора на формирование внешнеполитического курса новых независимых государств СНГ и Балтии. Используется методологический инструментарий современной политической науки, основу которого составили сравнительный, исторический, диалектический методы, а также метод контент-анализа. В результате чего формулируются выводы относительно трансформации источников и акторов милитаризации в ближнем зарубежье России в период 1990–2000-х гг. Обосновываются этапы развития военно-политического экспансионизма на постсоветском пространстве, что служит основой для выдвижения развернутых выводов относительно появления вызовов и угроз для политики Российской Федерации в зоне ее традиционных геополитических интересов. Прогнозируется снижение эффективности стратегий межгосударственной интеграции в формате Организации Договора о коллективной безопасности в случае игнорирования Россией и ее союзниками опасностей, детерминированных милитаризацией постсоветского региона.

Ключевые слова: милитаризм, милитаризация, международные отношения, национальная безопасность, СНГ, ОДКБ, постсоветское пространство.

Abstract. The article deals with the problems of the influence of militarization of politics on national security and national interests of modern Russia. The specifics of the development of militarism in the post-bipolar world are analyzed, on the basis of which the subject composition of modern military-political expansionism and its consequences for the unified security space of the planet are clarified. The author projects the general trends of the militarization of the world community on the development of international relations in the post-Soviet area and identifies the peculiarities of the impact of the military-power factor on the formation of the foreign policy of the newly independent CIS and Baltic states. The methodological tools of modern political science are used, which are based on comparative, historical, dialectical methods, as well as the method of content analysis. As a result, conclusions are formulated regarding the transformation of sources and actors of militarization in the near abroad of Russia in the period of the 1990–2000s. The stages of the development of military-political expansionism in the post-Soviet space are substantiated, which serves as the basis for advancing detailed conclusions regarding the emergence of challenges and threats to the policy of the Russian Federation in the zone of its traditional geopolitical interests. It is predicted that

the effectiveness of interstate integration strategies in the format of the Collective Security Treaty Organization will decrease if Russia and its allies ignore the dangers determined by the militarization of the post-Soviet region.

Key words: Militarism, militarization, international relations, national security, CIS, CSTO, post-Soviet space.

Мировое сообщество в XXI столетии продолжает развиваться в условиях нового этапа милитаризации международных отношений. Как указывал на пороге XXI столетия академик В. Серебрянников, в постбиполярном мире вероятно начало новой милитаризации международных отношений, которая неизбежно затронет и страны СНГ [8, с. 232]. Возможность военной политики проникать во все новые сферы социальной действительности констатируется не только в научных разработках, но и в созданных на их основе методологических определениях. Согласно им милитаризация — это не только результат взаимодействия прямо относимых к искусству войны принципов, методов и инструментов, но и трансформация политической системы и общественного сознания с учетом военных интересов [5, с. 376–377]. Особенности мирового порядка, установившегося по завершении «холодной войны» и трансформировавшегося к 2020-м гг., выступают четко выраженная конфликтность и умножение субъектного состава военно-политического противоборства. Поэтому закономерно предположить, что акторы мировой и региональной политики по-прежнему будут использовать потенциал милитаризма в интересах своих геополитических стратегий в многополюсном мире.

Поэтому тема милитаризации политических отношений в ближнем зарубежье России представляется весьма перспективной в контексте анализа состояния национальной безопасности нашей страны и уровня ее защищенности. События, происходящие в ближнем зарубежье России, — вооруженный конфликт на Донбассе, вторая Карабахская война, политическая дестабилизация подавляющего большинства государств-членов ОДКБ — Армении, Белоруссии, Киргизии наглядно свидетельствуют о возрастании значения военно-силового фактора в зоне стратегических национальных интересов Российской Федерации.

Цель данного исследования состоит в исследовании процесса милитаризации постсоветского пространства и детерминированных с его стороны вызовов и угроз национальной безопасности Российской Федерации.

Цель исследования достигается в процессе решения следующего перечня задач:

- определить особенности современного состояния милитаризации международных отношений в эпоху постбиполярного мирового порядка;
- исследовать этапы милитаризации постсоветского пространства и раскрыть специфику этого процесса в период 1990–2020-х гг.;
- сформулировать последствия вызовов со стороны милитаризации ареала СНГ и Балтии для национальной безопасности России и коллективной безопасности ОДКБ.

Достижения указанной в работе цели и решения поставленных задач предполагается достичь при помощи применения релевантного научно-методического инструментария. При проведении исследования были использованы теоретические и практические методы политической науки. В качестве базовых способов решения научных задач, нашедших применение в настоящей статье, назовем исторический метод и компаративистский анализ.

На основе их применения были систематизированы и обобщены теоретические и эмпирические материалы о развитии военно-силового экспансионизма в ареале СНГ и Балтии и в мире в целом. Оценка позиций и намерений ключевых акторов современной милитаризации в настоящей работе проводилась на основе обобщения и контент-анализа документов и материалов средств массовой информации. Использование диалектического метода исследования позволило выявить взаимосвязь между проявлениями милитаризации и состоянием защищенности национальных интересов России на пространстве бывшего СССР.

Результаты исследования

Милитаризация политики выступала неотъемлемым компонентом международных отношений на всем протяжении политической истории планетарной цивилизации. Причем именно в XX столетии, в период мировых войн и противостояния военно-политических блоков во главе с США и СССР, классический милитаризм достиг пика своей эволюции, превратившись в феномен международного масштаба. Еще в советский период отечественные ученые пришли к выводу о двух типах милитаризма — внутреннего и внешнего, причем именно последний трактовался как самостоятельное социальное явление, опиравшееся на мощную и разветвленную инфраструктуру [7, с. 75]. В результате чего в отечественной теории политики утвердилось мнение, что доминирующим параметром милитаризации следует признать ее направленность на внешнюю экспансию.

В свою очередь, отметим, что постбиполярная эпоха продемонстрировала способность милитаризма к мимикрии и трансформациям. Столкнувшись к кризисом своей инструментальной функции на завершающем этапе «холодной войны», движущие силы милитаризации фактически отказались от ее классической модели, основные черты которой оформились в период индустриального общества. В указанное время мировые державы намеренно противопоставляли себя геополитическим конкурентам и всему мировому сообществу, не скрывали нацеленности на стратегию колониальных захватов и территориальных аннексий. Идеологической основой милитаризма того времени являлись теории расового, национального или религиозного превосходства. Отметим, что в постбиполярном мире заявила о себе обновленная версия милитаризации политики. Ее модели, сложившиеся по инициативе элитарных групп постиндустриальных стран, практически не охватывают внутреннюю политику, будучи ограничены рамками либеральной демократии. Однако наряду с этим сохраняется и воспроизводится нацеленность современного милитаризма на внешнюю экспансию.

При этом ее подлинные цели, как правило, маскируются пропагандой защиты общечеловеческих и гуманитарных ценностей или же необходимостью борьбы с международным терроризмом, противодействием распространению оружия массового поражения. В качестве примеров можно назвать интервенции США и НАТО в республиках бывшей Югославии, вторжения западных коалиций в Афганистан и Ирак в период 2000-х гг., свержение законного правительства Ливии в 2011 г., развязывание гражданской войны в Сирийской Арабской Республике. Во всех указанных случаях истинные цели агрессоров маскировались спекуляциями на проблемах защиты и продвижения «общечеловеческих ценностей».

Другой особенностью милитаризма эпохи глобализации признаем транснациональный масштаб политики военно-силового экспансионизма. Процессы милитаризации постбиполярной эпохи интегрируют прежде не связанные между собой субъекты международных отношений, способствуя формированию наднациональных военных структур как иерархического, так и сетевого формата. Именно в данном контексте следует воспринимать вовлечение политических институтов, объединений гражданского общества новых независимых государств СНГ и Балтии в экспансионистские стратегии, реализуемые США и НАТО в ближнем зарубежье России и в других регионах земного шара.

Имеет смысл признать, что та модель милитаризации, которая распространяется на постсоветском пространстве атлантическими державами, в большей мере ориентирована не столько на приготовление к широкомасштабной войне, сколько на ситуацию перманентной конфронтации с государствами, претендующими на статус суверенных политических акторов, — то есть о Россией, КНР, Ираном. Причем приоритетом для политики США и их союзников в постсоветском регионе на протяжении 1990-х — начала 2000-х годов являлось, помимо наращивания собственно военного потенциала, применение экономических, культурных, информационных ресурсов в целях достижения стратегии

внешней экспансии. Этим подтверждается такое отличие постиндустриального милитаризма, как приверженность к косвенным формам насилия и эксплуатация гуманитарных вопросов, темы противодействия терроризму для легитимации своей милитаристской активности.

Равным образом и на постсоветском пространстве истинные цели атлантических держав длительное время камуфлировались под прикрытием пропагандистского воздействия, будучи дополнены экономическим эмбарго и дипломатическим давлением на Россию после воссоединения Крыма и начала вооруженного конфликта на Донбассе 2014 г.

Военный фактор используется США и их союзниками на данном направлении ограниченно, преимущественно в виде поставок вооружений, информации и технологий киевскому режиму, а также посредством организации военно-силовых демонстраций у границ России. При этом на протяжении 2014–2020 гг. в переговорном процессе по урегулированию конфликта представителями Киева и стран Европейского союза неоднократно выдвигались инициативы размещения в Донецкой и Луганской народных республиках миротворческих сил или развертывания «военно-гражданских миссий», «международных полицейских сил» под эгидой ОБСЕ. В данном контексте имеет смысл принять точку зрения П.В. Шамарова, согласно которой Североатлантический союз активно использует формат миротворческих операций для вмешательства во внутренние дела суверенных государств на основе превентивного и подавляющего применения военной силы [10, с. 27].

В фокусе оценки состояния защищенности национальных интересов Российской Федерации в ее ближнем зарубежье следует принимать во внимание наличие в мировой и региональной политике иных моделей военно-политического экспансионизма, нежели модернизированный «гуманизированный» милитаризм. В период второго десятилетия XXI столетия в полной мере проявили себя региональные державы, ориентированные на проведение милитаризации в ее классическом варианте, восходящем к эпохе индустриально-

го общества. Для него характерны опора на массовые армии, накопление и обновление наступательных вооружений и оружия массового поражения, агрессивный курс во внешней политике, оправдываемый националистическими или клерикальными идейными доктринами.

К группе милитаристов-традиционалистов можно отнести развивающиеся государства «второго» и «третьего» миров, предпринимающих попытки утвердить свое влияние в различных геополитических регионах или предупредить внешнее вмешательство в отношении своих национальных интересов. Некоторые из них практикуют в большей степени «оборонительный милитаризм», усматривая в нем преимущественно инструмент сохранения своего национального суверенитета и укрепление международного статуса. Указанный подход характерен для таких государств, как Индия, Алжир, Венесуэла, Вьетнам, а также КНР до начала попыток силового давления в отношении решения тайваньской проблемы. Близкая позиция отличает внешнеполитический курс российского руководства, подкрепляемый моделью «достаточной милитаризации» с целью укрепления своего статуса мировой державы и противодействия зарубежному гегемонизму на пространстве бывшего СССР.

Достаточно активную политику с опорой на потенциал милитаризма проводят правительства КНДР и Иранской Республики. При этом попытки внешнего экспансионизма или просто проведение самостоятельной политики на основе классической модели милитаризации приводили к геополитическим катастрофам таких региональных лидеров, как Ирак, Ливия, Югославия. Уязвимость положения милитаризма индустриального образца заключается в ограниченности ресурсов данной модели и отсутствии коалиционных стратегий, альтернативных по отношению к евроатлантическому милитаристскому альянсу.

Отметим, что многие автократические государства, пребывая в биполярный период в фарватере политики атлантической цивилизации, в XXI столетии разработали собственные экспансионистские форма-

ты, уже не совпадающие с намерениями их былых протекторов. Второе десятилетие XXI века знаменовано интервенциями и продвижением военно-политической инфраструктуры в конфликтогенные регионы, что никак не было согласовано ни с позицией ООН, ни с мнением США и НАТО. В качестве примеров приведем вторжение в Йемен коалиции монархий Персидского залива в 2015 г., поддержку исламистских повстанцев Афганистана со стороны пакистанского руководства, агрессивные акции Израиля в отношении Сирии. Наибольшую активность в попытках установления своей гегемонии сразу в нескольких геостратегических ареалах проявляет Турция после утверждения во главе этой страны персоналистского режима Р. Эрдогана в начале 2000-х гг.

Заметим, что «постиндустриальная» и «индустриальная» модели милитаризации в некотором отношении являются реакцией на более архаичные и антигуманные вариации использования вооруженного насилия в политике.

На основании чего обоснуем, что третью модель современной милитаризации представляют негосударственные национальные, субнациональные и наднациональные субъекты, многие из которых связаны с традициями патриархального общества. Как правило, их появление связано с разрушением авторитарных режимов развивающихся стран, прежде сдерживавших эскалацию конфликтного потенциала доиндустриальных социумов. Поэтому демонтаж милитаристских автократий в большинстве случаев ведет не к формированию демократической государственности, а к реставрации власти когломератов разрозненных военизированных радикальных группировок. Некоторые эксперты приходят к выводу, что военно-стратегические лакуны многополюсного мира способны быть замещены в будущем сотнями парамилитарных и террористических формирований, функционирующих по сетевому принципу. В свою очередь распространение стихийной милитаризации в конфликтогенных ареалах земного шара провоцирует и морально и юридически оправдывает военно-политический гегемонизм со стороны США и их союзников [6, с. 63].

Постсоветское пространство, под которым в настоящей работе понимается территориально-политический ареал бывшего СССР, включая страны СНГ и Балтии, с самого начала оформления своей геополитической конфигурации испытывало на себе воздействие процесса феномена милитаризма — фактически суверенизация новых независимых государств и милитаризация их внутренней и внешней политики неразрывно связаны друг с другом. Причем последний процесс проходил весьма противоречиво и сочетал в себе как умножение числа военных организаций, так и массовое сокращение вооружений, уменьшение численности регулярных армий, конверсию оборонно-промышленного комплекса, ядерное разоружение Украины, Белоруссии и Казахстана, отказ от производства других видов оружия массового поражения. Однако параллельно с этим во многих постсоветских республиках возрождались архаичные проявления политического насилия в форме парамилитарных и иррегулярных группировок, которые и стали основными участниками вооруженных конфликтов периода 1990-х гг.

Социальные противоречия как в столицах новых независимых государств, так и на их национальных окраинах разрешались насильственным путем, что вызвало череду этноконфессиональных конфликтов и государственных мятежей. К началу XXI столетия практически все они были так или иначе локализованы с преобладающим участием миротворческой политики Российской Федерации — так был завершен первый этап милитаризации постсоветского геополитического региона.

Однако на смену ему вскоре пришел второй этап, приходящийся на начало 2000-х гг. и обязанный своим возникновением началу активной военно-политической экспансии атлантических держав на пространстве СНГ и Балтии. Уже не будучи отвлечены, как это было в 1990-е гг., на балканский кризис, США и их союзники по НАТО под предлогом борьбы с международным терроризмом приступили к последовательному продвижению ряда проектов военно-политической интеграции республик бывшего СССР. Именно на этом этапе ими были широко задей-

ствованы технологии и методы политической коммуникации, что позволило атлантистам наладить эффективный диалог с постсоветскими политическими элитами и рядом гражданских институтов, большинство из которых было прямо создано по инициативе из-за рубежа. В указанное время, в 2000–2007 гг., пространство СНГ охватывают т.н. «цветные революции», отличительной чертой которых являлась ставка на внешне мирный по своему выражению протест.

Показательно, что на фоне перманентных политических кризисов и потрясений, один за другим охватывавших столицы новых независимых государств, Организация Североатлантического договора преподносила себя в качестве силового ресурса мировой демократизации и монополиста (в союзе с США) поддержания коллективной безопасности в Восточной Европе. Магистральной линией пронатовской пропаганды в тот период выступала корректировка имиджа этой организации. Теперь НАТО преподносилась не как военный БЛОК, а как международный союз, объединенный на основе так называемого «Альянса ценностей», предназначенного для борьбы за идеалы либеральной демократии.

В большинстве постсоветских стран тогда же постепенно преодолеваются реликтовые вариации милитаризма. Значительную роль в этом для государств — участников ОДКБ сыграло сотрудничество с Российской Федерацией, тогда как другие республики, чем дальше, тем больше укрепляли свою ориентацию на идеи евроатлантизма. Специфическим видом милитаризации становится вовлечение вооруженных сил некоторых стран СНГ в вооруженные конфликты за пределами постсоветского региона. Под эгидой ООН или НАТО многие из них, включая военных из формально союзных России стран — Армении, Казахстана, Киргизии, принимали активное участие в поддержании международных оккупационных режимов в Ираке и в Косово, а украинские миротворцы в нарушение мандата ООН в 2013 г. отметились в военных действиях в Кот-Д'Ивуаре.

Апофеозом этого периода стало принятие в Североатлантический союз прибал-

тийских государств, а также всеобъемлющая милитаризация Грузии, приведшая в итоге к «олимпийской войне» 2008 г. Проявленная российской стороной политическая воля сорвала принятие в НАТО Украины, Молдавии и Грузии, что перевело милитарную стратегию атлантических институтов в более последовательный и косвенный по своему внешнему выражению формат.

В третий период милитаризации — в 2008–2014 гг. — на основе дальнейшего внедрения подконтрольных информационных каналов и ресурсов США и Европейский союз прочно закрепили свое влияние в политических системах новых независимых постсоветских государств, включая и установление тесных и регулярных контактов с их офицерским корпусом и специальными службами. Уверенность в эффективности политической коммуникации Запада с постсоветскими политическими элитами и гражданскими сообществами спровоцировала антироссийский по своим целям государственный переворот в Киеве в феврале 2014 г., обернувшийся масштабным международным кризисом. Воссоединение Российской Федерации и Крыма, а также гражданская война на Донбассе вызвали открытую конфронтацию по линии Запад-Россия, которая положила начало новому этапу милитаризации постсоветского пространства.

После кризиса международных отношений периода 2014–2015 гг. со стороны атлантистов существенно активизировалось проведение информационных кампаний в отношении национальных правительств и государственных коалиций. Концептуальные документы Североатлантического союза предусматривают использование информационных и информационно-психологических средств и технологий для вмешательства в принятие управленческих решений органами власти суверенных государств, ведение контрпропаганды против других стран, контроль над транс национальным киберпространством.

Под влиянием США и НАТО отмечается тенденция милитаризации международной политики Европейского союза, в том числе и в области оборонного строительства. В последние десятилетия стала

реальностью ревизия доктринальных основ информационной политики Европейского союза [2, с. 155], что прямо относится к содержанию Глобальной стратегии безопасности Европейского союза 2016 г. России впервые на доктринальном уровне объявлена источником вызовов европейской безопасности. С другой стороны, признается необходимость «избирательного партнерства» с российской стороной, конкретные параметры и направления которого не установлены.

Таким образом, на протяжении 2014–2020 гг. умножился и стал более обширным субъектный состав милитаристских проявлений в ближнем зарубежье России. Помимо Североатлантического альянса, ведомого интересами Соединенных Штатов, к экспансионистскому курсу оказались привлечены панъевропейские институты, чьи инициативы по введению миротворческих или полицейских сил на линию боевого соприкосновения на Донбассе по сути выступают прикрытием для ликвидации национально-освободительного движения Новороссии. Одновременно с этим декларируется создание консультативно-учебной функции Евросоюза для подготовки вооруженных сил Украины. Несмотря на ограниченность собственно силовых ресурсов «единой Европы», ее лидеры не оставляют попыток по созданию действенных механизмов своей военно-политической интеграции [3, с. 14]. Полигоном для их отработки последовательно избирается в том числе и постсоветский регион.

Другим фактором милитаризации пространства СНГ выступают экспансионистские действия ряда претендентов на региональное доминирование, чего на системной основе не отмечалось до кризиса 2014–2015 гг. Исключением можно назвать политику властей Румынии, которые на протяжении всего постсоветского периода активно навязывали договоренности о военно-силовой интеграции для соседней Молдавии [4, с. 134]. Итогом стало подписание в 2012 г. двустороннего оборонного договора, существенно увеличившего влияние Бухареста на политику обороны и безопасности соседней страны.

За период 2015–2021 гг. отмечены активные и последовательные действия Тур-

ции по распространению своего влияния на ближнее зарубежье России. Обычно их связывают с нацеленностью на реставрацию Османской империи, однако заметим, что Прикаспий и Средняя Азия исторически не входили в пределы колониальных владений Оттоманской порты. Теперь же в орбиту турецкого гегемонизма в разной степени оказались втянуты Азербайджан, а также союзники России по ОДКБ — Киргизия и Казахстан. Помимо международного объединения «Тюркский совет» (Организация тюркских государств), культивируется создание в будущем подчиненной Анкаре т.н. «Армии Турана» с участием ряда стран СНГ [11, с. 84]. В экспертных оценках перспектив данного проекта просматривается вполне аргументированный скептицизм, однако успех в превращении Азербайджана в зависимого военно-политического партнера Анкары и исход Второй Карабахской войны 2020 г. заставляют воспринимать проникновение пантюркистов в зону традиционных интересов России с обоснованными опасениями. Тем более что год от года укрепляется взаимодействие администрации Р. Эрдогана с киевскими властями в военно-технологическом и дипломатическом секторах, включая непризнание воссоединения Крыма и Севастополя с Российской Федерацией.

Определенную экспансионистскую направленность в последние годы отличает и политика Польской Республики на восточном направлении. В целом соответствуя общему курсу НАТО в отношении России, «политический класс» этой страны не оставляет попыток эскалировать напряженность в Восточной Европе с опорой на силовой ресурс. Особенно наглядно это проявилось в период политического кризиса в Белоруссии летом–осенью 2020 г., а также во время беспорядков на польско-белорусской границе в 2021 г. В связи с чем внутри Организации Североатлантического договора отмечается оформление неформальной группы русофобских государств Прибалтики при лидирующей роли Варшавы [1, с. 41].

Кроме традиционных геополитических соперников России в процесс милитаризации вовлечены и новые независимые

государства СНГ, не входящие в военно-политические блоки. Наличие неразрешимых межнациональных конфликтов и цивилизационных расколов детерминирует вооруженные конфликты разных типов на территории Грузии, Азербайджана, Украины, Киргизии, а также вызывает обострение их отношений с непосредственными соседями. Характерная особенность их военной политики — это достаточная автономия по отношению к ведущим акторам милитаризации в лице США и НАТО, даже в случае внешне демонстрируемого признания последних в качестве идеологических и военно-политических сюзеренов.

Приведенный тезис наглядно подтверждается на примере постмайданной Украины. После государственного переворота февраля 2014 г. военная политика киевских властей имеет в своей основе радикальные антироссийскую и русофобскую доминанты. Идеологическая ангажированность отличает доктринальные документы обеспечения обороны и безопасности этой страны, где основным противником обозначена Российская Федерация. Наряду с обвальным ростом военных расходов и численности Вооруженных сил, милитаристские настроения охватили практически все слои общества, когда социально активные граждане в той или иной степени продолжают поддерживать силовую операцию на Донбассе. Ввиду этого, на Украине произошла и не ликвидирована полностью к настоящему времени демонополизация вооруженного насилия, что проявилось в создании парамилитарных организаций весьма широкого спектра — от военизированных националистических и неонацистских группировок до легализованных криминальных сообществ и олигархических «частных армий». После вторых Минских соглашений такие формирования были со временем поглощены официальной военной организацией, однако сохранили свое определенное влияние на реализацию внешнеполитического курса постмайданских властей.

Отметим, что одновременно с постоянно подтверждаемым стремлением «политического класса» Украины вступить в ряды Организации Североатлантиче-

ского договора, президентские администрации в Киеве в период 2014–2021 гг. весьма избирательно относятся к требованиям евроатлантических институтов к реформированию вооруженных сил и системы национальной безопасности страны по натовским стандартам; имеют место попытки саботажа директив альянса и манипулирование его намерениями в деле урегулирования гражданской войны на Донбассе [9, с. 55].

Не будучи связаны формальными союзными обязательствами с ведущими военно-политическими субъектами современного мира, правительства национал-радикалов в странах СНГ представляют, на наш взгляд, основной источник вызовов национальной безопасности России. Именно с их стороны следует ожидать эскалацию напряженности в сфере региональной безопасности, как это уже неоднократно имело место на практике — и во время «олимпийской войны» 2008 г., и во время инцидентов на российско-украинской границе. В случае необходимости тактика Запада по вовлечению Российской Федерации в полномасштабный вооруженный конфликт с большой вероятностью может спровоцировать автократические режимы ближнего зарубежья на открытую агрессию против союзников России или против провозглашенных государственных образований, находящихся под ее патронажем.

Заключение

По результатам проведенного исследования наиболее опасным прогнозом развития международных отношений на постсоветском пространстве представляется совмещение во времени нескольких вариаций военной политики, источником которых выступают евроатлантические организации и наднациональные институты, а также мировые и региональные державы, негосударственные парамилитарные группировки и движения международного масштаба. На основании анализа событийного ряда милитаризации ближнего зарубежья России имеет смысл выделить следующие этапы этого процесса, временные рамки которых охватывают: 1990 — начало

2000-х гг., 2000–2008 гг., 2008–2015 гг., 2015 г. — настоящее время.

Наиболее опасным по своим последствиям для национальной безопасности России следует признать четвертый из выделенных периодов. Именно в указанное время модифицировался субъектный состав военно-политического экспансионизма как в количественном, так и в качественном отношении. Если ранее источником развития милитаризма выступали главным образом внешние акторы, то теперь оформились и укрепили свои позиции адепты военно-политической экспансии и среди государств СНГ — прежде всего в Азербайджане и на Украине. Внешние движущие силы милитаризации, ранее представленные атлантическими державами и НАТО, теперь также нарастили свой субъектный состав. Альтернативную по отношению к политике Запада модель утверждения своего гегемонизма реализует пантюркистское правительство Турции, в недалеком будущем аналогичные действия возможны и со стороны исламистского руководства Афганистана. Дополнительным негативным фактором стала весьма низкая эффективность возможностей Организации Договора о коллективной безопасности по урегулированию международных кризисов в сфере своей ответственности, примерами чего могут служить итоги Второй Карабахской войны 2020 г. и вооруженное противостояние между членами этого объединения — Таджикистаном и Киргизией в 2021 г. Таким образом, приоритетным направлением противодействия милитаризации постсоветского региона для Российской Федерации закономерно может быть избрано укрепление своих позиций на пространстве ОДКБ посредством активизации интеграционных стратегий в сфере коллективной безопасности.

Список литературы

1. Воловой В., Баторшина И.А. Система безопасности в Балтийском регионе как проекция глобального противостояния России и США // Балтийский регион. — 2017. — Т. 9. — № 1. — С. 27–43.
2. Емельянова Н.Н. Европейский союз, вооруженные силы и международное право. — М.: Издат. дом «Юрис Пруденс», 2010. — 185 с.
3. Маклаков М. Военная интеграция Европейского союза // Зарубежное военное обозрение. — 2019. — № 6. — С. 8–14.
4. Малышев Д.В. Молдавия между Западом и Востоком // Международная жизнь. — 2019. — № 2. — С. 129–145.
5. Никонова О.Ю. Инструментализация военного опыта в СССР в межвоенный период // Человек и война. — Война как явление культуры / Редкол. И.В. Нарский, О.Ю. Никонова. — М.: АИФО-XX, 2001. — С. 376–377.
6. Попов И. Война будущего: взгляд из-за океана. Военные теории и концепции современных США. — М.: Транзиткнига-АСТ; Астрель, 2004. — С. 63.
7. Семейко Л.С. Диалектика развития милитаризма и принципы разоружения // Милитаризм и современное общество: Материалы научной конференции / Редкол. Г.А. Арбатов и др. — М.: Международные отношения, 1987. — С. 75.
8. Серебрянников В.В., Дерюгин Ю.И. Социология армии. — М.: ИСПИ РАН, 1996. — 300 с.
9. Цедилина Е.В. Украина и НАТО: евроатлантические перспективы Украины // Россия и новые государства Евразии. — 2018. — № 4. — С. 42–56.
10. Шамаров П.В. Модель трансатлантического миротворчества НАТО // Обозреватель — Observer. — 2019. — № 11. — С. 27–38.
11. Шангараев Р.Н. «Армия Турана» — проект Турции по военной интеграции тюркского мира. Угрозы и перспективы // Обозреватель — Observer. — 2021. — № 7 (378). — С. 70–84.

С.Н. Гончаренкодоктор технических наук, профессор,
НИТУ «МИСиС», Москва**ОБОСНОВАНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ МОДЕЛИ ПЕРЕХОДА
НА НОВЫЕ ПРОЦЕССЫ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ****S.N. Goncharenko**Doctor in Technical Sciences, Professor,
National University of Science and Technology (MISiS), Moscow
E-mail: gsn@misis.ru**JUSTIFICATION OF THE EFFECTIVENESS OF THE IMPLEMENTATION OF THE MODEL OF TRANSITION
TO NEW PROCESSES OF PERSONNEL MANAGEMENT OF AN INDUSTRIAL ENTERPRISE**

Аннотация. Работа посвящена разработке подходов к преобразованию организационной структуры промышленного предприятия, направленных на определение системных взаимосвязей между основными структурными элементами организации, обеспечение слаженного взаимодействия внутренних технологических механизмов, бизнес-процессов, а также основного контингента сотрудников для создания потенциальных возможностей стратегического развития.

Предлагаемая модель базируется на преобразованиях в кадровых процессах, системе управления эффективностью отдельных сотрудников, в процедуре подбора кадров и найма, а также в механизмах обучения и развития производственных и управленческих навыков. В данной модели разработана новая целевая организационная структура, в которой сотрудники и бизнес-процессы ориентированы на решение широкого круга производственных и управленческих задач для обеспечения целенаправленной и эффективной работы предприятия на целевой результат.

Эффективность реализации на предприятии модели перехода на новые процессы управления персоналом показана на примере успешно внедряемой программы преобразований, сосредоточенной на рациональном использовании ресурсов предприятия, определении точек стратегического роста и наличии потенциальных возможностей для сокращения затрат, повышении эффективности производственных процессов, принятии эффективных управленческих решений и оптимизации механизма внутренней отчетности.

Ключевые слова: процессы управления персоналом; целевая организационная структура; профессиональные компетенции; проектная команда; план коммуникаций.

Abstract. This work is devoted to the development of approaches to the transformation of the organizational structure of an industrial enterprise, aimed at determining the systemic relationships between the main structural elements of the organization, ensuring the coordinated interaction of internal technological mechanisms and business processes as well as the main contingent of employees in order to create potential opportunities for strategic development.

The proposed model is based on transformations in personnel processes, the performance management system for individual employees, the recruitment and hiring procedures, as well as in the mechanisms for training and developing production and management skills. In this model, a new target organizational structure has been developed in which employees and business processes are focused on solving a wide range of production and management tasks to ensure targeted and efficient operation of the enterprise for the target result.

The effectiveness of the implementation of the model of transitioning to new personnel management processes at the enterprise is shown on the example of a successfully implemented transformation program focused on the rational use of enterprise resources, identifying points of strategic growth and the presence of potential opportunities for cost reduction, increasing the efficiency of production processes, making effective management decisions and optimizing the mechanism of internal reporting.

Key words: the process of personnel management, target organizational structure, professional competence, project team, communication plan.

Введение. Ведущие промышленные предприятия выходят на уровень международных стандартов ведения бизнеса, что, в свою очередь, предопределяет объективную необходимость обеспечения новых стандартов в создании новых и преобразовании существующих целевых организационных структур [16; 18]. С учетом современных трендов четвертой промышленной революции на предприятиях целенаправленно формируется политика в сфере управления персоналом с приоритетным акцентом на создание нематериальных активов компании. Промышленный бизнес пришел к пониманию необходимости коренного решения кадрового вопроса как одного из действенных способов борьбы с растущей конкуренцией как внутри страны, так и на международном рынке [2; 5; 8; 10].

В этой связи во многих крупных промышленных предприятиях управление персоналом из вспомогательного направления постепенно превращается в одно из ключевых [6]. К базовым функциям кадрового и административного делопроизводства, поиску, подбору и аттестации персонала добавляются разработка и внедрение программ обучения, формирование корпоративной культуры и, наконец, непосредственное участие коллектива профессионалов в стратегическом управлении бизнесом [7]. Такой подход позволяет оценить эффективность работы управления персоналом не только по показателям текучести кадров и по количеству проведенных в единицу времени обучающих мероприятий, но и по соотношению прибыли предприятия к числу постоянных сотрудников [1].

Материалы и методика исследования. В работе предлагается подход к разработке целевой модели формирования организационной структуры промышленного предприятия.

Целью указанной модели является смещение фокуса развития HR-системы управления промышленного предприятия с непосредственного реагирования на планирование и прогнозирование. Основные аспекты данной модели направлены на формирование новой трудовой атмосферы, уровня личной и коллективной ответственности, при котором сознательное нару-

шение или небезопасное поведение будут принципиально неприемлемыми. В этой связи осознание безопасности производственного процесса получило отражение в модели как один из ключевых приоритетов системы управления предприятием.

Развитие промышленного предприятия происходит посредством интеграции в производственную деятельность различных инновационных проектов и программ, направленных на быстрое и существенное повышение производительности труда, коммерческий эффект, высокую долю прироста продуктивности при одновременном снижении затрат на производство [18]. Такие проекты являются информационным базисом для создания единой системы объективного наполнения целевой организационной структуры предприятия необходимыми компетентностными моделями руководителей и специалистов.

Применение единого подхода перехода промышленного предприятия на целевую организационную структуру позволит обеспечить: реализацию стратегических целей; единый подход к выстраиванию целевых бизнес-процессов будущего и реализацию обновленной операционной бизнес-модели; равный доступ работников/кандидатов на замещение должностей в соответствии с их знаниями, навыками и профессиональными качествами; формирование профессионального кадрового состава, включающего перспективных и высококвалифицированных специалистов, обладающих требуемыми для эффективного и результативного исполнения должностных обязанностей образованием, стажем (опытом) работы, профессиональными и личностными качествами; объективность и всестороннюю оценку знаний, навыков и профессиональных компетенций работников/кандидатов, претендующих на замещение должностей/позиций; открытость и доступность информации о переходе на целевую организационную структуру [3; 4].

Для перехода на новую организационную структуру в работе сформированы следующие основные этапы.

Первый, подготовительный, этап включает в себя: создание проектной команды; разработку детального плана перехода

на новую организационную структуру; разработку плана коммуникаций; согласование целевой организационной структуры; другие необходимые подготовительные мероприятия с целью соблюдения требований трудового кодекса.

Второй этап заключается в разработке описаний должностей (должностных инструкций).

В рамках третьего этапа производится оценка уровня соответствия занимаемым должностям (Job matching).

Основная часть

В рамках первого, подготовительного, этапа реализуется несколько следующих базовых шагов. Переход на новую организационную структуру реализуется сформированной проектной командой. Важным элементом проектного подхода являются четкое закрепление зон ответственности и выстроенные коммуникации внутри проектной команды, включающие еженедельные статус-встречи (не реже, чем раз в две недели), где спонсору проекта (лицу, под руководством которого реализуется проект) презентуется статус реализации по основным контрольным точкам проекта. После того как определен подход и сформирована проектная команда, на предприятии разрабатывается детальный план перехода на новую организационную структуру, который включает в себя следующие составляющие: основные этапы проекта и основные мероприятия каждого этапа; закрепление по каждому мероприятию ответственного за реализацию с датой начала и датой завершения мероприятия; контрольные даты по ключевым мероприятиям, являющиеся критическими в ходе реализации проекта (например, дата заседания комиссии, на которое выносятся описания должностей). Далее происходит процесс согласования целевой организационной структуры. Проект целевой организационной структуры рассматривается, в том числе, на предмет оптимального соотношения руководящих и административных должностей и согласовывается с HR-службой предприятия [9; 11; 12].

Перед тем как приступить к переходу на новую организационную структуру,

HR-службе необходимо провести подготовительную работу с целью соблюдения требований трудового кодекса: обеспечить создание согласительной комиссии с целью урегулирования возможных индивидуальных трудовых споров; составить список следующих категорий работников, расторжение трудового договора с которыми не допускается (беременные женщины, предоставившие работодателю справку о беременности; женщины, имеющие детей в возрасте до трех лет; одинокие матери, воспитывающие ребенка в возрасте до 14 лет (ребенка-инвалида до 18 лет); иные лица, воспитывающие указанную категорию детей без матери). Для данной категории работников необходимо предусмотреть индивидуальный план перехода в новую организационную структуру.

В рамках второго этапа разрабатываются описания должностей (должностные инструкции) как основной инструмент управления персоналом промышленного предприятия. Анализ должности — это процесс собственного понимания должности и представление этой информации в такой форме, которая обеспечила бы понимание данной должности другими. В этой связи необходимо выделение следующих ключевых областей.

На уровне предприятия. Исходя из организационной структуры предприятия необходимо определить, в какой области функционирует рассматриваемая должность и какие «услуги» предоставляет внутри и вне предприятия, а также кому непосредственно подчиняется.

По основным видам деятельности. Определение форматов результата деятельности рассматриваемой должности (управленческие, профессиональные, технические виды деятельности).

Наличие свободы действия и ограничений. Рассматриваются основные инструкции, прецеденты, правила, политика или стратегия, на основании которых функционирует должность.

Непосредственная характеристика должностного лица. Определяется квалификация, опыт, навыки и т.д.

В описании должностей/должностных инструкций должно четко прописано, какие цели и задачи стоят перед каждой

должностью и какой профиль профессиональных и личностных компетенций требуется на этой позиции, чтобы успешно достигать КПД должности. Главным принципом составления описания должностей является то, что описание составляется без привязки к текущим должностным лицам и только исходя из целей, функционала и ожиданий по КПД.

Описание должности/должностная инструкция должно включать: цель должности; подчинение согласно организационной структуре; требования по опыту, знаниям, навыкам и компетенциям; основные зоны ответственности; КПД должности.

Для качественной разработки описаний должностей из числа работников предприятия может создаваться экспертная группа, участвующая в работе коммуникационной сессии.

Коммуникационная сессия — мощный инструмент развития предприятия, который обеспечивает качественную подготовку решений, учет особенностей команды и выполнение договоренностей, достигнутых на данной сессии. На предприятии коммуникационные сессии проходят открытым собранием, на котором команда HR обсуждает предстоящие организационные изменения, которые предстоят каждому работнику. В ходе проведения коммуникационных сессий обсуждаются сложные кадровые вопросы, формируется обратная связь по результатам общения и взаимодействия о предстоящих рабочих процессах и изменениях. Кроме того, на сессиях возможны элементы тренинга для обеспечения качественного диалога между сторонами (обучение алгоритму обратной связи, навыкам слушания и пр.) Участие руководителя команды HR всегда обязательно.

Разработка детального плана коммуникаций на предприятии включает в себя перечень коммуникационных мероприятий, направленных на информирование основных заинтересованных лиц. При этом особое внимание оказывается высоко организованным коммуникациям, которые позволят избежать негативного настроения и восприятия проекта, а также снизить уровень личных переживаний у работни-

ков. Важным шагом в составлении плана является определение списка заинтересованных лиц и запланированная коммуникация для каждого из них [13; 14].

На предприятии были применены следующие виды внутренних коммуникаций: организационные, информационные и аналитические. Организационные внутренние коммуникации включают в себя следующие каналы коммуникаций: встречи руководства с коллективом; собрания трудового коллектива; производственные совещания; прием работников предприятия по личным вопросам первыми руководителями и различного рода корпоративные мероприятия.

Информационные внутренние коммуникации включают в себя следующие каналы коммуникаций: корпоративные издания; корпоративный портал; корпоративная социальная сеть; электронные рассылки; мониторы для видеoinформирования; информационные стенды; полиграфическая продукция для внутреннего распространения (буклеты, плакаты и пр.).

Аналитические внутренние коммуникации включают в себя такие каналы коммуникаций, как опросы/анкетирование.

Информация, передаваемая по каналам внутренних коммуникаций, должна быть точной, ясной, своевременной и достоверной. Ответственным за координацию процессов информационных внутренних коммуникаций на предприятии является отдел безопасности. Структурные подразделения, ответственные за отдельные мероприятия в рамках организационных и аналитических коммуникаций, информируют отдел безопасности о предстоящем проведении и по итогам данных мероприятий. Структурное подразделение, иницирующее и организующее внутреннюю коммуникацию, согласует форму, содержание и каналы коммуникаций с отделом безопасности. Для подробного описания процесса создания, организации и развития того или иного канала и вида коммуникаций могут утверждаться памятки, методики. Все внутренние коммуникации осуществляются по плану, сформированному отделом безопасности и утвержденному руковод-

ством предприятия. Структурные подразделения — инициаторы осуществления внутренней коммуникации — заблаговременно вносят свои предложения для формирования данного плана, а также своевременно уведомляют отдел безопасности в случае переноса сроков, отмены/замены мероприятий и иных изменений, которые требуется внести в данный план.

В ходе осуществления организационных внутренних коммуникаций руководство информирует коллектив о результатах деятельности предприятия за истекший период по таким вопросам, как выполнение производственно-экономических показателей; реализация инвестиционных планов; производственные проблемы; выполнение мероприятий коллективного договора и состояние трудовой дисциплины; анализ состояния производственной безопасности на предприятии; обучение, повышение квалификации, подготовка и переподготовка работников; кадровое развитие и оценка персонала, работа с кадровым резервом; социально-бытовые вопросы; новые идеи по оптимизации и улучшению производства, условий труда и др.

Встреча/собрание/совещание/прием руководства работников оформляются протоколом, в котором фиксируются дата встречи, повестка дня, ход обсуждения вопросов, предложения, рекомендации и замечания членов трудового коллектива, принимается решение с указанием сроков и ответственных лиц за их исполнение. Исполнение принятых решений контролируется ответственным структурным подразделением предприятия — инициатором организации мероприятия.

Целью третьего этапа является оценка уровня соответствия занимаемым должностям (Job matching).

Job matching — это сопоставительный анализ и оценка кандидата на соответствие должности с целью выявления его готовности к конкретным требованиям должности и, следовательно, выявления его возможности эффективно выполнять стратегические задачи развития предприятия.

Основным условием перехода к этапу реализации проекта Job matching являются утвержденные описания должностей/должностные инструкции.

Переход на новую организационную структуру осуществляется поэтапно по уровням управления «сверху-вниз», т.е. заполнение организационной структуры проводится поэтапно [15].

Оценка кандидатов основана на следующих критериях: соответствие кандидата требованиям должности, исходя из описания должности и квалификационных требований; анализ личных достижений на основе прошлых оценок эффективности деятельности и/или результатов КПД; личные достижения за последние 3 года (КПД/результаты ежегодной оценки деятельности); оценка компетенций и потенциала.

Этапами Job matching на руководящие и административные должности являются: объявление внутреннего конкурсного отбора на занятие управленческих и административных должностей среди работников предприятия; проведение внутреннего конкурса среди работников (публикация вакансий на корпоративном портале и оповещение работников о вакансиях, сбор откликов от внутренних кандидатов в течение 5 рабочих дней, составление списка кандидатов и анализ поступивших резюме на соответствие квалификационным требованиям в течение 1–3 рабочих дней, проведение собеседований с внутренней комиссией и оформление решения комиссии, уведомление работников об изменении условий трудового договора); проведение внешнего конкурсного отбора в установленном порядке в случае отрицательных результатов внутренних конкурсов.

Важным критерием процесса заполнения организационной структуры является прозрачность на всех этапах подбора, когда каждый работник может подать заявку на интересующую его позицию. На внутреннем портале в обязательном порядке публикуется информация о конкурсе на внутреннюю позицию с правом участия в конкурсе всех работников предприятия при соответствии предъявляемым требованиям позиции. При этом один работник может участвовать не более чем в 2 конкурсных отборах.

Во время заседания созданной внутренней комиссии кандидаты должны быть открыто обсуждены и оценены согласно кри-

териям. В ходе открытой дискуссии члены комиссии также обсуждают сильные стороны и области для развития кандидатов. По итогам собеседования комиссии с работниками предприятия составляется протокол с указанием принятых решений/рекомендаций.

На последующих этапах могут быть разработаны индивидуальные планы развития и карьерный путь кандидата, а также разработаны и даны рекомендации по уровню оплаты труда с привязкой к развитию компетенций.

Комиссия может вынести следующие решения по кандидатам: кандидат готов к (новым) требованиям должности, и возможно изменение действующего оклада; кандидат будет готов в течение 1 года, рекомендуется к назначению на должность с необходимостью разработки индивидуального плана развития с постепенным повышением оклада; кандидат не соответствует требованиям должности и не будет готов в течение 1 года.

В отдельных случаях при внутреннем отборе кандидатов могут быть одновременно рассмотрены работники из кадрового резерва, а также работники, показавшие высокий результат по итогам оценки. При отсутствии на должность кандидатов среди работников предприятия начинается внешний поиск в установленном порядке.

Результат перехода на целевую организационную структуру и основные выводы

На сегодняшний день предприятие открыто к встречам, обсуждениям и конструктивному диалогу. Предприятие стремится к построению долгосрочного сотрудничества с заинтересованными сторонами, основанного на учете взаимных интересов, соблюдении прав и баланса между интересами предприятия, которые включены в ключевые процессы деятельности (процессы управления рисками, человеческими ресурсами, инвестициями и операционной деятельностью, планирования и отчетности).

В ходе проведенного исследования определены основные критерии эффективности и направления формирования

организационной структуры в соответствии с целями функционирования предприятия.

На основе анализа текущей ситуации устойчивое развитие предприятия определяется такими важными факторами, как социальное развитие, экологическая безопасность и поддержка регионов присутствия, которые имеют большой вес и влияние в развитии социальной ответственности предприятия, а также важным является взаимодействие с заинтересованными сторонами, которое подразумевает постоянное развитие, совершенствование практик и процедур.

Предприятие позиционируется как социально ответственная компания, таким образом развитие социальной сферы и реализация социальных проектов являются одним из актуальных приоритетов.

Одним из векторов, сопутствующих реализации программы развития предприятия, является постоянное совершенствование комплекса мероприятий, направленных на улучшение показателей социальной стабильности и обеспечение комфортных социально-трудовых условий производственного персонала.

Основными мероприятиями повышения уровня социальной стабильности являются: обеспечение соответствующих условий труда на производственных объектах; обеспечение специальной одеждой, средствами индивидуальной защиты; поддержание уровня качественного питания; материальное стимулирование работников в соответствии с их квалификацией и производительностью труда; обеспечение повышения квалификации работников; совершенствование системы мотивации; обеспечение благоприятного психологического климата в компании; предоставление качественных медицинских услуг, в том числе медицинское страхование работников; формирование деловых и доверительных взаимоотношений руководства с персоналом; соблюдение условий, предусмотренных коллективным договором; улучшение социально-бытовых условий работников, находящихся на производственных объектах.

Совершенствование комплекса мероприятий, направленных на повышение уровня

социальной стабильности на предприятии, позволит предупредить социальную напряженность, исключить социально-трудовые конфликты, повысить социально-экономическую стабильность и производительность труда на предприятии.

Таким образом, в рамках реализации модели перехода на новые процессы управления персоналом предприятие разработало основные мероприятия, раскрываемые в следующих трех категориях.

Социальные мероприятия: обеспечение социальной стабильности в трудовом коллективе; развитие кадрового потенциала; обеспечение социального спокойствия в коллективе; противодействие коррупции и мошенничеству, урегулирование корпоративных конфликтов и конфликта интересов.

Мероприятия по охране труда и защите окружающей среды: охрана и обеспечение условий труда; охрана окружающей среды.

Мероприятия по экономическому воздействию в регионах присутствия: поддержка социально-экономического развития региона присутствия; процедуры управления закупочной деятельностью в рамках устойчивого развития.

Особое внимание следует обратить на проведение социально-психологической подготовки, цель которой состоит в том, чтобы убедить работников в необходимости не только положительного восприятия изменений в структуре системы управления, но и активного участия в их осуществлении. Эта работа должна проводиться как разработчиками проекта, так и руководителями различных рангов.

Экономическая эффективность совершенствования организационной структуры будет проявляться в повышении качества управленческих решений, оперативности принимаемых решений, сокращении затрат на выполнение управленческих процессов, уменьшении объема информации и других факторах, зависящих от конкретных проектных решений.

Список литературы

1. Вертакова, Ю.В. Кадровая политика как инструмент управления интеллектуальным по-

тенциалом организации / Ю.В. Вертакова, М.Ю. Ланкина // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (Новочеркасского политехнического института). Серия: Социально-экономические науки. — 2015. — № 3. — С. 47–50.

2. Вертакова, Ю.В. Современные проблемы российского менеджмента в условиях инновационной экономики / Ю.В. Вертакова, В.А. Плотников // Современные тенденции развития менеджмента и государственного управления: материалы межрегиональной научно-практической конференции; под ред. А.В. Полянина. — Орел: Изд-во ОФ РАНХиГС, 2016. — С. 11–14.
3. Вертакова, Ю.В. Стимулирование роста производительности труда для интенсификации промышленного производства / Ю.В. Вертакова, И.Ф. Мальцева // Известия Юго-Западного государственного университета. — 2015. — № 6 (63). — С. 93–100.
4. Воскобойников, И.Б. Рост производительности труда, структурные сдвиги и неформальная занятость в российской экономике / И.Б. Воскобойников, В.Е. Гимпельсон // Вопросы экономики. — 2015. — № 11. — С. 30–61.
5. Грищенко, А.И. Научный анализ тенденций инновационного развития национальной и региональной промышленности / А.И. Грищенко, Н.В. Глушак, О.К. Глушак // Вестник Брянского государственного университета. — 2012. — № 3. — С. 179–184.
6. Егоршин, А.П. Организация труда персонала / А.П. Егоршин, А.К. Зайцев. — М.: ИНФРА-М, 2009. — 320 с.
7. Калюгина, С.Н. Управление промышленной компанией на основе формирования социальных стратегий: теория, методология, технологии реализации: дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.05 / Калюгина Светлана Николаевна. — Ставрополь, 2011. — 427 с.
8. Кибалюк, И.В. Методы инновационного развития кадрового потенциала организации: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / Кибалюк Ирина Валерьевна. — М., 2006. — 24 с.
9. Кузьменко, И.И. Актуальные проблемы клиентоориентированного поведения современных международных компаний / Е.Н. Рогачева, М.Н. Ибрагим, И.И. Кузьменко // Академическая наука — проблемы и достижения: материалы VIII международной научно-практической конференции. — North Charleston, USA, 2016. — Т. 1. — С. 189–193.

10. Кузьменко, И.И. Инновации в человеческое развитие в современных условиях / И.И. Кузьменко // Инновационные технологии научного развития: сборник статей международной научно-практической конференции. — Уфа: Аэтерна, 2015. — Ч. 1. — С. 100–102.
11. Кузьменко, И.И. Особенности персонального менеджмента промышленных предприятий / И.И. Кузьменко, О.А. Борис // Мир науки, культуры, образования. — 2015. — № 5 (54). — С. 289–290
12. Кузьменко, И.И. Роль персонального менеджмента в региональном управлении инновационным развитием промышленности / И.И. Кузьменко, О.А. Борис, А.В. Безрук // Prospects for the development of fundamental and applied sciences: материалы II международной научно-практической конференции. — Praha: PublishingHouse «Maestro», 2016. — Т. 3. — С. 173–178.
13. Плотников, В.А. Мотивационный климат как элемент внутренней институциональной среды организации / В.А. Плотников, Н.А. Дривольская // Экономика и предпринимательство. — 2016. — № 3-2 (68-2). — С. 680–684.
14. Полянин, А.В. Мотивация как основное условие целевого менеджмента в управлении персоналом организации / Е.Е. Сучкова, А.В. Полянин // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. — 2015. — № 6 (47). — С. 165–167.
15. Причина, О.С. Тенденции и закономерности эволюции трудовой деятельности людей / О.С. Причина, В.Д. Орехов // Проблемы экономики и юридической практики. — 2018. — № 1. — С. 47–50.
16. Туккель, И.Л. Методы и инструменты управления инновационным развитием промышленных предприятий / И.Л. Туккель, С.А. Голубев, А.В. Сурина, Н.А. Цветкова. — СПб.: БХВ-Петербург, 2013. — 208 с.
17. Шумков, Н.Ю. Адаптация персонала: коучинг и наставничество / Н.Ю. Шумков // Традиционная и инновационная наука: история, современное состояние, перспективы: сборник статей международной научно-практической конференции. — Уфа: Аэтерна, 2016. — С. 170–173.
18. Яковлева, Е.В. Формирование инновационной компетентности персонала современных промышленных предприятий / Е.В. Яковлева // Управление человеческими ресурсами — основа развития инновационной экономики. — 2017. — №. 7. — С. 294–298.

С.А. Рыбкин,

кандидат экономических наук, доцент,

Московский государственный технический университет гражданской авиации (МГТУ ГА), Москва

ФАКТОРЫ ЭКСТРЕМАЛЬНОСТИ АРКТИЧЕСКОГО РЕГИОНА И МЕТОДЫ ИХ ФОРМАЛИЗАЦИИ**S.A. Rybkin,**

PhD in Economic Sciences, Associate Professor,

State Technical University of Civil Aviation (MSTUCA), Moscow

E-mail: rybkin@mail.ru

EXTREME FACTORS IN ARCTIC AND HOW TO FORMALIZE THEM

Аннотация. В статье рассматриваются основные факторы, которые обуславливают особенности освоения арктического региона. Констатируется, что для полноценной реализации целей и задач, поставленных в нормативных документах, необходимо системно подходить к экстремальным факторам, существующим в Арктике. Дается оценка значимости факторов для развития различных видов деятельности, в том числе туристическо-рекреационной, гражданской авиации. Предлагается подход для формализации факторов на основе теории враждебности с использованием аппарата расчета коэффициентов враждебности. Данный подход определяет, что любая среда может быть представлена в виде системы взаимосвязанных факторов, которые оказывают противодействие любой новой активности относительно этой системы. В связи с этим для каждого фактора рассчитывается свой коэффициент враждебности, который отвечает тем же требованиям, что и общий коэффициент среды. Предложенный в статье подход при формализации экстремальных факторов Арктики позволит снизить риски реализации проектов и своевременно отслеживать возможные угрозы и, как следствие, предпринимать адекватные и своевременные меры для снижения риска, что даст возможность реализовать поставленные планы по освоению и развитию арктического региона в полном объеме.

Ключевые слова: Арктика, экстремальные факторы, враждебность среды, коэффициенты враждебности, туризм, гражданская авиация.

Abstract. This article is mainly concern to critical factors in Arctic region. The importance of these factors considered in the fields of different activities: such as tourism and civil aviation. An approach is proposed to formalize factors based on the theory of hostility using the apparatus for calculating the coefficients of hostility. This approach determines that any environment can be represented as a system of interrelated factors that counteract any new activity relative to this system. In this regard, for each factor, its own coefficient of hostility is calculated, which meets the same requirements as the general coefficient of the environment. The approach proposed in the article when formalizing the extreme factors of the Arctic will reduce the risks of project implementation and monitor possible threats in a timely manner, and, as a result, take adequate and timely measures to reduce the risk, which will make it possible to implement the set plans for the development and development of the Arctic region in full.

Key words: Arctic, extreme factors, environment hostility, hostility factors, tourism, civil aviation.

Арктика является зоной стратегических интересов Российской Федерации и территорией, которая обладает огромным значением в области экономики, транспорта и национальной безопасности. Большую роль арктический регион занимает в вопросах сохранения природного разнообразия, а также развития туристическо-рекреационной деятельности. Вме-

сте с тем данный регион обладает рядом уникальных свойств, которые определяют специфику развития любой деятельности. Очень часто можно слышать такое емкое понятие, как «суровый климат», при этом в него вкладываются порой совершенно различные значения. К сожалению, иногда под «суровым климатом» подразумевается банальная безалаберность долж-

ностных лиц и хозяйствующих субъектов, которые списывают на него свое неумение или нежелание выполнять существующие нормативы (технического, административного и прочего характера). За годы, которые прошли после советской власти, отношение к арктическому региону значительно изменилось. Многие градообразующие предприятия закрылись, а вместе с ними оказались брошенными на произвол судьбы большое количество населенных пунктов. Объективные сложности с транспортной доступностью значительно усугубились в связи с закрытием большого количества местных аэропортов, банкротством региональных перевозчиков, а также катастрофическим износом авиационного парка. В этой связи значительно увеличился отток населения из арктического региона.

В последние годы руководство страны осознало важность арктического региона. В целях развития Арктики были приняты следующие нормативные документы: Государственная программа «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации»¹, утверждена постановлением Правительства от 30 марта 2021 года № 484; Указ Президента РФ от 5 марта 2020 г. № 164 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года»²; Федеральный проект «Развитие региональных аэропортов и маршрутов»³, Ведомственная целевая программа «Сохранение (развитие) сети региональных

и местных аэропортов с малой интенсивностью полетов, расположенных в районах Арктики, Дальнего Востока, Крайнего Севера и приравненных к ним местностях»⁴ и другие. Для полноценной реализации поставленных целей и задач необходимо системно подходить к факторам экстремальности в Арктике. Их рассмотрение целесообразно осуществлять применительно к проектам, которые планируется реализовать. Это является важным элементом обеспечения устойчивости проектов, поскольку относительно разных проектов экстремальные факторы могут оказывать влияние по-разному. На первом этапе выделим наиболее значимые факторы, определяющие экстремальность арктического региона.

Среди этих факторов можно выделить [6]:

- 1) долгие зимние и короткие летние ночи;
- 2) полярные сияния, недостаток ультрафиолетовой составляющей и солнечной радиации;
- 3) нетающие льды на море, вечная мерзлота и низкие (равнинные) ледники на суше;
- 4) низкие температуры воздуха при избыточном увлажнении;
- 5) возможность выпадения снега в течение года; сильные ветра и метели на протяжении большей части года;
- 6) преобладание физических процессов над химическими в формировании рельефа и почв.

Для проведения процесса формализации необходимо определить механизм влияния каждого фактора на хозяйственную деятельность. Для первого фактора длительность дня и ночи влияет на продолжительность работ, которые осуществляются в светлое время суток. Как правило, это строительство дорог, мостов, инженерных сооружений, взлетно-посадочных полос и прочее [1]. В условиях летнего периода

¹ Постановление Правительства РФ от 30 марта 2021 г. № 484 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 5 апреля 2021. — № 14. — Ст. 2352.

² Указ Президента РФ от 5 марта 2020 г. № 164 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 9 марта 2020. — № 10. — Ст. 1317.

³ Паспорт федерального проекта «Развитие региональных аэропортов и маршрутов» // URL: https://projects.sakha.gov.ru/uploads/ckfinder/userfiles/files/FP_Razvitie_regional'nyx_aeroportov_i_marshrutov.pdf.

⁴ Постановление Правительства РФ от 29 марта 2019 г. № 378 «О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации «Развитие транспортной системы» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 8 апреля 2019. — № 14 (часть IV). — Ст. 1556.

такие возможности значительно выше, чем в регионах неарктической зоны, благодаря полярному дню. Вместе с тем в условиях осенне-зимне-весеннего периода такое время значительно сокращается. В этой связи формализацию этого фактора мы будем проводить по часам светового дня.

Второй фактор оказывает свое влияние на здоровье людей, а также на продуктивность сельского хозяйства, особенно растениеводства. Оптимальным является в этой связи формализовать этот фактор через индекс ультрафиолета [4].

Третий фактор определяет доступность Северного морского пути и вообще водных транспортных артерий, поскольку именно по воде происходит заброска основных грузов в отдаленные районы арктической зоны, а также дополнительные затраты, необходимые для возведения объектов в условиях вечной мерзлоты. Фактор доступности водных транспортных путей целесообразно оценивать через дни, когда водные пути открыты для навигации. Особенности инженерно-строительной деятельности, обусловленной вечной мерзлотой, целесообразно рассматривать через призму времени строительства и стоимости [3].

Фактор влажности и температуры, которые также оказывают значительное влияние на скорость и саму возможность реализации проектов, будем рассматривать в размерности температуры и показателей влажности.

Экстремальные погодные условия, обусловленные ветрами, выпадением снега или прочими обстоятельствами, оказывают влияние на ход выполнения работ, которые в случае наступления таких природных обстоятельств приостанавливаются. Такой фактор следует формализовать по времени вынужденных простоев [5].

Шестой фактор, с одной стороны, обуславливает инертность химических процессов, что может быть полезным при проведении разного рода работ, чувствительных к такого рода активности, с другой стороны, диктует необходимость использования катализаторов, что ведет к удорожанию проектов. Формализацию целесообразно проводить по показателям дополнительных затрат на обеспечение

требуемых химических процессов в рамках проекта [6].

Для построения математической модели используем подходы, которые были разработаны для оценки враждебности среды с применением механизма расчета коэффициентов враждебности [2]. Данный подход появился в конце 90-х годов прошлого века и определяет, что любая среда может быть представлена в виде системы взаимосвязанных факторов, которые оказывают противодействие любой новой активности относительно этой системы. Данной свойство системы является априорным и обусловлено таким качеством системы, как целостность. Данное противодействие определено как враждебность и оценивается с помощью коэффициентов враждебности. Область значений коэффициента лежит в диапазоне от 0 до 1. Ноль — полное отсутствие враждебности, что может характеризоваться разрушением системы. Единица — невозможность осуществления никакой деятельности в данной системе. Для каждого фактора рассчитывается свой коэффициент враждебности, который будет отвечать тем же требованиям, что и общий коэффициент среды. В данной статье мы не будем подробно описывать теорию математического аппарата, а сосредоточимся на применении его в рамках данного исследования. Подробно данная методология изложена в источниках, приведенных в списке литературы [2; 7].

Соответственно, для первого фактора мы определяем $X_{\text{тек}}$ как T , которая будет выражаться в часах светового дня на период проведения световых работ. $X_{\text{макс}}$ следует определить как общую продолжительность работ по проекту в часах $T_{\text{пр}}$. $X_{\text{тек}}$ стремится к максимуму, поскольку чем выше продолжительность дня, тем быстрее могут быть завершены работы. Согласно условиям, используем соответствующую формулу. В этой связи коэффициент враждебности примет вид:

$$K_{\text{вр(1)}} = 1 - \frac{T}{T_{\text{пр}}}.$$

Для второго фактора текущий индекс ультрафиолета U в месте и времени реализации проекта определяет $X_{\text{тек}}$. Критическое значение $X_{\text{макс}}$ будет определяться через минимально необходимое для нор-

мального физического состояния персонала ультрафиолета $U_{кр}$. Учитывая недостаточность ультрафиолета в арктической зоне, $X_{тек}$ будет стремиться к максимуму. Коэффициент враждебности для этого фактора примет вид:

$$K_{вр(2)} = 1 - \frac{U}{U_{кр}}.$$

Третий фактор является комплексным, и его можно представить в виде:

$$K_{вр(3)} = \frac{K_{вр(пф3.1)} + K_{вр(пф3.2)}}{2}.$$

Учитывая, что мы признаем одинаковую значимость каждого подфактора (доступность водных путей и времени строительства), поправки значимости будут иметь величину 0,5 для каждого подфактора. Текущее значение подфактора 3.1 мы можем рассчитать через количество дней, когда навигация доступна в месте реализации проекта D , $X_{макс}$ будет определяться минимальным количеством дней, необходимых для осуществления подвоза материалов для реализации проекта $D_{кр}$. Формула расчета примет вид:

$$K_{вр(пф3.1)} = \frac{D_{кр}}{D}.$$

Текущее значение второго подфактора будет определяться через удлинение времени строительства, обусловленного вечной мерзлотой и сложными геологическими условиями $D_{стр}$. $X_{макс}$ определяется через плановое время строительства, но не более продолжительности сезона, когда такое строительство возможно осуществлять $D_{стр-мах}$. Формула будет следующая:

$$K_{вр(пф3.2)} = \frac{D_{стр}}{D_{стр-мах}}.$$

Итоговая формула по фактору номер три будет иметь вид:

$$K_{вр(3)} = \frac{\frac{D_{кр}}{D} + \frac{D_{стр}}{D_{стр-мах}}}{2}.$$

Четвертый фактор целесообразно рассмотреть через определение температурных значений в месте реализации проекта. $X_{тек}$ будет выражаться в значениях средних температурных показателей для периода реализации проекта A . За критическое значение $X_{макс}$ следует принять величину отрицательных температур $A_{мин}$, при которых реализация проекта будет остановле-

на. Для математического удобства вычислений рекомендуется использовать шкалу Фарингейта. Формула расчета примет следующий вид:

$$K_{вр(4)} = \frac{A_{мин}}{A}.$$

Для пятого фактора (возможность выпадения снега в течение года; сильные ветра и метели на протяжении большей части года) $X_{тек}$ мы определяем как количество дней с неблагоприятными условиями на основе средних значений для периода реализации проекта $D_{пг}$. Критическое значение $X_{макс}$ следует рассматривать как $D_{стр-мах}$.

$$K_{вр(5)} = \frac{D_{пг}}{D_{стр-мах}}.$$

Дополнительные расходы C по увеличению сметы, связанные с необходимостью обеспечить необходимые технологические процессы, основывающиеся на химических процессах, будут определять $X_{тек}$ для шестого фактора. Критическим значением следует определить $X_{макс}$ равным размеру выручки, при которой проект выйдет за предполагаемые сроки окупаемости $C_{мн}$. Формула примет вид:

$$K_{вр(6)} = \frac{C}{C_{мн}}.$$

Для определения требуемых поправок значимости будет необходимо исходить из конкретных параметров места реализации проекта и природно-климатических особенностей. Также при определении поправок значимости следует оценивать параметры в приложении к особенностям реализуемого проекта.

В целом, использование предложенного подхода при формализации экстремальных факторов Арктики позволит понизить риски реализации проектов и своевременно отслеживать возможные угрозы, а соответственно предпринимать адекватные и своевременные меры для снижения риска. Все это даст возможность реализовать поставленные планы по освоению и развитию арктического региона в полном объеме и в заданные сроки.

Список литературы

1. Васимов И.И. Строительство дорог и внедрение новых технологий в условиях Крайнего Севера // Инновационные технологии научного

- развития. Сборник статей Международной научно-практической конференции. — 2016. — С. 233–236.
2. Вишняков Я.Д., Рыбкин С.А. Современное понимание концепции враждебности среды: экономическая безопасность и общественное сознание // Проблемы анализа риска. — 2011. — Т. 8. — № 6. — С. 8–16.
3. Гарштя А.Ф. Перспективы развития гражданского строительства в условиях Крайнего Севера // XVI Международная молодежная научная конференция «Севергеоэкотех-2015». Материалы конференции: в 6 ч. / Ухтинский государственный технический университет. — 2015. — С. 101–103.
4. Гудеев П.А. Арктика в исследованиях ИМЭМО (арктические соседи и экономический потенциал Арктики) // Мировая экономика и международные отношения. — 2017. — № 8. — С. 103–113.
5. Природно-климатические условия и минерально-сырьевая база [Электронный ресурс] // Таймырский Долгано-Ненецкий муниципальный район [Официальный сайт]. — URL: <http://www.taimyr24.ru/> (дата обращения 01.12.2021).
6. Районирование Севера России: Препринт [Текст] / Г.П. Лузин, Е.Е. Лазарев, А.И. Волгин и др. — Апатиты: Изд-во Кольского научного центра РАН, 1993. — 86 с.
7. Рыбкин С.А. Оценка внутренней среды аэропорта с помощью математического аппарата коэффициентов враждебности // Гражданская авиация на современном этапе развития науки, техники и общества: Сборник тезисов докладов участников Международной научно-технической конференции, посвященной 45-летию Университета. — 2016. — С. 234.

М.В. Шатохиндоктор экономических наук, профессор,
Институт мировых цивилизаций, Москва**М.А. Булавина**кандидат юридических наук, доцент,
Институт мировых цивилизаций, Москва**РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ МЕХАНИЗМА ЦИФРОВИЗАЦИИ
УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМ РАЗВИТИЕМ ТЕРРИТОРИИ****M.V. Shatokhin**Doctor in Economic Sciences, профессор,
Institute of World Civilizations, Moscow
E-mail: shato-hinm@mail.ru**M.A. Bulavina**PhD in Legal Sciences, доцент,
Institute of World Civilizations, Moscow
E-mail: m.a.bulavina@yandex.ru**REGIONAL ASPECTS OF THE DIGITALIZATION MECHANISM
OF MANAGEMENT OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE TERRITORY**

Аннотация. В публикации раскрываются основные аспекты формирования механизма цифровизации управления социально-экономическим развитием территории на региональном уровне. Авторами рассмотрены целевые ориентиры, функционал и базовые условия формирования «электронного правительства», выполняется диагностика восприятия населением цифровых технологий в системе государственного управления на региональном уровне, проведен анализ результативности применения цифровых технологий в системе государственного управления региона, сформирован общий концепт оптимизации использования цифровых технологий в системе функционирования органов государственной власти Курской области. Результаты проведенных в работе исследований могут стать информационно-аналитической базой для поиска резервов расширения потенциала применения цифровых технологий в деятельности органов государственной власти при управлении социально-экономическим развитием региона. Представленные авторами рекомендации позволяют выделить отдельные векторы роста интенсивности взаимодействия органов государственной власти с гражданами, общественными и коммерческими организациями в виртуальной среде.

Ключевые слова: региональное управление, цифровизация, социально-экономическое развитие, информационные технологии, электронное правительство.

Abstract. The publication reveals the main aspects of the formation of a mechanism for digitalization of management of the socio-economic development of a territory at the regional level. The author considers the target guidelines, functionality and basic conditions for the formation of «electronic government», diagnostics of the population's perception of digital technologies in the public administration system at the regional level, analyzes the effectiveness of the use of digital technologies in the public administration system of the region, forms a general concept for optimizing the use of digital technologies in the system functioning of public authorities of the Kursk region. The results of the studies carried out in this work can become an analytical and information base for finding reserves for expanding the potential for the use of digital technologies in the activities of public authorities in managing the socio-economic development of the region. The recommendations presented by the author make it possible to single out individual vectors of growth in the intensity of interaction between government bodies and citizens, public and commercial organizations in a virtual environment.

Key words: regional government, digitalization, socio-economic development, information technology, e-government.

Введение. Существующие условия социально-экономического развития территорий требуют постоянного повышения эффективности управленческого механизма. В доковидный период использование цифровых технологий являлось ключевым трендом развития всей системы коммуникаций в общественной и деловой среде. В условиях пандемии подобные тенденции приобрели наивысшую степень актуальности. При этом применение дистанционных форм общения необходимо активно использовать не только в бизнесе, но и в системе государственной власти на различных уровнях ее проявления. Виртуальная среда стала основной сферой взаимодействия институциональных единиц между собой, а также с представителями властных структур. В этой связи важно провести качественную диагностику степени соответствия текущего уровня развития цифровых технологий в системе государственного управления потребностям общества и социально-экономической среды. Итоги выполненных аналитических процедур позволят выявить резервы расширения потенциала применения информационных технологий как в области предоставления государственных услуг, так и в системе взаимодействия органов власти с представителями бизнеса, общественных организаций и каждого гражданина в отдельности. Адаптация цифровых технологий в систему государственного управления повышает уровень прозрачности принимаемых решений, что, с одной стороны, увеличивает степень доверия со стороны населения, а с другой стороны, расширяет потенциал ретроспективного анализа и мониторинга, которые в свою очередь формируют фундамент выявления аспектов эволюционного развития всего аппарата государственной власти [5, с. 125]. Помимо всего прочего достижение высоких результатов в области цифровизации государственного управления является элементом конкурентного развития страны в международном масштабе, так как современная система межгосударственного взаимодействия, в том числе и на межрегиональном уровне, уже давно активно внедряет виртуальные формы контактов. В этой связи уровень национальной конкурентоспособности в сфере

международных коммуникаций во многом определяется той ступенью эволюционного развития цифровых технологий, которая существует на данный момент.

Цель данной работы заключается в рассмотрении региональных аспектов механизма цифровизации управления социально-экономическим развитием территории. В рамках отмеченной цели в работе решаются следующие задачи:

- рассмотреть основные условия формирования «электронного правительства»;
- выполнить диагностику восприятия населением цифровых технологий в системе государственного управления на региональном уровне;
- провести анализ результативности применения цифровых технологий в системе государственного управления региона;
- сформировать общий концепт оптимизации использования цифровых технологий в системе функционирования органов государственной власти Курской области.

Материалы и методы исследования.

В процессе выполнения работы был использован широкий спектр методов исследования, основными из которых стали методы обобщения и синтеза, научной абстракции, аналитической диагностики, нормативно-правовой и статистический. Применение нормативно-правового метода позволило выявить основные элементы правового поля использования цифровых технологий в системе государственного управления. Статистический метод на основе использования репрезентативного выборочного наблюдения способствовал формированию достоверной информационной базы для проведения аналитических расчетов. Метод обобщения и синтеза создал возможность аккумулировать весь спектр полученных научных результатов в единый концепт, характеризующий уровень развития информационных технологий в системе государственного управления региона. Метод аналитической диагностики позволил провести исследование широкого спектра показателей, характеризующих восприятие населением цифровых технологий и результативность их исполь-

зования в системе государственного управления на региональном уровне.

Основные результаты исследования

Ключевой вектор повышения эффективности государственного управления социально-экономическим развитием территории направлен на цифровизацию взаимоотношений органов власти с гражданами, а также коммерческими и общественными организациями. Нормативно-правовая составляющая данного механизма включает в себя широкий перечень законодательных актов, среди которых можно выделить Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации» [1], Распоряжение Правительства РФ от 6 мая 2008 г. № 632-р «О Концепции формирования в Российской Федерации электронного правительства» [2]. Правовое поле использования цифровых технологий в деятельности государственных органов содержит также нормативно-правовые акты регионального масштаба, к которым относится и Постановление Администрации Курской области от 24.10.2013 г. № 775-па «Об утверждении государственной программы Курской области «Развитие информационного общества в Курской области» [3]. Итогом реализации программных мероприятий, представленных в указанных документах, является создание в Российской Федерации цифрового государства. Весь концепт цифрового государства строится на нескольких фундаментальных базисах, одним из наиболее актуальных среди которых является «электронное правительство». В наиболее общем виде электронное правительство представляет собой форму взаимодействия государственных органов власти с населением, коммерческими структурами и общественными организациями в виртуальном пространстве при помощи использования цифровых технологий [4, с. 305]. Сервисы и инструменты электронного правительства обладают широким функционалом своего использования в общей системе управления социально-экономическим развитием территории. Вся совокупность функций электронного

правительства может быть распределена на две больших группы:

- консультационно-информационные функции, суть которых заключается в предоставлении всего необходимого комплекса информации заинтересованным пользователям в категории как физических, так и юридических лиц;
- императивно-обязательные функции, применение которых физическими и юридическими лицами выступает необходимым условием участия в социально-экономических процессах и коммерческом обороте [6, с.323].

Реализация концепции электронного правительства на региональном уровне требует соблюдения определенного перечня условий, основные из которых представлены на рис. 1.

Формирование рационального вектора цифровизации системы государственного управления на региональном уровне требует проведения комплексного анализа текущих характеристик функционирования электронного правительства. Для проведения аналитической диагностики воспользуемся статистическими данными в рамках реализации концепции цифрового государства на территории Курской области. В этой связи дадим оценку восприятия населением цифровых технологий в системе государственного управления на региональном уровне. На рис. 2 представим динамику доли граждан, использующих механизмы получения государственных и муниципальных услуг в электронном виде в Курской области [7–9].

Представленная на рис. 2 информационная база позволяет сделать вывод о том, что доля граждан, получающих государственные и муниципальные услуги в электронном виде в Курской области, постоянно увеличивается. Присутствие растущей положительной тенденции данного показателя свидетельствует о расширении масштабов применения информационных технологий в процессе функционирования органов государственной власти Курской области. На данный момент в регионе происходит реализация государственной программы Курской области «Развитие информационного общества в Курской об-

ласти». Содержательная часть данного документа содержит целевые значения, которых необходимо достичь по ключевым показателям функционирования электронного правительства. Результаты проведенного анализа показали, что за период 2018–2020 годов фактическое значение доли граждан, получающих государствен-

ные и муниципальные услуги в электронном виде в Курской области, выше целевых программных показателей. Отмеченное обстоятельство выступает положительной характеристикой емкости и масштаба применения цифровых технологий в системе управления социально-экономическим развитием Курской области.

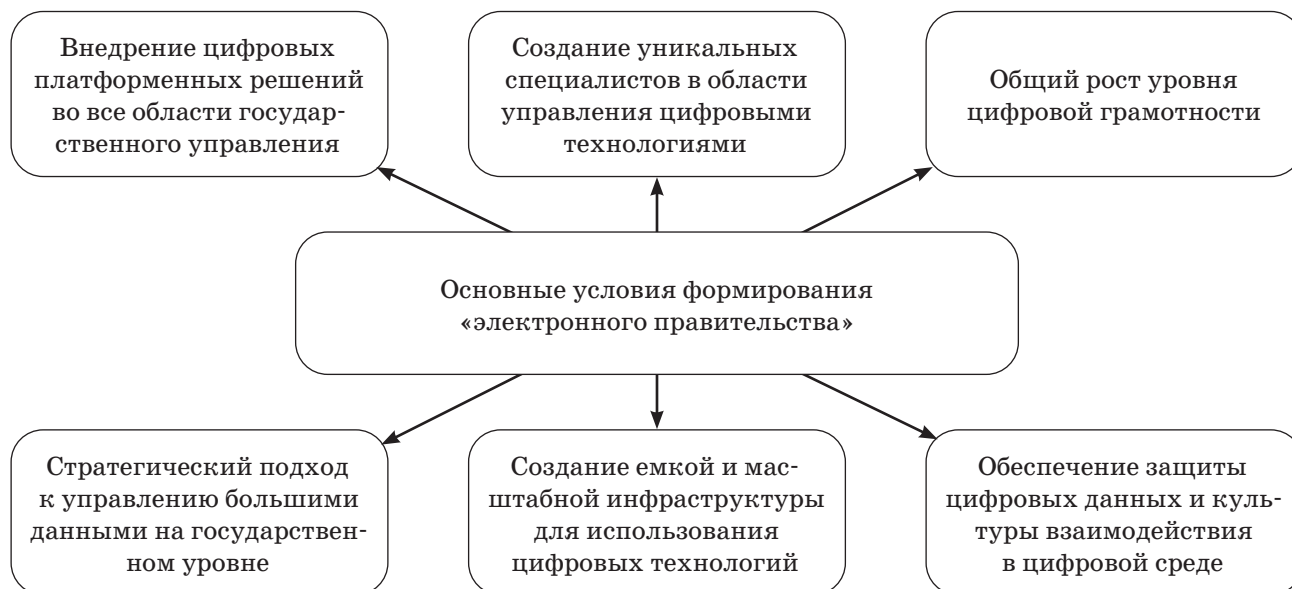

Рис. 1. Основные условия формирования «электронного правительства»

Рис. 2. Динамика доли граждан, использующих механизмы получения государственных и муниципальных услуг в электронном виде в Курской области

На рис. 3 представим динамику количества государственных (муниципальных) услуг (подуслуг), переведенных в электронный вид, в Курской области [7–9].

На основе данных, представленных на рис. 3, можно сделать вывод о том, что в Курской области фиксируется устойчивый рост количества государственных

услуг, переведенных в электронный вид. Использование цифровых технологий в процессе предоставления государственных услуг повышает уровень их оперативности, доступности, качества и прозрачности. Присутствие данных характеристик способствует росту результативности управления социально-экономическим развитием региона и снятию социальной напряженности. Количество государственных услуг, предоставляемых в Курской области в электронном виде, увеличилось со 123 в 2018 году до 127 в 2020 году. При этом на протяжении всего исследуемого периода данный показатель был выше своего целевого значения или равен ему.

На рис. 4 представим динамику количества пользователей системы электронного документооборота органов исполни-

тельной государственной власти Курской области [7–9].

Стратегическими целями применения информационных технологий в деятельности органов государственной власти Курской области являются повышение качества и оперативности функционирования всего механизма управленческого аппарата. В этой связи особое значение приобретает активное внедрение системы электронного документооборота в деятельность региональных органов власти. Анализ статистического материала показал, что в Курской области происходит рост количества пользователей системы электронного документооборота среди органов исполнительной власти. В 2020 году по сравнению с 2018 годом значение данного показателя выросло на 15,66%.

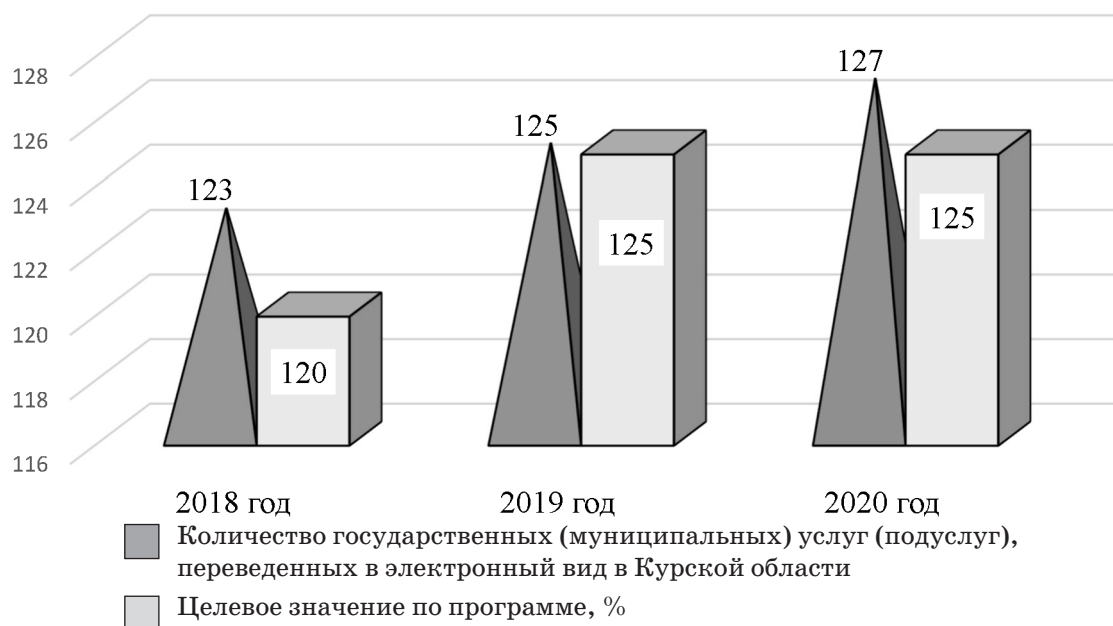

Рис. 3. Динамика количества государственных (муниципальных) услуг (подуслуг), переведенных в электронный вид, в Курской области

На рис. 5 представим динамику доли рабочих мест сотрудников органов исполнительной власти Курской области, обеспеченных широкополосным доступом к сети Интернет [7–9].

Использование информационных технологий в механизме управления социально-экономическим развитием Курской области требует наличия соответствующей инфраструктуры, основным элементом которой является возможность широкополосного доступа к сети Интернет. На осно-

ве данных рисунка можно сделать вывод о том, что в регионе отмечается увеличение доли рабочих мест сотрудников органов исполнительной власти, обеспеченных широкополосным доступом к сети Интернет. Рост данного показателя существенно расширяет потенциал применения цифровых технологий в системе государственного управления социально-экономическим развитием территории.

Результаты выполненной аналитической диагностики позволили сформиро-

вать общий концепт оптимизации использования цифровых технологий в системе функционирования органов государственной власти Курской области, основные элементы которого раскрываются на рис. 6.

В целом можно сделать вывод, что реализация предложенных в концепте инициатив будет способствовать росту ин-

тенсивности использования цифровых технологий в деятельности органов государственной власти. Ключевые аспекты отмеченного концепта заключаются в повышении уровня цифровой грамотности населения и осуществлении технологической модернизации управленческих функций государственных органов власти.

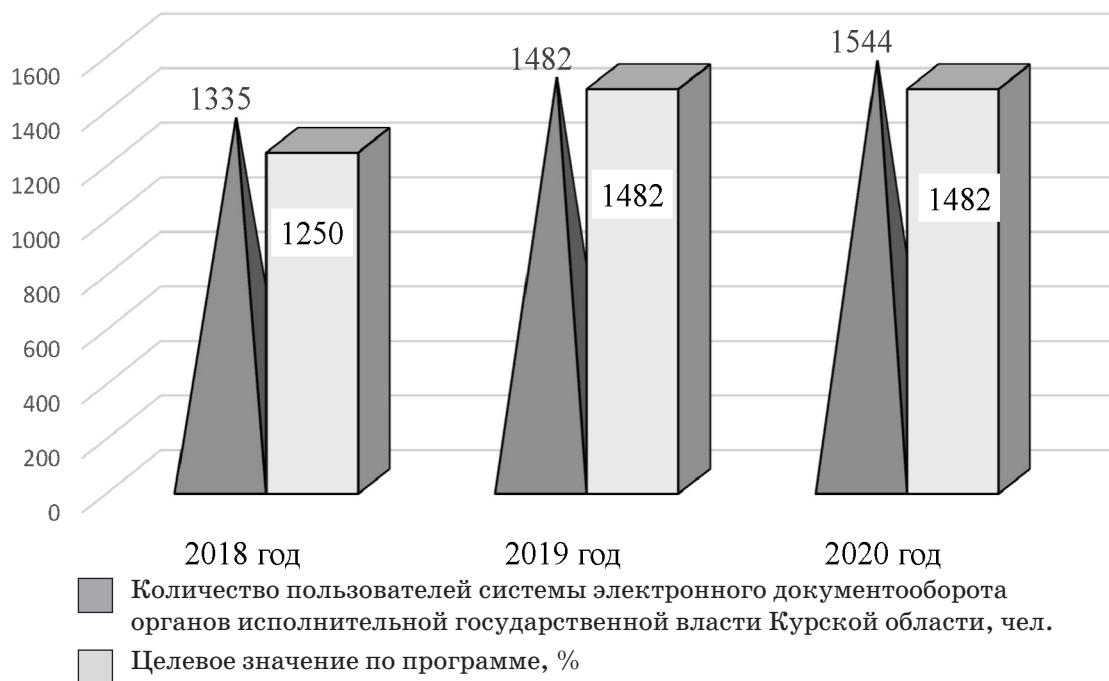

Рис. 4. Динамика количества пользователей системы электронного документооборота органов исполнительной государственной власти Курской области

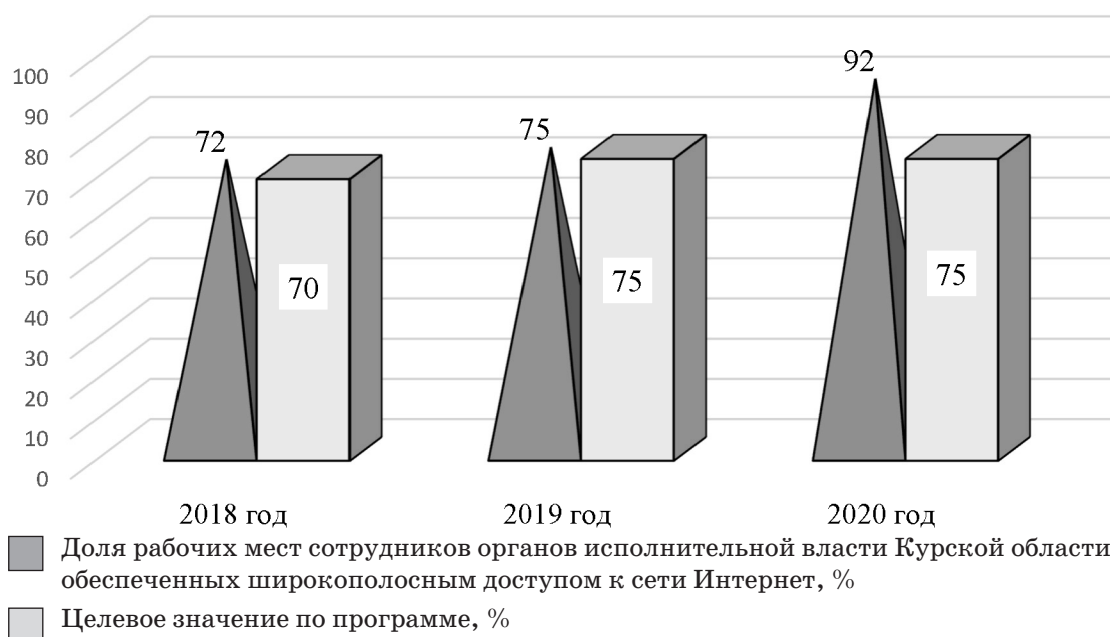

Рис. 5. Динамика доли рабочих мест сотрудников органов исполнительной власти Курской области, обеспеченных широкополосным доступом к сети Интернет

Рис. 6. Общий концепт оптимизации использования цифровых технологий в системе функционирования органов государственной власти Курской области

Основные выводы

Результаты проведенных исследований позволяют сделать вывод о том, что на данном этапе сформированы практически все необходимые условия активного использования цифровых технологий органами государственной власти для повышения эффективности управления социально-экономическим развитием территорий. Действующее правовое поле и объемы выделенных источников бюджетного финансирования создают устойчивый базис для интенсификации взаимодействия органов государственной власти с гражданами, общественными и коммерческими организациями в виртуальной среде. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что в Курской области присутствуют положительные тенденции развития цифровых технологий в системе государствен-

ного управления. Наиболее значимые показатели функционирования механизмов и сервисов «электронного правительства» в Курской области в рамках исследуемого периода обладают стабильными характеристиками роста, а их фактические значения существенно превышают целевые плановые критерии. В частности, в Курской области за исследуемый период отмечается увеличение доли граждан, получающих государственные и муниципальные услуги в электронном виде. Кроме того, в рамках рассматриваемого временного интервала происходит увеличение доли рабочих мест сотрудников органов исполнительной власти Курской области, обеспеченных широкополосным доступом к сети Интернет. Выявленные тенденции положительно характеризуют деятельность региональных и местных властей по расширению возможностей применения потенциала

«электронного правительства». Основные «точки роста» повышения результативности использования цифровых технологий в деятельности органов государственной власти находятся в области расширения цифровой грамотности населения и технологической модернизации функционала государственных структур. Ряд инициатив по решению отмеченного комплекса задач аккумулированы в работе в виде концепта оптимизации использования цифровых технологий в системе функционирования органов государственной власти Курской области.

Список литературы

1. Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс». — [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_221756/
2. Распоряжение Правительства РФ от 6 мая 2008 г. № 632-р «О Концепции формирования в Российской Федерации электронного правительства» // СПС «Консультант Плюс». — [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_14058/
3. Постановление Администрации Курской области от 24.10.2013 г. № 775-па «Об утверждении государственной программы Курской области «Развитие информационного общества в Курской области» // Официальный сайт Администрации Курской области. — [Электронный ресурс]. — URL: https://adm.rkursk.ru/index.php?id=1177&mat_id=27639
4. Груднов, Д.В. Электронные партисипативные технологии в осуществлении современного публичного управления и деятельности электронного правительства [Текст] / Д.В. Груднов // Вестник МГЭИ (on line). — 2020. — № 2. — С. 301–313.
5. Касимов, Т.С. Теоретическо-правовые аспекты цифрового государства и электронного правительства [Текст] / Т.С. Касимов // Правовое государство: теория и практика. — 2020. — № 4-1 (62). — С. 122–130.
6. Сергеева, А.В. Перспективы развития цифровых технологий в системе местного самоуправления [Текст] / А.В. Сергеева // Modern Science. — 2020. — № 4-3. — С. 321–324.
7. Глобальная статистика Интернет // Интернет-портал Web Canape. — [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.web-canape.ru/business/internet-2020-globalnaya-statistika-i-trendy/>
8. Интернет-портал Фонд «Цифровые платформы». — [Электронный ресурс]. — URL: <http://fidp.ru/research/global>
9. Официальный сайт Администрации Курской области. — [Электронный ресурс]. — <https://adm.rkursk.ru/>

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Редакция научного журнала «Вестник Института мировых цивилизаций» рассматривает присланные материалы по тематике журнала для возможной публикации и информирует авторов о принятом решении в официальном письме с пометкой «*статья принята к публикации в журнале «Вестник Института мировых цивилизаций»*».

Автор вместе с текстом статьи предоставляет в отдельном файле следующие сведения: Ф.И.О. и сведения об авторе, название статьи на русском и английском языках, контактный телефон и адрес электронной почты. Текст статьи оформляется *строго в соответствии с требованиями*.

Требования, предъявляемые к оформлению рукописей статей

1. Для издания принимаются только ранее неопубликованные авторские материалы — научные (практические) статьи, обзоры (обзорные статьи), рецензии, соответствующие тематике и профилю журнала: «Вестник Института мировых цивилизаций». Допускается до 4 соавторов.

Объем статьи для кандидатов и докторов наук составляет от 10 000 до 30 000 знаков, рекомендуемый объем статьи для аспирантов и соискателей — до 15 000 знаков. Статьи публикуются на русском языке.

2. Сведения об авторе должны быть представлены как на русском, так и на английском языке: имя, отчество, фамилия; ученая степень, ученое звание; должность или профессия; место работы, учебы включая подразделение (кафедра, факультет), наименование учреждения/организации, населенного пункта, контактная информация (E-mail и другая контактная информация для публикации в журнале), наименование страны (для иностранных авторов). Имя автора приводится в именительном падеже.

В коллективных работах имена авторов приводятся в принятой ими последовательности.

3. Аннотация и ключевые слова. Должно быть указание, что это Аннотация (Abstract) и Ключевые слова (Key words), они должны быть представлены как на русском, так и на английском языках.

Аннотация должна раскрывать проблематику научной статьи, ее цель, а также полученные результаты. Рекомендуемая структура аннотации: предмет, цель работы, метод или методология проведения работы, результаты работы, новизна, выводы. Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в аннотации. Исторические справки, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся. В аннотации не допускается цитирование. Аббревиатуры должны быть расшифрованы. Рекомендуемый объем аннотации — 150–250 слов.

Ключевые слова выбирают из текста материала рукописи и приводят в именительном падеже. Указываются от 5 до 10 ключевых слов или словосочетаний.

4. Основные требования к тексту статьи. Текст идет сразу после ключевых слов. Рекомендуется придерживаться данной логической структуры при написании: введение, методика, результаты, обсуждение, заключение.

Шрифт текста рукописи — Times New Roman, кегль (размер шрифта) — 14, междустрочный интервал 1,5; поля — 2 см со всех сторон. В таблицах шрифт Times New Roman, кегль (размер шрифта) — 12, интервал одинарный. Для сносок и примечаний шрифт Times New Roman, кегль (размер шрифта) — 10, интервал одинарный, абзацный отступ — 1,25 см.

Не допускается использования функции автопереносов. Абзацы («красная строка») должны выставляться автоматически. Для оформления текста не используются специальные стили и шрифты. Римские цифры обозначаются латинскими буквами. Все аббревиатуры и сокращения должны быть расшифрованы при первом их употреблении в тексте. Рисунки должны отвечать тексту и быть пронумерованы.

Ссылки даются в тексте в квадратных скобках, внутри которых первая цифра указывает на номер источника в библиографическом списке, вторая, стоящая после буквы «с», — на номер страницы в источнике (например, [1, с. 26]). Ссылки на примечания даются в круглых скобках, например (1).

Ссылки на официальные документы, нормативные правовые акты, электронные ресурсы, газетные заметки без указания автора — подстрочные, в список литературы такие источники не включаются. Для вставки сносок используется сквозная нумерация.

5. Пристатейный список литературы должен быть пронумерован — каждый источник следует помещать с новой строки под порядковым номером. Нумерация ссылок на источники в списке литературы должна соответствовать ссылкам в тексте статьи. В списке литературы все работы перечисляются в алфавитном порядке. В списке литературы приводятся только материалы, на которые ссылается автор. Все источники в списке литературы следует оформить в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008.

6. Все материалы представляются в редакцию в электронном виде по электронной почте: izdimc@mail.ru.

7. Все статьи подлежат обязательному двойному «слепому» рецензированию. Рецензии на статьи по наиболее актуальным и дискуссионным проблемам по решению редакции могут публиковаться в этом же номере журнала.

8. Плата с аспирантов за публикацию статей не взимается.

Подробную информацию и образец оформления статей можно скачать на сайте журнала:
<http://imc-j.ru/oformlenie-rukopisej>.

ИСТОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

Учебно-методическое пособие для аспирантов

Авторы:

Аулов А.П. — кандидат философских наук, доцент, НАНО ВО «ИМЦ»,

Слоботчиков О.Н. — кандидат политических наук, профессор, ректор НАНО ВО «ИМЦ»

В учебном пособии рассматриваются вопросы по общим проблемам философии, истории и методологии науки, философским проблемам социально-гуманитарного и экономического знания. Рассматриваются общие закономерности развития науки, ее генезис и история, логико-методологические основы научного познания, порядок смены типов научной рациональности, системы ценностей, на которые ориентируются ученые.

Пособие соответствует требованиям к кандидатскому экзамену по дисциплине «История и философия науки» для социально-гуманитарных и экономических научных специальностей.

Предназначено для аспирантов и соискателей ученой степени в сфере социально-гуманитарных и экономических научных специальностей, готовящихся к сдаче кандидатского минимума по «Истории и философии науки», а также для магистрантов социально-гуманитарных и экономических направлений подготовки.

ЦИФРОВАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СРЕДА: ИСХОДНЫЕ ПОНЯТИЯ И КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ

Монография

Автор:

Попова С.А. — кандидат экономических наук, доцент, НАНО ВО «ИМЦ»

Монография посвящена вопросам концептуального проектирования цифровой образовательной среды как необходимого преобразования имеющихся условий функционирования и развития образовательных систем в условиях цифровой экономики. Рассмотрен зарубежный опыт становления концептуальных основ цифровой образовательной среды и ее законодательное регулирование. Изложены проблемы становления цифровизации в российских и зарубежных вузах. Раскрыты особенности конкуренции на рынке образовательных услуг и компетенций нового типа.

В монографии обосновывается ряд предложений по формированию перечня нормативно-правовых актов, необходимых для совершенствования законодательного регулирования, направленного на формирование в России цифровой образовательной среды.

Книга представляет интерес для лиц, занимающихся вопросами совершенствования образовательных систем в условиях цифровизации, научно-педагогических сотрудников и практических работников системы высшего образования.

Книги ИД ИМЦ в электронном виде распространяются через компании-партнеры, предоставляющие специализированные сервисы в этой сфере как в России, так и по всему миру.

С крупнейшим российским распространителем электронных изданий — компанией «ЛитРес» — действует удобная партнерская программа. С сайта ИД ИМЦ открывается реферальная ссылка на книгу в каталоге компании (<https://www.litres.ru/nano-vo-imc/>), где сразу можно оплатить и скачать книгу. В каталоге «ЛитРес» присутствуют все книги ИД ИМЦ, реализуемые в электронном виде.

Книга появляется в продаже в электронном виде одновременно с выходом в свет в бумажном варианте.

**ВЕСТНИК
ИНСТИТУТА
МИРОВЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ**

Том 12 № 2 (31) 2021

Научный журнал

Корректурa — Шапошникова В.В.
Компьютерная верстка, макет — Надворский И.С.

Подписано в печать 15.06.2021.
Формат 60×90/8. Бумага офсетная 80 г/м². Гарнитура SchoolBookC.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,5. Заказ № 25/5
Тираж 500 экз.

Отпечатано в ООО «СТРОМЫНКА ПРИНТ»
107076, г.Москва, ул. Стромынка д. 18, корпус 2, помещение VII, комната 508